

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2017

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 4, 2017

EASTERN ANALYTICS
Issue 4, 2017

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 4, 2017

Moscow
2017

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2017

Москва
2017

Ответственный редактор выпуска — А.В. Акимов

ISBN 978-5-89282-763-8

ISSN 2227-5568

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Акимов А.В., Белокреницкий В.Я., Дерюгина И.В.

Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Общие проблемы экономического развития (по материалам конференции 20 марта 2017 г.)

В Институте востоковедения РАН 20 марта 2017 г. состоялась Общероссийская конференция экономистов-востоковедов «Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки)». На конференции по проблемам стран Южной Азии выступали В.Я. Белокреницкий, А.М. Горячева, С.Н. Каменев, У.В. Окимбеков, Л.А. Печищева. Основным вопросом, на который предлагалось ответить выступающим, был – каковы перспективы преодоления отсталости стран региона. Мнения были различными.

В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН) в докладе «Современный этап социально-экономической эволюции Пакистана» затронул две темы: во-первых, рассмотрел особенности социально-экономической эволюции Пакистана после установления власти военными в конце 1970-х годов, а во-вторых, разобрал различные левые неомарксистские точки зрения на характер и специфику развития капитализма в стране. Докладчик подчеркнул, что на современном этапе в таких странах, как Пакистан, наблюдается закрепление разрыва между капиталоемким и трудоемким секторами экономики (сохраняется ее «двухъярусность»), но нет оснований для выделения особого протокапиталистического типа развития.

С.Н. Каменев (Институт востоковедения РАН) в своем докладе поднял вопрос о некорректном использовании только макроэкономических параметров при оценке уровня развития стран региона и подчеркнул, что в странах Южной Азии показатели макроуровня должны быть дополнены показателями микроуровня. Например, точный подсчет макропоказателя ВВП распределительным методом и методом конечного использования практически в большинстве этих стран невозможен, остается только производственный метод. Если же использовать другой макропоказатель – доход на душу населения, то без учета неравномерности распределения, масштабов экономики страны, его динамика не может свидетельствовать о снижении бедности. Докладчик отметил, что существуют объективные и субъективные факторы, негативно влияющие на рост ВВП, на душевой доход и на ряд других макропараметров; объективные причины (засуха, наводнение) изменить невозможно, но субъективные факторы, негативно влияющие макроэкономические параметры, такие как неэффективная государственная политика, должны быть скорректированы.

Тему неравномерного распределения доходов продолжила *А.М. Горячева* (Институт востоковедения РАН) в докладе «Бедность и неравенство в Индии в 2000-е годы». Она выделила факторы, консервирующие бедность в Индии: сохраняющаяся кастовая структура общества, низкий уровень грамотности – в первую очередь женской, неравномерный экономический рост между штатами и внутри штатов.

Л.А. Печищева (Институт востоковедения РАН) в докладе «Индия и Германия: сотрудничество в области экономики на современном этапе» оценила новые направления сотрудничества Индии и Германии в политической, социально-экономической сфере, в также в науке, образовании, культуре. Германия в настоящее время является для Индии самым крупным экономическим партнером в Европе как по внешнеторговым связям, так и по инвестиционной активности.

В докладе *У.В. Окимбекова* (Институт востоковедения РАН) «Состояние и перспективы развития экономики Афганистана» были рассмотрены наиболее острые проблемы социально-экономического положения в Афганистане. Он отметил, что свержение правительства талибов в 2001 г. дало возможность Афганистану рассчитывать в восстановлении национальной экономики на финансовую и техническую помощь стран-доноров и международных финансовых институтов. За прошедшие годы были реконструированы старые и построены новые автомобильные дороги, открыт первый железнодорожный участок, соединяющий страну с Узбекистаном, восстановлены разрушенные в ходе войны электростанции, создана современная система телекоммуникаций, появилась мобильная связь, интернет, восстановлена банковская система, увеличились объемы внешнеторгового оборота. Средний ежегодный темп прироста ВВП за период 2000–2015 гг. составил около 10%, но обеспечен он был за счет международной помощи. Внешние доноры обязались поддерживать экономику Афганистана до 2024 г., а к этому времени страна должна освободиться от внешней финансовой зависимости. Однако по оценке докладчика, это вряд ли произойдет, так как поступления от внутренних источников в бюджет незначительны и в предстоящие годы положительных изменений в этом направлении не ожидается.

По региону Ближнего Востока и Северной Африки выступали С.Ю. Бабенкова, Г.Л. Гукасян, А.В. Федорченко, А.О. Филоник. Были обсуждены вопросы влияния политических событий на развитие региона.

А.В. Федорченко (МГИМО (У) МИД РФ, Институт востоковедения РАН) в докладе «Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире?» подчеркнул, что военные конфликты на Ближнем Востоке для многих отодвинули на второй план экономическую ситуацию в регионе, ибо главная цель – остановить кровопролитие в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза и на другой вызов – системное экономическое отставание региона. Докладчик полагает, что оживление и модернизация арабской экономики будут происходить

в три этапа: 1) восстановление разрушенных военными действиями производственных мощностей, инфраструктуры, жилого фонда в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и Судане; 2) стабилизация (или экономическая реабилитация); 3) структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства. Дальнейший экономический рост будет зависеть от: решения проблемы трудоустройства; осуществления инфраструктурных проектов; ликвидации городских трущоб; повышения экономической активности молодёжи; наведения порядка в бюджетном процессе.

Г.Л. Гукасян (Институт востоковедения РАН) в докладе «Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)» отметил, что эти стратегии представляют большой интерес для изучения прогрессивной трансформации экономики стран, которые зависят от доходов, получаемых от экспорта сырья. Со времени выхода стран ССАГПЗ на мировой рынок нефти в 1960-х годах они осуществляли модернизацию на основе ассигнований доходов от экспорта нефти на развитие в рамках стратегических государственных планов и программ. Данная стратегия в ССАГПЗ принесла значительные успехи, но большая зависимость национальных экономик от мировых цен на нефть вызвала большие затруднения при падении этих цен. И в то же время провалы рынка компенсировались за счет валютных резервов государства. По мнению докладчика, последнее снижение мировых цен на нефть должно привести к изменению привычных стратегий роста, и аравийские монархии будут их менять в сторону экономики с общепринятыми финансово-экономическими параметрами (налоги, сборы, адресное субсидирование, приватизация).

Проблемам теневой экономики в арабских странах были посвящены доклады С.Ю. Бабенковой и А.О. Филоника.

С.Ю. Бабенкова (Институт востоковедения РАН) в докладе «Особенности и перспективы развития «теневой экономики» арабских стран» указала, что структура «теневой экономики» в любой стране мира практически одинаковая – это коррупционная составляющая, уход от налогов, незаконная миграция, нелегальная контрабанда наркотиков и торговля людьми, а катализатором возрастания объемов «теневой экономики» может служить: уменьшение легального сектора производства, отток денежных средств за рубеж, мошеннические операции. События «Арабской весны», военные действия в Ливии, Йемене, Сирии, Ираке негативным образом повлияли на экономики арабских стран, эти события привели к увеличению контрабанды наркотических средств, возрастающим объемам нелегальной трудовой миграции и работорговли. По подсчетам докладчика, объем теневой экономики в большинстве арабских стран в 2015 г. составлял примерно 20%, при этом в таких странах как Египет, Тунис, Марокко – он равнялся примерно 50%, а в Сирии, Ираке и Йемене – более 70%.

А.О. Филоник (Институт востоковедения РАН) в докладе «Арабский Восток: противоправная деятельность в экономической сфере» отметил,

что значительная часть арабского мира переживает крайне сложные времена вследствие затяжной войны с ИГ. Наибольший ущерб нанесен Сирии и Ираку, чья экономика по многим параметрам пришла в полный упадок. Их внутренний рынок функционирует в разорванном режиме. Сегменты под контролем правительства сохраняют атрибуты регулируемой экономики, а другая часть рынка представлена хозяйствующими субъектами под контролем ИГ; связующим звеном между ними служит «теневой рынок». Деятельность «теневого рынка» привела к росту незаконного оборота ресурсов во всех сферах хозяйственной деятельности. Докладчик также отметил, что такое универсальное явление в арабском мире, как коррупция, оценивается во многие миллиарды долларов, а больным вопросом является легализация незаконных доходов. По мнению А. О. Филоника, подобные явления едва ли искоренимы в обозримой перспективе, но они могут быть существенно лимитированы усилиями добросовестного и ответственного государства и его правовых институтов.

На конференции были также обсуждены некоторые общие проблемы экономического развития стран Востока.

В Г. Кандалинцев (Институт востоковедения РАН) в докладе «Инвестиционный климат как инструмент привлечения ПИИ в странах Востока» отметил, что инвестиционный климат можно рассматривать как первый этап инвестиционного процесса, в котором формируется общая инвестиционная привлекательность принимающей страны. Инвестиционный климат описывается десятью компонентами: рост величины рынка, повышение открытости экономики, развитие инфраструктуры, улучшение качества трудовых ресурсов, сохранение относительно невысоких расходов на оплату труда, усиление защиты инвестиций, снижение рисков, развитие финансовых рынков, снижение налоговой нагрузки, улучшение качества регуляторной среды. Бальная оценка этих компонентов формирует индекс инвестиционного климата.

Л. Х. Матюнина (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Выбор режима валютного курса: возможности и вызовы» продолжила тему финансов развивающихся стран. Она оценила, как выбор режима валютного курса влияет на мобильность капитала в странах Азии, отметив, что международное движение капитала находится под воздействием финансовых решений развитых стран, в первую очередь США. Валютный канал, по мнению докладчика, остается важнейшим в передаче внешних и внутренних шоков на национальную экономику развивающихся стран Азии, а денежно-кредитная политика в сочетании с валютным курсом играет роль «первой линии обороны» в противостоянии разным неблагоприятным изменениям в мировой экономике. В современных условиях развивающиеся страны могут выбрать либо открытый рынок капитала и высокую зависимость от мирового финансового цикла, либо контроль за капиталом, чтобы проводить хоть сколько-нибудь независимую монетарную политику, ориентированную на интересы внутреннего развития.

В. А. Мельянцев (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Удается ли беднейшим странам мира встать на путь быстрого экономического развития?» отметил, что в последние годы развивающиеся страны существенно повысили темпы экономического роста, что привело к сокращению удельного веса экстремально бедного населения. Для определения динамики экономического роста в различных группах стран докладчик использовал подразделение стран на наименее развитые страны (НРС), динамично развивающиеся страны (ДРС) и развитые государства (РГ). Темпы роста душевого дохода за последние четверть века были самыми высокими в группе ДРС, самыми низкими в НРС. По мнению докладчика, без энергичной работы по реформированию базовых институтов НРС будет трудно противостоять технологическим и конкурентным вызовам.

В. П. Иванова (ФГБУ «ВГНКИ») в докладе «Динамика и перспективы экономического развития стран и регионов Востока» оценила место России на рынке стран Азии. Основными направлениями сотрудничества, в том числе внешнеторгового обмена, будут продовольственный рынок, рынок энергоресурсов и электроэнергии, вопросы преодоления бедности. Другими перспективными векторами сотрудничества могут стать финансирование научных разработок, механизмы повышения конкурентоспособности экономики и др. Для оценки уровня развития страны, по ее мнению, важны такие показатели, как индекс развития человеческого потенциала и международный индекс счастья.

В. М. Немчинов (Институт востоковедения РАН) в докладе «Политэкономия Востока: вчера, сегодня, завтра» проводит краткий обзор эволюции востоковедных концепций политэкономического развития стран региона в исторической перспективе, начиная с эпохи древности, гидравлических сообществ, деспотического периода, эволюции АСП, теорий центра-периферии, зависимого, догоняющего и прыжкового развития. Среди незападных теорий особое место занимают концепции С. Тюльпанова, А. Левковского, В. Яшкина, Г. Широкова, А. Петрова и ряда других востоковедов. Рассматриваются новейшие концепции евразийской политэкономии, перспективы регионального сотрудничества и инновационного развития на предстоящие годы. Им противостоят противоречия дуальной экономики, всплески архаики и антисистемные разрушения в слабых и несостоявшихся государствах.

Участники конференции отмечали, что представленные на ней доклады освещают актуальные проблемы развития стран Востока.

*Бабенкова С.Ю.**

Особенности и перспективы развития «теневой экономики» арабских стран

Вопросы «теневой экономики» всегда вызывали у экономистов достаточно большой исследовательский интерес. Среди известных зарубежных ученых, исследовавших «теневую экономику» – Фридрих Шнайдера, над терминологией и экономической сущностью вышеуказанного понятия работал такой Эрнандо де Сото, который достаточно подробно в своей книге «Иной путь» описал причины становления и развития нелегальной экономики в Перу. В настоящее время отсутствует единое как определение самого понятия «теневая экономика», так и единая методологическая база расчетов ее объемов, данные, приводимые в том, числе по арабским странам являются неоднородными. Применяемые методы расчета объемов «теневой экономики» имеют достаточно широкий диапазон: от «прямых» (метод исследования, метод налогового финансового аудита), до «косвенных» (расчет разницы между официальными и фактическими данными по количеству рабочей силы, национальными расходами и доходами, MIMIC модель и т.д.), в расчетах, применяемых в вышеприведенных методиках используются эмпирические данные. Последние данные по расчету «теневой экономики» некоторых арабских стран, приведенные в исследованиях оканчиваются 2005–2006 гг., то есть они полностью не учитывают событий последних 10 лет, происходивших в странах Ближнего Востока.

Структура «теневой экономики» в любой стране мира практически одинаковая, в том числе это коррупционная составляющая, уход от налогов, незаконная миграция, нелегальная контрабанда наркотиков и торговля людьми. Фактически катализатором возрастания объемов «теневой экономики» может служить: уменьшение легального сектора производства, отток денежных средств за рубеж, в том числе посредством денежных переводов физических лиц, мошеннические операции.

События Арабской Весны, военные действия в Ливии, Йемене, Сирии, Ираке, прямым негативным образом повлияли на экономики арабских стран, включая Монархии Персидского залива. Вышеуказанные события привели, в том числе к увеличению контрабанды наркотических и психотропных средств и возрастающим объемам нелегальной трудовой миграции и работорговли. Согласно Глобальному индексу рабства «2,54% или приблизительно три четверти миллиона человек являются рабами на Ближнем Востоке и в Северной Африке.» Также по некоторым данным доходы от работорговли составили от 34 млрд долл. США до 150 млрд долл. США.

---

* Бабенкова С.Э. – к.э.н, Научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр арабских и исламских исследований, sbabenkova@ivran.ru

Величина миграционных потоков увеличилась в связи с Сирийскими событиями. По данным ILO (Международной организации труда) к концу 2015 года: 32 млн чел. мигрантов прибыло в районы стран Персидского залива, 10% трудовых мигрантов со всего мира принимает у себя КСА и ОАЭ, более 80%населения Катара и ОАЭ составляют трудовые мигранты.

Большие объемы переводов денежных средств мигрантами, например, из стран таких стран как Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, ОАЭ, КСА общая сумма составила 100 млрд долл. США. Относительно коррупции в рабских странах необходимо отметь, что сущность понятия «коррупция» не так строго зафиксировано в арабских странах, как в западных. Многие «дополнительные» платежи, например, за открытие бизнеса практически легальны на территории той или иной арабской страны[1], также инвестиционное законодательство арабских стран предполагает контрольное участие местного жителя в работе зарубежной фирмы (нередко в качестве совладельцев выступают гос. служащие или работники правоохранительных органов и органов безопасности).

Расчет объемов «теневой экономики» в западных странах некоторые экономисты производят исходя из сумм налоговых платежей и сборов. Аналогичный показатель для арабских стран не является основным, в связи с тем, что многие представители среднего класса (в западно-экономическом понимании этого термина) осуществляют свою деятельность без использования ККТ, ведения счетов бухгалтерского учета или иных контрольных инструментов, по которым можно определить обороты бизнеса и соответственно определить налоговую базу и уровень налогов

Для рассмотрения в целом экономического положения некоторых арабских стран, ниже в таблице 1 приведены показатели:

– CPI – Индекс восприятия коррупции (за 2015 год), расчет которого производит компания Transparency International. Критерии оценки-0-самый высокий уровень восприятия коррупции, 100 – самый низкий уровень восприятия коррупции;
– Failed States Index – Индекс слабости государств (за 2015 год). Комплексный показатель, характеризующий способность (и неспособность) властей контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране. Критерии оценки- Надежный 10–30, Стабильный 40–60, Предупреждающий 70–90, Тревожный 100–120.
– CRP – country risk premium – страновой риск. Риск, с которым сталкиваются инвесторы при принятии решения об осуществлении инвестирования в суверенные страны. Он отражает экономические, финансовые, политические и институциональные факторы и зависит от многих политических событий, которые могут

[1] Например, дополнительный «налог или платеж», который платится единовременно владельцу помещения арендатором в Иордании

привести к значительным потерям в стоимости и качестве инвестиций. Согласно карте странового риска PwC (за 2016 г), все страны Ближнего Востока имеют «очень высокий» уровень странового риска, кроме стран Персидского залива, они имеют «очень низкий» уровень странового риска, также «высокий» уровень имеют Тунис и Иордания, Марокко.

Таблица 1

Сводная информация странам Ближнего Востока (Индекс восприятия коррупции, Индекс слабости государств, Страновой риск, объемы «теневой экономики»)

Наименование страны	CPI (100)	Country risk premium	Индекс слабости государств (FSI)	Объем теневой экономики (%) (2007/2015)[2]
1	2	3	4	5
Qatar	71	0,77%	50	***18,4/20***
UAE	70	0,77%	50	***23,5/20***
Jordan	53	6,95%	80	17,2/44
KSA	52	0,93%	50	16,8/20
Bahrain	51	3,40%	50	***17,1/20***
Kuwait	49	0,77%	50	***17,9/20***
Oman	45	1,09%	50	***17,6/20***
Tunisia	38	5,56%	80	35,4/50
Egypt	36	10,05%	90	33,1/60
Morocco	36	3,86%	80	33,1/44
Algeria	36	-	80	31,2/60
Lebanon	28	8,50%	90	32/20–25
Iraq	16	-	110	-/67
Libya	16	-	100	30,9/30–40
Syria	18	-	110	18,5/80
Yemen	18	-	110	26,8/60–80

Перспективы развития «теневой экономки» в арабских странах во многом зависят от развития политической ситуации в Сирии. Сирийский конфликт

[2] Данные приведены за период 2011-2015 гг из неофициальных источников. Необходимо отметить, что данные по некоторым странам Персидского залива отсутствуют, но целесообразно предположить, что они будут равняться в среднем 20%. Данные за 2007 год (кроме Катара, ОАЭ, Бахрейна, Кувейта, Омана-данные за 2005 год) из исследования Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow:What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423 [Электронный ресурс] – IZA DP – March 2012. – Режим доступа: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

возможно локальный по своей некой географической составляющей, но международный или мировой по своей экономической составляющей. Действующая на территории Сирии и Ирака ИГИЛ (ДАИШ) (*запрещенная в России террористическая организация*) наглядный практический пример «теневой экономики», которая негативно отражается на деятельности всех страна MENA. Кроме прекращения вооруженных конфликтов, и как следствие уменьшения нелегальных людских, финансовых потоков, наркотрафика и т.д., одним из факторов уменьшения объемов «теневой экономики» будет формирование среднего класса в арабских странах (мелкого и среднего предпринимательства), который будет расти благодаря грамотным действиям органов власти в финансовой, налоговой, социальной политике. Государство должно работать для народа, а не для обогащения чиновничьего аппарата, потому что по словам Шейха Зайда ибн Султана Аль-Нахайяна: «Ни один правитель не может быть счастлив, когда беден и несчастлив его народ».

Литература

1. Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423 [Электронный ресурс] – IZA DP – March 2012. – Режим доступа: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

2. Sharon Buchbinder. Sex, Lies and Crime: Human Trafficking in the Middle East. The Islamic Monthly – [Электронный ресурс] – 27 апреля 2015 – Режим доступа: http://theislamicmonthly.com/sex-lies-and-crime-human-trafficking-in-the-middle-east/, свободный – Загл. с экрана. – Яз. англ.

3. Labour Migration [Электронный ресурс]. – International Labor Migration – 2015 – Режим доступа http://www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/lang – en/index.htm – свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

4. Трансперенси Интернешнл Россия. Центр Антикоррупционных исследований и инициатив [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: URL: https://www.transparency.org/, свободный. – Загл. с экрана. –Язык англ.

5. Country risk premia quarterly update [Электронный ресурс] – PwC –2016- Режим доступа: http://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/country-risk-premia-quarterly-update.html, свободный. – Загл. с экрана. –Яз. англ.

6. Бабенкова С.Ю. «Теневая экономика» в странах Ближнего Востока: причины, риски, последствия // Ученые записки Российской академии предпринимательства «Роль и место цивилизованного предпринимательства в экономике России». – М.: Издательство Агентство печати «Наука и образование», 2016. – Вып. XLVIII. – С 7–36.

7. Филоник А.О. ИГ: от безумной идеи к коллапсу экономики [Электронный ресурс] – М., РСМД – 27 января 2017. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8639#top-content, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

*Белокреницкий В.Я.**

Современный этап социально-экономической эволюции Пакистана
(к вопросу о капиталистическом или протокапиталистическом развитии)

В докладе затронуты две темы. Первая – это особенности социально-экономической эволюции Пакистана на современном этапе, который наступил, как представляется, после установления власти военными в конце 1970-х годов. В научной литературе содержится интересный материал по характеру трансформаций, выявивший дискуссию между сторонниками различных взглядов, главным образом левых, неомарксистских, на специфику пакистанских социальных, экономических и политических проблем. Вторая часть доклада посвящена разбору некоторых такого рода точек зрения.

Докладчик исходит из наличия двух больших периодов в экономической и социальной истории Пакистана. Первый этап занял 30 лет с 1947 г., второй продолжается уже 40 лет. Что позволяет видеть водораздел в приходе к власти летом 1977 г. военных по главе с генералом М. Зия уль-Хаком? Казалось бы, сам по себе военный переворот произошел не впервые в истории Пакистана и не в первый раз власти использовали исламскую идеологию для усиления контроля над обществом. Однако совершенный тогда госпереворот имел другие последствия, не изжитые до сих пор. Военные, хотя и находились у руля правления страной с 1958 по 1971 гг., но не смогли воспользоваться этим для решительного укрепления своих позиций. Дело в том, что само утверждение военных как корпорации еще не состоялось, а правящими кругами в 1950–60-х годах проводилась политика поощрения крупной по местным меркам буржуазии. В выигрыше от пребывания военных у власти на том этапе оказались торгово-промышленная буржуазия и высшая гражданская бюрократия. Именно по их позициям нанес удар З. А. Бхутто, пришедший к власти в самом конце 1971 г. Его популистская политика не только ослабила позиции буржуазно-бюрократических кругов, но подготовила почву для консолидации военных в качестве корпорации путем укрепления материальной основы их могущества. Этому способствовало вовлечение созданных ранее благотворительных военных фондов в процесс накопления капитала и осуществление ими прямых инвестиций в реальный сектор экономики.

За приходом к власти армии в 1977 г. последовало широкое вовлечение действующих и отставных военных в административно-управленческий

* Белокреницкий В.Я. – д.и.н., к.э.н., Профессор, Заместитель директора, Заведующий Центром изучения стран БСВ, Институт востоковедения РАН
enitsky@yandex.ru

аппарат. Армия при Зия уль-Хаке сделала ставку на поддержку консервативных, прежде всего клерикальных, кругов, не подорвав акцент на сохранение в экономике решающей роли госсектора при сохранении зависимого от государства частного корпоративного сегмента.

Конец 1970-х годов служит водоразделом также из-за двух других причин – социальной трансформации деревни и роста трудовой миграции за рубеж. Преобразование традиционной сельской структуры явилось следствием «зеленой революции», начавшейся в Пакистане в первой половине 1960-х годов. Под влиянием технологического прогресса традиционная система отношений в деревне (сельская община) уже к концу 1970-х годов была серьезнейшим образом подорвана. Взаимообмен между общинниками-землевладельцами и ремесленниками («слугами общины») достаточно быстро деградировал. В отличие от индуистского ареала, где традиционные отношения в общине (система *джаджмани*) освящались религией и связанными с ней обычаями, иным было положение в мусульманских деревнях основной земледельческой провинции страны Панджаба, где подобная система носила название *сейпи*. Освобожденные новыми условиями рынка ремесленники, не испытывая давление кастовой системы, оказались востребованными в качестве мастеров по ремонту сельскохозяйственной техники (электрических насосов для орошения полей, тракторов, других сельхозмашин и приспособлений) и изготовлению аналогов импортных инструментов и механизмов.

С 1970-х годов наблюдался заметный рост стоимости и цены рабочей силы вследствие открывшегося канала выезда за границу, по-преимуществу в разбогатевшие за счет добычи и экспорта нефти страны Аравийского полуострова и Персидского залива. Многократно увеличился поток перечислений от трудовых мигрантов домой. Заработанные средства обычно направлялись на покупку недвижимости (земли и строений) и улучшение материальных и бытовых условий жизни в родной деревне или близлежащих поселениях городского и полугородского типа.

Наиболее мобильными с точки зрения поиска работы обычно оказывались представители неземлевладельческой прослойки жителей деревень, что в целом во многом перевернуло традиционную иерархическую пирамиду – крестьяне-собственники земли оказывались часто менее обеспеченными, социально продвинутыми, проявляли в частности меньше склонности к образованию детей, чем представители ранее зависимого и приниженного населения.

В Пакистане на современном этапе эволюции наблюдается усиление малого, сверхмалого и среднего предпринимательства в промышленности, торговле, на транспорте и в сфере услуг. Это явление можно охарактеризовать как укрепление «нижнего яруса» капитализма [1, с. 501–513]. В результате возрос общий и экспортный потенциал неформального сектора промышленности, на который приходится подавляющая часть занятых процессом обработки сырья и полуфабрикатов. Мелкие и средние предприятия

давали, по данным на конец 2000-х годов, до 30% вклада обрабатывающей промышленности в ВВП и до 25% промышленного экспорта [2].

Смягчение социальных проблем (полной безработицы) за счет относительно более быстрого роста не верхнего, а нижнего яруса экономики сопровождалось крупными издержками – сохранением низкого качества продукции, поступающей на внутренний и внешний рынки, медленным накоплением капитала и незначительным ростом производительности труда. Весьма негативно сказывалось на экономическом прогрессе страны отставание в развитии базовых отраслей промышленности и объектов производственной инфраструктуры.

Своеобразие пакистанского пути социально-экономического развития привело к различиям в его оценке, которое вылилось в заочную дискуссию о характере капитализма в стране и ключевых свойствах его государственной системы. Преподаватель Торонтского университета (Канада) Т. Амин-Хан опубликовал в 2012 г. книгу с обоснованием теории принципиальных различий между постколониальным развитием Пакистана и Индии [3]. Отталкиваясь от факта самостоятельной и значительной социально-политической роли класса крупной буржуазии в Индии, он полагает, что эта освободившаяся от колониальных оков страна с самого начала встала на путь капиталистической эволюции, а государство приобрело соответствующий капитализму характер. Между тем, в Пакистане не буржуазия, а класс феодалов, латифундистов, определил особенности государства, общества и социально-экономической эволюции. Он не без основания утверждает, что на момент раздела колониальной Индии в 1947 г. на территории Пакистана промышленной буржуазии по существу не было, а впоследствии она целиком зависела от государства, которое на определенных этапах поощряла превращение богатых торговцев и посредников в промышленных капиталистов, а на других – подавляла и уничтожала слой крупных предпринимателей. На этом основании Амин-Хан относит постколониальную эволюцию Пакистана к разряду ***протокапиталистических.*** Понимает он это развитие, исходя из текста книги, двояким образом – и как предкапиталистическое, и как квази-капиталистическое.

Анализ канадского автора выполнен в рамках леворадикального неомарксистского подхода. Критике с его стороны подвергаются оба пути современной модернизации в рамках «глобальной сети капитализма-империализма».

С тезисом о предкапиталистической эволюции Пакистана не согласен влиятельный пакистанский экономист С.А. Заиди, тоже принадлежащий к левому направлению общественной мысли. В статье, опубликованной ведущим индийским журналом этого направления «Экономик энд политикал уикли», он подчеркивает специфику как экономической, так и политической системы Пакистана, но не ставит под сомнение ее капиталистическую сущность. При этом Заиди отмечает большие социальные перемены, которые произошли в последние десятилетия (на современном этапе) в пакистанской деревне и городе, которые превратились, по его

мнению, до известной степени в единое социально-экономическое пространство. Тезис о сохраняющейся отдельной и влиятельной силе в лице феодальных (квази-феодальных) землевладельцев он не разделяет, подчеркивая размытость класса помещиков-абсентеистов, возникновение новых групп латифундистов из числа отставных военных и гражданских бюрократов и появление широкого слоя некрупных предпринимателей в аграрной и аграрно-промышленной сферах [4]. Сходные выводы делает и еще один пакистанский автор того же направления Т. Рахман. Сравнивая пакистанскую модель капиталистического развития с образцами эволюции в рамках других постколониальных государств, он отмечает возникновение небольшого современного промышленного сектора и «гигантской сферы мелкотоварного производства и малоформатного капитализма (small-scale capitalism)» [5, с. 228]

Представляется, что точка зрения двух последних авторов более соответствует реальности. Пакистанский вариант социально-экономической эволюции принципиально не отличается от индийского, хотя имеет некоторые специфические черты, существенные для понимания его особенностей.

Литература

1. О понятии нижнего и верхнего яруса на пакистанском примере см: В. Я. Белокреницкий. Пакистан: динамика «двухъярусного» капитализма, глава 13 коллективной монографии Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В. Г. Растянников, Г. К. Широков. М.: Восточная литература, 1995.
2. Zaidi S. A. Issues in Pakistan’s Economy. Karachi: Oxford University Press, 2011.
3. Amin-Khan, T. The Post-Colonial State in the Era of Capitalist Globalization. Historical, Political and Theoretical Approach to State Formation. London: Routledge, 2012.
4. Zaidi, S.A.: Class, State, Power, and Transition. Rethinking Pakistan’s Political Economy//Economic and Political Weekly. Vol. 49, No.5, February 2014. Republished by Viewpoint//http://viewpointonlinenet/2014/01/vp186/rethinking-pakistan-s-p… Accessed 16.06.2015.
5. Rahman T. The Class Structure of Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2012.

*Горячева А.М.**

Бедность и неравенство в Индии в 2000-е годы

По данным 2011/12 г. в сельских районах наивысший уровень бедности (43%) наблюдался среди «зарегистрированных племен» и «зарегистрированных каст» (29%), против 22% для всего населения страны. 65% всех сельских 48% городских бедняков проживают в 7 северных штатах – в поясе бедности, как он именовался не так давно (доля этих штатов в сельском населении страны 49% и в доле городского – 27%) [5, с. 32]. Ситуация в Индии в настоящее время складывается так, что ни модернизация сельского хозяйства, ни государственные программы по увеличению занятости, ни участие в выборах, хотя и способствуют мобильности беднейших слоев, но не исключают совсем кастовой дискриминации.

Современный индуизм утверждает, что кастовая структура и социальная иерархия идут от Бога, отсюда и оправдание гендерного неравенства. В 15 статье Конституции Индии закреплено положение о том, что «пол» не может быть основанием для дискриминации. Гендерное неравенство в Индии чрезвычайно многоаспектный вопрос. По уровню гендерного неравенства Индия в 2013 г. занимала в мире 105 место (из 136 стран) [10]. В 2011 г. – 113 место. Индекс гендерного неравенства, раассчитываемый в рамках World Economic Forum (WEF), включает 5 основных показателей: занятость, образование, здоровье дожитие, политические права. В рубрике здоровье – важный показатель селективные аборты по признаку пола эмбриона, по этому показателю Индия, наравне с Китаем, на одном из последних мест в мире. Соотношение полов в возрастной группе 0–1 год в Индии – 114 девочек на 128 мальчиков, для сравнения: в США и Европе – 103-107 [13, с. 4]. По подсчетам известнейшего индиского социолога Патнаик П., с 2000 по 2010 гг. по присине раннего выявления пола ребенка в Индии не родилось около 15 млн девочек [9].

Грамотность женщин, которая долгое время оставалась на несопоставимо низком уровне по сравнению с мужской грамотностью, сейчас уже подтягивается к ней. По переписи 2011 г. грамотность женщин составляла 65,46%, мужчин – 82,14%. С 2006 по2010 гг. доля девочек, получивших законченное среднее образование, составляла всего 26,6%, мальчиков вдвое больше – 50,4% [6, с. 21]. По данным региональных исследований, в некоторых штатах доля девочек, покидающих школу, не закончив образование, на 10% превышает долю мальчиков. Государство в Индии оказывает поддержку девочкам по получению образования: по программе «неформального образования» до 40% всех мест в учебных заведениях зарезервировано исключительно за девочками, а в ВУЗ-ах – эта доля составляет 10%. Структура экономически

* Горячева А.М. – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр индийских исследований, goryacheva.adel@mail.ru

активного населения демонстрирует все уменьшающийся перевес мужчин: в 2001 г. из 397 млн занятых 124 млн были женщины [7]. Доля женщин, занятых неквалифицированным трудом в сельском секторе достигает 70%, а дискриминация по уровню заработной платы – 1,87-1.18 [12].

Чем Индия может гордиться, так это участием женщин в политической жизни страны и общим уровнем наделения женщин политическими правами.

Традиционно менее развитый (по величине ВВП на душу населения) Север Индии образует пояс бедности, также известный как BIMARU states (Бихар, Мадхъя Прадеш, Раджастхан и Уттар Прадеш), по сравнению с южными штатами в 2000-е годы демонстритует более высокие темпы экономического роста, чем пятерка штатов традиционно лидировавших по этому показателю почти весь период независимости. По отношению к этому периоду (особенно ко времени 11-го пятилетнего плана – 2007–2012 гг.) экономисты теперь употребляют понятие «конвергентный рост». Однако, это пока не привело к ослаблению экономического неравенства между Севером и Югом: коэффициент вариации дохода на душу населения вырос с 28% в начале 80-х годов до 36% в 2004–05 г. и до 41% в 2011–12 г. [1, с. 45]. Региональное неравенство сохранится, очевидно, и в дальнейшем, что потребует от центрального правительства особых усилий, так как такое положение чревато в Индии не только социальными, но и политическими последствиями. Более благополучная картина наблюдается по показателю индекса человеческого развития (ИЧР – Human Development Indicator). Здесь гораздо уместнее говорить о конвергентном (сходящемся) росте, чем в случае экономичекого роста: штаты, находившиеся внизу списка по развитию ИЧР с 1999–2000 г. к 2007–08 г. показали опережающие темпы развития по сравнению со штатами, возглавлявшими список длительное время: это штаты Керала, Гоа, Химачал Прадеш, Пенджаб, Дели. Коэффициент вариации между штатами сократился с 0,313 в 2000 г. до 0,235 в 2008 г. [1, с. 46].

Огромные размеры страны подразумевают и неравенство внутрирегиональное, т.е. между отдельными территориями внутри штатов. Последние исследования показали, что беднейшие дистрикты (по уровню бедности, недостаточности питания, детской и материнской смертности, отсеву учащихся из школ и т.д.) отнюдь не сосредоточены только в штатах BIMARU, а образуют целые анклавы застойной бедности и в штатах с самыми высокими показателями дохода на душу населения. Так в штате Махараштра, занимающем первое место в рейтинге самых развитых, есть районы, где бедными считаются от 40 до 48% населения, а есть, где только – 11–14%, в Тамил Наду – в ряде округов бедность охватывает до 60%, а есть, где только 3% [1, с. 46]. Богатые штаты привлекают основной поток инвестиций в свою экономику, консервирую, таким образом, отсталость северных и восточных штатов Индии.

Обостряющаяся общемировая проблема в росте неравенства в распределении доходов. Самое пристальное внимание весь период независимости в Индии привлекала проблема вопиющей бедности значительной части населения страны и на этом фоне неравенство в распределении потребительских

расходов, доходов и богатства как-то отодвигалась на задний план. Неолиберальные реформы 90-х годов XX столетия в Индии, которые еще называют пост-нерувианской либерализацией, привели к значительному ускорению темпов экономического роста за счет роста производительности труда, который сопровождался застоем в приросте рабочих мест в организованном секторе. Этот феномен получил название «jobless growth». Эти процессы в экономике сопровождались ростом числа очень богатых людей и разрастанием среднего класса в Индии. По количеству миллиардеров страна сейчас на 3-м месте в мире, а численности среднего класса Индия превосходит все население крупнейших европейских стран [11, с. 15]. При этом по численности беднейшего населения страна на 1-м месте в мире. Доход на душу населения в Индии в три раза ниже, чем в среднем в мире. Он ниже, чем в таких странах как Шри Ланка, Индонезия, Египет [8. с. 8].

Важнейшие проблемы первой четверти XXI столетия в Индии – стагнация занятости и рост экономического неравенства. Несомненные достижения этого периода – ускорившиеся темпы экономического роста и его «инклюзивный» характер. Однако, по поводу последнего в Индии существуют серьезные разногласия.

Из трех видов экономического неравенства – расходы, доходы, владение материальными средствами (земля, недвижимость, акции и т.д.) статистически подтвержденными в Индии могут считаться только потребительские расходы населения, данные по которым регулярно, каждые 5 лет, собирает National Sample Survey (NSS) на основе большой (thick) выборки, охватывающей до 80% домохозяйств. Обычно собираются данные о размерах и структуре семейных трат на продовольственные и непродовольственные товары. Статистика по этим показателям доступна, начиная с 1950 г. Данные за последние 5 обследований с 1983 по 2011–12 г. (см. таб. 1) представляют репрезентативную картину динамики расходов по группам населения и секторам хозяйства. В 2011–12 г. в 15 крупнейших штатах выборка охватила 459 тыс. хозяйств (287 тыс. городских и 172 тыс. сельских) или 82% всех хозяйств страны [12, с. 45].

Таблица 1

Распределение потребительских расходов в Индии по данным NSS в 1983–2011/12 гг.

группы населения	даты проведенных обследований				
	1983	1993–94	2004–05	2009–10	2011–12
доля групп населения в расходах всего населения					
низшие 20%	9,00	9,20	8,50	8,20	8,10
низшие 40%	22,20	22,30	20,30	19,20	19,60
верхние 20%	39,10	39,70	43,90	44,80	44,70
верхние 10%	24,70	25,40	29,20	30,10	29,90
коэффициент неравенства Джинни в распределении потребительских расходов					
деревня	27,10	25,80	28,10	28,40	28,70

группы населения	даты проведенных обследований				
	1983	1993–94	2004–05	2009–10	2011–12
город	31,40	31,90	36,40	38,10	37,70
страна в целом	29,80	30,00	34,70	35,80	35,90

Источник: [14, с. 31]

По степени экономического неравенства Индия находится где-то посередине списка между странами с самой высокой концентрацией доходов и богатства, такими как Китай, ЮАР, Бразилия, Мексика и европейскими странами, Канадой и Австралией, где различия более сглажены. По показателю неравенства в распределении доходов Индия ближе всего к Аргентине, Индонезии, Нигерии, Турции и Пакистану. Более высокая степень неравенства характерна в Индии для городов, чем для сельского населения. После реформ 90-х годов этот разрыв постоянно нарастает. В сельских районах страны с 1950 по 1991 гг. неравенство расходов постепенно сглаживалось, но стало резко нарастать в пореформенный период, та же тенденция прослеживается и в городах. В городах по уровню потребления резко вырывается вперед наиболее зажиточная часть горожан. В деревнях наблюдается строгая иерархия неравенства доходов по социальным группам: «продвинутые касты» индусов имеют доход выше среднего, «низкие касты» – примерно на средненациональном уровне, ниже их располагаются мусульмане, а еще ниже – далиты и адиваси. В городах разрыв ёще более острый: «продвинутые касты» доминируют в гораздо большей степения, чем в сельской местности, «низкие касты» находятся на уровне средних показателей по стране, а вот мусульмане уступают даже далитам. [14, с. 45].

Есть данные, что к началу 2000-х годов богатейшие 10% населения владели 50% всего национального богатства.

Данные NSS позволяют судить об экономическом неравенстве в разрезе соотношения трат населения на питание и непродовольственные товары и услуги. В этой области в стране просходят огромные сдвиги. Растущее наравенство по всем потребительским расходам населения объясняется все большими тратами семей на предметы домашнего обихода длительного пользования, образование, здравоохранение, услуги, которые по своему характеру предполагают большее неравенство, чем расходы на питание. Растущее неравенство, таким образом, генерируется ростом потребностей в непродовольственных товарах и услугах. Снижение уровня бедности в 2000-е годы сопровождается недопотреблением продуктов питания и снижением калорийности ежедневного семейного рациона. Недопотребление продовольствия, широко распространившееся в последние годы, объясняется сокращением семейного бюджета на эти цели за счет роста расходов на другие, непродовольственные цели. Увеличивающееся разнообразие ассортимента провольствия в Индии сказывается прежде всего на питании зажиточных слоев при стагнации бюджетов менее обеспеченных граждан и является причиной снижения калорийности питания.

Очевидно, что в такой огромной стране, как Индия, с экономикой, входящей в пятерку ведущих стран мира, с такой, накопленной столетиями бедностью, жесткой социальной иерархией, своей системой ценностей только комплексный подход при активной перераспределяющей роли государства, и усилия самих граждан в производительной деятельности смогут качественно изменить уровень жизни в стране.

Литература

1. Bakshi S., Chawla A., Shah M. Regional Disparities in India// Economic&Political Weekly, Mumbai, 2015, N1, january 3, c. 44–52
2. Basole A., Basu D. Non-food expenditures and consumptions inequality in India. //Economic&Political Weekly, Mumbai, 2015, N36, september 5, c. 43–53
3. Bijapurkar R. It's happening, lets keep it. //Seminar N672, Exclusion, discrimination, disparity. august 2015, c. 36–40
4. Goyal A. Baikap A. Psychology, cyclicality or social programmes. //Economic&Political Weekly, Mumbai 2015, june 6, N23, c. 116–131
5. Himanshy. Inequility in India. //Seminar N672, Exclusion, discrimination, disparity. August 2015, c. 30–35
6. "Human Development Report for 2012", United Nations Development Project. Retrieved 31 march, 2014, c. 1–342
7. Lockwood N. "Perspectives of women in managment in India", pdf, 2009. Society for Human Resours Managment.
8. Mishra G. India under the of neoliberalism. //Mainstream 2016, New Delhi, march 4–10, c. 7–8
9. Patnaik P. "India census reveals a glaring gap: girls" The Gardian, 31 january, 2012 [электронный ресурс] https: //www.thegardian.com/global-development/poverty-matters/2011/may/25/indias-census-alarming-sex-ratio-female-foeticide
10. The Global Gender Gap Report 2013 [электронный ресурс] http: //www.weforum.org/docs/WEF Gender Gap_Repot_2013.pdf.World Economic Forum, Switzerland
11. The Problem. Seminar N672, august 2015, c. 14–15
12. Wage Rates in rural India (2008–2009) [электронный ресурс] http: //labourbureau.nic.in/wage_rates_rural_india_2008_09.pdf/ Labour bureau, ministry of Labour&Employment, Goverment of India (2010)
13. en.wikipedia.org
14. Weissforf T. Why worry about inequality in the booming indian economy. Economic&Political Weekly, Mumbai 2011, N47, november 19, c. 41–51

*Гукасян Г.Л.**

Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

Стратегии развития монархий Персидского залива (стран ССАГПЗ) представляют интерес для изучения перспектив прогрессивной трансформации экономик, зависимых от доходов, получаемых от экспорта сырья. С момента выхода стран ССАГПЗ на мировой рынок как стратегически важных поставщиков нефти в 1960-х гг. они осуществляли модернизацию на основе ассигнований доходов от экспорта нефти на развитие в рамках государственных планов и программ, имеющих характер стратегического планирования и воплощаемых в рамках реализации государственных бюджетов и проектов, сохранения госсектора.

Данная стратегия в ССАГПЗ принесла значительные успехи. Суммарный ВВП стран ССАГПЗ в 2014 г. достиг 1,6 трлн долл. Саудовская Аравия входит в двадцать крупнейших экономик мира. Вместе с тем, уже первое сильное падение цен на нефть в середине 1980-х гг. привело к большим трудностям, так как государственное финансирование во всех сферах хозяйства монархий затруднилось, возникли дефициты платежных балансов и госбюджетов.

При этом во время снижения цен на нефть наблюдалось падение темпов роста ВВП монархий, которые зависят от доходов нефтяного сектора. Недостаток финансов до момента нового повышения цен на нефть компенсировался за счет валютных резервов правительства, что смягчало экономические трудности. Антикризисная политика была основана на государственном финансировании. Доходы от экспорта нефти на душу населения в монархиях высоки в сравнении с другими странами, что дает «запас финансовой прочности». Они, по оценке на 2014 г., составляли 7900 долл. в Саудовской Аравии, 9435 долл. в ОАЭ, 25362 долл. в Кувейте, 36013 долл. в Катаре, в сравнении с 1326 долл. в Алжире и 2514 долл. в среднем по ОПЕК[5][1]. Уже к началу 1990-х гг. в странах ССАГПЗ был поднят вопрос об экономии и снижении субсидирования, и о приватизации в целом ряде секторов. Но только в 2000-х гг., особенно в период спада цен на нефть в 2008 и 2014 гг., меры финансовой перестройки были заявлены как неотложные. Вместе с тем, у аравийских монархий не одинаковая финансово-экономическая ситуация. Из шести стран ССАГПЗ в наиболее благоприятном положении с точки зрения запаса финансовой прочности находятся Катар и Кувейт

* Гусакян Г.Л. – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Центр арабских и исламских исследований, gukasyan.gurgen@yandex.ru

[1] В текущих ценах

с их огромными нефтяными доходами при малом населении, а Саудовская Аравия, Оман, Бахрейн и, отчасти, ОАЭ – в менее благоприятном.

Отмеченные аспекты не снимают вопроса об основных чертах стратегий экономического развития стран ССАГПЗ и о путях их изменения на этапе последнего снижения цен на нефть, с учетом выхода на рынок сланцевой нефти. Можно отметить следующие основные направления экономических стратегий стран ССАГПЗ.

С 1970-х гг.:

– Создание современной индустриально развитой экономики на основе нефтегазового сектора, нефтехимии и других производств, за счет ведущей роли государственного финансирования и предпринимательства, за которым следует частный сектор.
– Построение общества с высоким уровнем благосостояния.
– Снижение зависимости ВВП от экспорта нефти.
– В части внешнеэкономической стратегии – сохранение своей роли на мировом рынке нефти как надежных поставщиков, инвестирование в предприятия и проекты за рубежом, поддержание зарубежных валютных резервов правительств.

С 1990-х гг. – начала 2000-х гг.:

– Превращение национальной экономики в одну из наиболее передовых среди других стран по мировым рейтингам удобства ведения бизнеса и инвестирования.
– Ускоренное создание основ инновационной экономики.

В 2009–2014 г.:

– Поворот к мерам экономии и снижение бюджетного субсидирования, в т.ч. субсидий для населения.
– Введение новых источников государственных доходов через налоги и сборы.
– Расширение приватизации (включая планы приватизации в рамках крупнейшей нефтяной компании Saudi Aramko, без утраты контроля государства над данной компанией).

Таблица 1

Капитальные расходы в некоторых странах – экспортерах нефти

	Капитальные расходы				
	% от общих расходов		% от ВВП		Реальный рост в 2003–2008 гг.
	2003	2008	2003	2008	(%)
Алжир	37,1	40,5	10,9	11,5	104,5
Нигерия	16,6	33,3	3,1	4,4	145,5

Россия	13,1	14,7	4,6	5,0	109,7
Саудовская Аравия	14,4	25,9	4,8	6,9	195,1

Для 2008 г. данные по оценке МВФ.
Источник: Occasional Paper Series. European Central Bank. – June 2009. – № 104. – p. 26.

Среди макроэкономических показателей стран ССАГПЗ в рамках стратегии создания современной индустриально развитой экономики за счет госфинансирования можно отметить высокую долю капитальных расходов. Это видно на примере Саудовской Аравии в сравнении с рядом нефтеэкспортирущих стран, в т.ч., из числа стран ССАГПЗ – с ОАЭ и Катаром.

Таблица 2

Капитальные расходы в Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре и Алжире в 2010–2012 гг.

	ВВП 2012, Справочно, млн долл.	Общие расходы, 2012, справочно	Капитальные расходы*						
			объем, млн долл		% от общих расходов		% от ВВП		рост %
			2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010–12 гг.
Алжир	206395	92455	24299	28807	40,4	31	15	14	118,5
Саудовская Аравия	711049	232881	53024	69781	30,4	30	10,1	9,8	131,6
ОАЭ	383799	113127	18530	22625	20,4	20	6,4	5,9	122,1
Катар	192402	57336	12155	14621	26,7	25,5	9,7	7,6	120,2

*государственные финансы
Рассчитано автором по: Joint Arab Economic Report 2013, pp. 49, 112. [1, с. 24]

Меньшая доля капитальных расходов в общих расходах у Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, чем у Алжира может объясняться моделью потребления аравийских монархий.

Известные достижения монархий в создании современной инфраструктуры, объектов недвижимости пока еще не позволили получить устойчивый рост не нефтяных секторов хозяйства. Об этом свидетельствуют данные Института международных финансов по Саудовской Аравии, где показатель корреляции между госрасходами и темпами роста не нефтяной части ВВП оказался весьма высоким, на уровне 0,42 за период 1992–2013 гг. [4, с. 6]

Хотя страны ССАГПЗ наращивали производство добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, крайне важной для диверсификации экономики (Табл. 3 на примере Саудовской Аравии и ОАЭ), ее доля в ВВП всех и каждой из стран ССАГПЗ, как известно, так и не превысила 9–10%.

Таблица 3

Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности стран ССАГПЗ на примере Саудовской Аравии и ОАЭ (млн долл., в текущих ценах)

	1970	1980	1990	2000	2010	2014
Саудовская Аравия	443	6737	10049	18210	58178	81019
ОАЭ	n.a.	1625	3799	9465	25744	36030

Источник: [7; 8]

Не перечисляя подробно положения экономических стратегий аравийских монархий, можно отметить, что наиболее желаемая модель их осуществления описана на примере анализа стратегии развития для Абу-Даби. Так, на основе четырехфазной модели развития по Портеру, экономика Абу-Даби, движимая фактором нефтяных ресурсов на 1-ой фазе, движимой факторами, которая тесно переплетается с элементами 4-ой фазы развития (фазы, движимой благосостоянием или богатством), должна была бы ускоренно пройти вторую фазу (движимую инвестициями) и третью (движимую инновациями) за счет инвестирования доходов от нефти в развитие [11, с. 14].

Однако эта модель в ССАГПЗ далека от полного воплощения по ряду отмеченных выше показателей. Кроме того, доходы от нефти, по-прежнему, дают подавляюще большую часть госдоходов. Так, по оценке за 2014 г., доходы от нефти в бюджете Саудовской Аравии составили 91,7%, при доле нефтяного сектора в ВВП более 48%, в Кувейте 94,5% при доле нефтяного сектора в 55,1%. В ОАЭ доля нефтяного сектора в ВВП в 2014 г. составила 31,6% (при доле нефтяных доходов в госдоходах порядка 80%), в Катаре 52%, в Омане 44% [9, с. 54].

Несмотря на известные достижения: строительство наукоградов, внедренческих зон, таких как Dubai Internet City и других, в ССАГПЗ наблюдается, что уровень обучения по международному рейтингу достижений студентов в области математики и других наук значительно ниже, чем у других стран. Если среднемировой индекс (2007 г.) имел значение 451, и самым высоким был в Тайпее (Китай), то в Омане он составлял 372 пункта, в Кувейте 354, в Саудовской Аравии 329, в Катаре 307. Этот индекс был выше в небогатых нефтью арабских странах, составив 391 пункт в Египте, 395 в Сирии, 420 в Тунисе, 427 в Иордании. Процент опрошенных в 2010–2011 гг. руководителей компаний, отметивших недостаточную квалификацию рабочей силы, по странам ССАГПЗ в среднем составил 14,4%, а по другим странам – экспортерам нефти, включая Венесуэлу, – лишь 8,6%, по странам, входящим в ОЭСР – 6,2% [13, с. 75].

Меры по повышению конкурентоспособности аравийских экономик не решили главных проблем их диверсификации, несмотря на то, что например, ОАЭ в рейтингах Всемирного Банка стран по удобству ведения бизнеса и по эффективности управления государственными финансами занимали места в первой десятке, Саудовская Аравия в 2012–13 гг. вошла в первые 20 стран по глобальному индексу конкурентоспособности.

Исследовательским центром McKinsey Global Institute была проведена оценка вклада основных секторов экономики Саудовской Аравии в экономический рост в 2000–2010 гг. Так, вклад не нефтяного частного сектора составил 37%, нефтяного 49% и не нефтяного госсектора 14%. Также представлена экстраполяция инвестиционных потребностей королевства: общие потребности в инвестициях за 2006–2010 гг. составляли 768 млрд долл., за 2001–2015 гг. 934 млрд, на 2016–2020 гг. 900 млрд, на 2021–2025 гг. 1300 млрд долл. При этом доля инвестиционных расходов государства в эти же периоды оценена, соответственно, в 41%, 51%, 81% и 43%. Особо высокая доля государства в 2016–2020 гг. объясняется подготовкой условий для переноса центра тяжести в развитии на частный сектор [14, с. 21].

С 2014 г. на стратегии развития монархий воздействует спад цен на нефть, приведший к финансовым трудностям. Например, в Саудовской Аравии проект бюджета на 2016 г. не предусматривал какого-то перелома в соотношении текущих и капитальных расходов. Однако только по статье инфраструктура и транспорт расходы подверглись сильнейшему в истории страны сокращению – на 63% – до 6,4 млрд долл. [12].

Эти проблемы отразились на темпах роста саудовской экономики, ВВП в 1 квартале 2016 г. возрос только на 1,5% (самый низкий уровень за 5 лет), причем нефтяной сектор возрос на 5,1%, а не нефтяной сократился на 0,7% [2]. В Абу Даби, начиная с 2014 г. наблюдались большие потери иностранных активов, и для компенсации дефицита правительство прибегло к выпуску внутренних госзаймов на сумму 40 млрд дирхам (11млрд долл.) в 2016 г. и 60 млрд дирхам на 2017 г. В 2016 г. госрасходы ОАЭ были снижены на 5%, в 2016 – еще на более чем 6,5% [3].

Можно констатировать, что аравийские монархии, безусловно, будут менять стратегию развития в сторону экономики с общепринятыми финансово-экономическими параметрами (налоги, сборы, адресное субсидирование, приватизация). Сдвиги могут быть сопоставимы с переходом к рынку в странах Восточной Европы. Динамика этого процесса будет сдерживаться возможной стабилизацией цен на нефть и угрозами социальной нестабильности. Явные указания на изменение в экономических стратегиях уже сделаны. Так один из авторов Плана трансформации Саудовской Аравии «Видение 2030» принц Мухаммад Салман аль Сауд требует поднять не нефтяные доходы правительства со 163 млрд сауд. риалов до 1 трлн риалов. Повысить вклад в ВВП частного сектора с 40% до 65%. Повысить долю не нефтяного экспорта в не нефтяной части ВВП страны с 16% до 50%. Будет проведена реформа системы государственных субсидий, которая даст дополнительный доход в 30 млрд долл. и вводиться подоходный налог, дающий еще 10 млрд долл. экономии [15]. В финансово благополучном Кувейте в начале 2015 г. также было объявлено о начале сокращения субсидий на керосин и дизельное топливо, о необходимости чего заявил эмир Кувейта, хотя последовали протесты в Парламенте [10].

Литература

1. Гукасян Г.Л. Экономическая трансформация в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: проблемы и перспективы. – Казань.: Издательство Казанского университета, 2016.
2. A bunch of ugly warning signs are bubbling up in Saudi Arabia. Business Insider. July. 12, 2016. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.businessinsider.com/saudi-arabia-non-oil-private-sector-growth-2016–7 (28.07.2016)
3. Abu Dhabi to Take Billions From ADIA for Debt, Fitch Says. Bloomberg. 2.02.2016. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.bloomberg.com/news/articles/2016–02–02/abu-dhabi-to-siphon-billions-from-adia-for-debt-fitch-predicts (22.07.2016)
4. GCC: Strong Diversified Growth, Limited Risks. – Institute of International Finance Regional Overview. May 2014.
5. OPEC Revenues Fact Sheet. – U.S. EIA. March 2015.
6. Occasional Paper Series. European Central Bank. //June 2009, № 104.
7. Saudi Arabia Manufacturing, value added. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.indexmundi.com/facts/saudi-arabia/manufacturing (22.07.2016)
8. UAE Manufacturing, value added. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.indexmundi.com/facts/united-arab-emirates/manufacturing (22.07.2016)
9. KAMCO Investment Research. GCC Economic Report. – Kuwait, October 2015.
10. Kuwaiti Emir: Subsidy Has to Stop, Utility and Fuel Rates to Be Raised. // Gulf News. 21.01.2016. [Электронный ресурс]. URL.: http://gulfnews.com/news/gulf/kuwait/kuwaiti-emir-subsidy-has-to-stop-utility-and-fuel-rates-to-be-raised-1.1657391
11. Low Linda. Abu Dhabi's Vision 2030. An Ongoing Journey of Economic Development. – World Scientific, 2012. P. 14.))
12. Public Finance Saudi Arabia: 2016 budget targets spending cuts, subsidy reforms and non-oil sector investment. Al-Nakib O. Economic Update. – National Bank of Kuwait.14 January 2016.
13. Rethinking Economic Growth: Towards Productive and Inclusive Arab Societies. – ILO Regional Office for the Arab States. UNDP Regional Bureau for the Arab States. International Labor Organization. 2012.
14. Saudi Arabia beyond Oil: The Investment and Productivity Transformation Al-Kibsi G., Woetzel J., Isherwood T., Khan J., Mischke J., Noura H. – McKinsey Global Institute. Copyright © McKinsey & Company. December 2015.
15. 15. Vision 2030 – General Expectations. Today's Plan Tomorrow's Promise. //Saudi Gazette. May 19, 2016. [Электронный ресурс]. URL.: http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/saudi-vision-2030/vision-2030-general-expectations/

*Иванова В.П.**

Динамика и перспективы экономического развития стран и регионов Востока

Развитие России зависит от перспектив развития стран Востока.

Численность население мира достаточно устойчиво растет в последние 10 лет, выросло на 12,5% в 2015 г. по сравнению с 2005 г. (при этом население Европы увеличилось только на 1,2% за указанный период). Население Азии составило в 2015 году 65% численности населения планеты (ее территория составляет только 23,1%). Существенный вклад в рост населения Азии внесли Индия и Индонезия, население Китая выросло только на 4,8%. За период с 2008 г ода по 2014 г. численность населения Африки выросла на 14,7%.

Рост численности населения в указанный период сопровождался улучшением условий жизни людей в большинстве регионов Азии (см. данные таблицы 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

	1989 г.		2014 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Индия	57	58	66,6	69,5
Индонезия	55	57	66,9	71
Китай	66	69	74,3	77,3
Пакистан	59	59	65,3	67,2
Республика Корея	68	74	79	85,5
Япония	76	82	80,5	86,8

Все таблицы составлены и рассчитаны на основе[1]

Япония по данным Росстата занимает первое место по продолжительности предстоящей жизни, как среди женщин, так и среди мужчин.

Рост продолжительности предстоящей жизни определялся как улучшением питания, так и условий жизни людей, так и развитием здравоохранения.

В этом направление возможно плодотворное сотрудничество России со странами Азии, как в изучении опыта, так и проведении совместных исследований: при каких условиях гарантированно средняя продолжительность жизни в стране будет равна определенной величине. Например,

* Иванова В.П. – к.э.н., доцент ФГБУ «ВГНКИ», vikam64@gmail.com

исследований по влиянию на продолжительность жизни таких показателей (в количественной форме):

1. величина затрат на здравоохранение на одного жителя при условии коэффициента дифференциации этих затрат между отдельными категориями населения, не превышающего определенной величины,
2. максимальное время между сигналом о потребности в медицинской помощи и ее оказанием жителю страны в случае возникновения потребности в ней,
3. доступность и качество оздоровительных мероприятий, необходимых для поддержания здорового образа жизни,
4. информированность населения, доступность продуктов питания по цене и качеству для рационального питания жителей страны).

Первая проблема стран Азии – не решен вопрос продовольственной безопасности.

Таблица 2

Суточная калорийность питания населения, ккал на душу

	1997	2013
Индия	2496	2459
Индонезия	2886	2777
Китай	2897	3108
Пакистан	2476	2440
Республика Корея	3155	3329
Япония	2932	2719

Критичными по калорийности дневного рациона являются Пакистан и Индия – менее 2500 калорий (и ситуации несколько ухудшилась за последние годы).

Таблица 3

Производство зерна на душу населения, кг

	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	542,2	680,0	426,6	657,8	494,1	632,4
Индия	229,8	224,2	237,9	252,3	253,3	251,8
Индонезия	304,7	345,1	351,7	341,1	356,5	356,9
Китай	332,6	364,7	373,5	388,6	402,4	409,8
Пакистан	226,2	230,6	205,5	208,6	189,3	202,7
Республика Корея	141,4	147,8	120,5	116,0	111,6	115,1
Япония	97,8	89,8	89,2	90,1	92,7	93,6

	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Франция	1076,8	1128,8	1063,2	1023,6	1126,9	1065,5
США	1248,7	1364,4	1296,5	1236,1	1135,7	1376,6
Мир в целом	357,6	370,4	363,0	373,6	365,8	390,3

Основные азиатские страны не обеспечивают своей потребности в зерне, резко выделяется Япония, в которой уровень продовольственной безопасности ниже критического для выживания страны в чрезвычайных обстоятельствах.

Это важно для России. Для обеспечения успешного развития стран региона необходимо избавление от зависимости в импорте продовольствия из одной страны. Россия может играть ключевую роль как важного экспортера зерна. Здесь оправдано взаимовыгодное экономическое сотрудничество для обеспечения высокоэффективного сельскохозяйственного производства в России, чтобы гарантировать стабильное обеспечение продовольствием стран Азии.

Вторая проблема –необходимо динамичное развитие производства электроэнергии в некоторых странах Азии (см.таблицу4).

Таблица 4

Производство электроэнергии на душу населения, киловатт-часов

	2005	2014
Россия	6641,8	7284,1
Индия	634,9	963,3
Индонезия	579,4	854,9
Китай	1909,3	4003,5
Пакистан	611,5	528,6
Республика Корея	8095,6	10815,5
Япония	8625,2	8052,6

Рассчитано на основе [1]

В Республике Корее и в Японии производство электроэнергии на душу населения выше, чем в России. В Китае в 2014 г. по сравнению с 2005 г. производство электроэнергии на душу населения выросло более, чем в два раза, в Индии – на 51,7%, в Пакистане – на 33%, но явно недостаточно для удовлетворения потребности в ней.

В России есть необходимые разработки и опыт строительства электростанций. Здесь возможно и необходимо плодотворное экономическое сотрудничество.

Третья проблема – преодоление бедности.

Удельный вес населения, находящегося за чертой бедности, особенно велик в Бангладеше – 31,5%, Пакистане – 29,5%, Индии –21,9%, при этом удельный вес населения, живущего менее чем на 2 доллара в день составил в Индии –58%. [1]

Другие направления сотрудничества.

Страны Азии проводят грамотную стратегию финансирования исследований и разработок, обеспечивающую повышение конкурентоспособности их продукции на международном рынке.

Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту составили в 2014 г. в Китае – 2,05%, в Республике Корее –4,29%, в Японии-3,59%(В России только 1,09%) [1].

Таблица 5

Внутренние затраты на исследования и разработки на одно исследователя, тыс. долл. США

	2005	**2008**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
Россия	19,70	34,56	39,36	41,93	46,84	49,21	48,08
Китай	63,62	74,35	83,58	85,96	89,95	94,41	99,37
Республика Корея	142,2	149,1	155,6	161,5	163,8	169,5	167,7
Сингапур	177,7	242,3	195,0	214,4	207,9	209,9	236,3
Япония	143,5	168,5	160,2	170,6	179,0	187,6	186,4

Некоторые страны Азии выделяются высокими и динамично увеличивающимися внутренними затратами на исследования и разработки на одного исследователя.

Если посмотреть на удельный вес Азии и Африки в мировом экспорте и импорте, то он ниже их доли в численности населения мира, что свидетельствует о менее развитом обмене товарами с другими странами.

Таблица 6

Удельный вес регионов в мировом экспорте, импорте товаров

	Импорт				**Экспорт**			
	2005	**2010**	**2014**	**2015**	**2005**	**2010**	**2014**	**2015**
Россия	2,3	2,6	2,7	2,1	0,9	1,5	1,5	1,1
Европа	41,0	36,0	34,51	31,31	39,92	36,33	33,23	29,02
Азия	23,42	27,53	28,53	30,03	21,41	26,5	28,32	26,96
Африка	2	2,2	1,3	0,9	1,5	2	1,6	0,9
Америка	16,3	15,3	15,4	16	22,8	19,6	19,9	21
Австралия и Новая Зеландия	14,97	16,36	17,56	19,66	13,47	14,07	15,45	21,02
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано на основе [1]

Оценка динамики развития стран Азии.

Для оценки уровня развития страны и выработки стратегии ее развития разработано несколько показателей:

1) Всемирный индекс счастья (World Happiness Index) был введен в июле 2011 года на Генеральной Ассамблее ООН в качестве инструмента по выработке решений в области устойчивого развития (SDSN) стран мира.

Он рассчитывается на базе большого числа комплексных исследований включающих, такие показатели как: уровень ВВП на душу населения, гражданской свободы и социальной поддержка населения, продолжительность здоровой жизни, уровень коррупции и др.

Первый всемирный индекс счастья был опубликован в 2012, второй в 2013, и третий – 23 апреля 2015 года. . [2] Первые места заняли: Швейцария (7,587), Исландия (7,561), Дания (7,527)

2) К показателям, характеризующим уровень жизни, относится – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

ИРЧП – разработали в 1990 году два экономиста: пакистанец Махбуб уль-Хак и индиец Амартья Сен. С 1993 года ООН ежегодно публикует отчёт о развитии человеческого потенциала, в котором и приводятся величины ИРЧП для подавляющего большинства стран мира. Этот показатель построен так, что пределы его изменения от 0 до 1.

Первоначально, он строился как среднеарифметическое трех других индексов: индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс ВВП на душу населения, индекс грамотности.

ИРЧП, равный 1, будет иметь страна, в которой средняя продолжительность жизни равна 85 годам, ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) равен 40 тыс. долл. США, в которой 100% взрослого населения являются грамотными, а все, кто достиг соответствующего возраста, посещают начальную или среднюю школу либо учатся в высшем или среднем специальном учебном заведении. Ближе всего к этому показателю в 2013 г. находилась Норвегия, ИРЧП которой равен 0,944х [3]

3) Международный индекс счастья(англ. Happy Planet Index) – представляет собой индекс, отражающий благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах мира, который был предложен New Economics Foundation (NEF) в июле2006 года.

Для расчёта индекса используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью людьми, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след».

Впервые МИС был рассчитан в 2006 году, в него вошли 178 стран.

В 2012 г. самые счастливые –Коста-Рика, Вьетнам, Колумбия. Россия по уровню счастья по этой методике занимает 122 место из 151 страны. [4]

Анализ перечисленных методик и их результатов показывает, что часто результаты определяются целью и задачами тех, кто финансирует исследование. Так как исходными материалами опросов обладает исследовательская организация, то нет возможности другим проверить достоверность

этих исследований. Более объективными, на наш взгляд, являются исследования Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Задачи, стоящие перед Россией и странами Азии, во многом совпадают.

Необходима разработка методики формирования стратегии страны.

Можно ли построить модель развития страны, в которой в качестве критерия оптимальности выступает максимизация ИРЧП? Ответ – нет. Первое препятствие-нет выявленных количественных закономерностей продолжительности жизни в стране от определяющих ее факторов.

Второе препятствие – ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) может быть в среднем равен 40 тыс. долл. США, но при большом разрыве в распределении ВВП между отдельными слоями населения, может не гарантировать рост условий для развития человеческого потенциала. В тех слоях общества, где очень высокое значение этого показателя, оно порождает потребительские настроения, не связанные с раскрытием творческого потенциала личности. В слоях общества, где значение этого показателя на минимальном уровне, жизнь -борьба за выживание и нет возможности для саморазвития и раскрытия потенциала личности.

Недостаточно изучен вопрос и о качестве образования, способствующем формированию творчески активной и результативной на избранном пути личности.

Анализ данных о калорийности дневного рациона в отдельных странах Справочника Страны мира, показывает, что решение проблемы обеспечения всех жителей планеты необходимым набором продуктов – вполне посильная задача в наше время.

Аналогично в современных условиях развития мира доступно и решение проблемы – грамотности и подготовки специалистов.

Но человечество должно сохранить многообразие форм организации человеческой жизни, ибо это многообразие – неиссякаемый источник познания мира и выбора адекватных путей дальнейшего развития человечества на этой планете.

Сохранение многообразия мира, специфической культуры отдельных народов и выравнивание условий жизни, характера потребления в разных странах – противоречивые задачи. Найти баланс в решении этих задач – важная цель ученых мира.

Литература

1. Страны мира. М. Росстат,2016, Мир в цифрах, М., Финансовый инжиниринг, 1992
2. Электронный ресурс. http://jpsy.ru/public/47393.htm
3. ООН Доклад о человеческом развитии 2013 Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире) Электронный ресурс. http://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_индекс_счастья

*Каменев С.Н.**

Экономическое развитие Пакистана: факторы роста

Оценивая современное состояние экономики Пакистана необходимо принимать во внимание целый ряд внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие национального хозяйства страны. Здесь надо учитывать демографический потенциал Пакистана, уровень военных расходов, геополитическое положение страны на стыке регионов Южная и Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, близость Ближнего Востока с его нефтедобывающими государствами; наконец, нельзя не учитывать ядерный потенциал Пакистана и его сложные взаимоотношения с Индией, а также существенные расходы на борьбу с терроризмом как внутри страны, так и на борьбу с внешним терроризмом.

Экономика Пакистана в последние 5 лет (2012–2017 гг.) развивается сравнительно стабильными темпами – на уровне 4.2% в среднем в год; при этом реальный сектор экономики показывает неоднозначную динамику – объем сельскохозяйственного производства колебался на уровне 2.3%, а индустриальных отраслей в пределах 4%. Так что указанный выше среднегодовой рост ВВП за 5 лет был в основном обеспечен за счет расширения сферы услуг (почти 6% в среднем в год), которая является основным абсорбентом быстро растущего населения Пакистана – по переписи 2017 г. его численность составила 208 млн человек.

Агросфера в Пакистане в соответствии с международной статистикой национальных счетов объединяет земледелие, животноводство (оно обеспечивает 60% вклада в общую сельскохозяйственную добавленную стоимость), лесное хозяйство и рыболовство и обеспечивает примерно 20% ВВП страны. Индустрия охватывает горнодобывающую и обрабатывающую промышленность, строительство, энерго- и газоснабжение – ее вклад в ВВП также составляет около 20%. В сферу услуг (60% ВВП) входят такие отрасли, как транспорт и связь, торговля, кредитная система, домовладение, управление и оборона, некоторые небольшие отрасли сферы обслуживания.

Таблица 1

Основные макроэкономические параметры ряда стран мира в 2016 г.

Страна	Население, на 1.01.2017 г., млн человек	Доход на душу населения, долл.	Темпы роста ВВП,%	ВВП, млрд долл.
США	325	57220	2.5	18558
Китай	1340	8240	6.5	11383

* Каменев С.Н. – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, kamenev51@mail.ru

Страна	Население, на 1.01.2017 г., млн человек	Доход на душу населения, долл.	Темпы роста ВВП,%	ВВП, млрд долл.
Япония	127	34871	1.0	4428
Индия	1330	1710	6.6	2289
Россия	146	7742	-0.5	1133
Пакистан	208	1462	5.3	304
Бангладеш	164	1401	6.6	229
Шри Ланка	21	3990	6.4	85
Непал	29	761	3.8	22
Мальдивы	0.4	9281	3.9	4

Как свидетельствуют данные приведенной таблицы, основные государства Южной Азии показали довольно высокие темпы экономического роста в 2016 г. – Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри Ланка – 5–6%; даже в Непале был достигнут относительно хороший рост ВВП в размере почти 4%.

Не исключено, что темпы роста ВВП, в частности, Пакистана могли быть несколько завышены официальной статистикой (с целью показать состояние экономики в розовых тонах), но скорее всего незначительно. По мнению работающих на постоянной основе в Пакистане экспертов Всемирного банка и МВФ, основные макроэкономические показатели, публикуемые правительством Пакистана в официальных изданиях, в основной своей массе соответствуют истинному положению дел в экономике страны – бригада экспертов МВФ 2 раза в год осуществляет детальный мониторинг состояния национального хозяйства страны для определения возможности предоставления Пакистану экономической помощи. В 2016 г. истек 3-х летний срок предоставления траншей МВФ Пакистану на общую сумму в 6.4 млрд долл., и Пакистан вновь обратился к этой организации за очередной порцией кредитов.

Три основных препятствия стоят на пути ускорения экономического развития Пакистана.

Первая и главная проблема – острая нехватка электроэнергии как для нормального функционирования всех отраслей национального хозяйства Пакистана, так и для жизни всего населения страны (ввиду веерного ежедневного отключения электричества на 4–8 часов, а иногда на 10–12 часов). По оценкам Министерства энергетики и водных ресурсов Пакистана, потребность страны в электроэнергии составляет 22 тыс. МВт, при этом не хватает как минимум 6 тыс. МВт. Наваз Шариф, победив на выборах в 2013 г., пообещал кардинально решить эту проблему к 2018 г., понимая, что в случае невыполнения обещания он существенно лишится голосов избирателей на всеобщих выборах в 2018 г. Энергетическая проблема решается путем строительства новых и модернизации действующих ГЭС и ТЭС, атомных электростанций, массированных закупок газа за рубежом для ТЭС – в этом Пакистану оказывают существенную финансовую помощь АзБР, МВФ, Всемирный банк. Нетрадиционные источники энергии (солнце, ветер) используются в незначительной степени.

Вторая проблема – крайне низкий уровень собираемости налогов, массовое уклонение от прямого налогообложения и как следствие – острая нехватка средств для покрытия растущих расходов на обслуживание внутреннего и внешнего долга (внешний долг составляет 65 млрд долл.), военные нужды, экономическое развитие. Отношение налогов к ВВП в Пакистане одно из самых низких в мире – 9%, ставится задача повысить этот параметр к 2018 г. до 13%. Заметим, что показанный выше сравнительно небольшой бюджетный дефицит связан не столько с сбалансированностью самого бюджета, сколько с объективной невозможностью повысить его расходную часть из-за сложностей с увеличением его доходной части.

Третья проблема – высокий рост расходов на борьбу с терроризмом и экстремизмом. По оценкам пакистанской стороны (не исключено, что завышенным), на эти цели *напрямую* ежегодно расходуется около 3 млрд долл. (часть которых, впрочем, компенсируется за счет средств Фонда коалиционной поддержки, функционирующего в США). По утверждению министра финансов Пакистана Исаак Дара, общие потери страны от террористических актов (прямые и косвенные, включая потери в результате нежелания национальных и особенно зарубежных инвесторов вкладывать капиталы в пакистанскую экономику) составили 9.2 млрд долл. в 2015 г., 5.6 млрд долл. в 2016 г., а в целом, начиная с 2001 г., – 118 млрд долл.

Кроме того, сдерживающим фактором роста экономики являются сильная забюрократизированность госаппарата и его коррумпированность, а также неполное выполнение Программы приватизации. Хотя в рейтинге коррумпированности Пакистан постепенно улучшает свои показатели – по расчетам Transparency International страна занимала 144 место в 2005 г., 134 в 2011 г. и 116 место в 2016 г. – тем не менее, пока что этот негативный фактор существенно препятствует развитию национального хозяйства страны.

Три основных фактора позволяют Пакистану оставаться «на плаву» в экономическом и в какой-то степени политическом плане – значительная внешняя помощь и поступления от пакистанцев, работающих за границей. А в ближайшей перспективе – Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК).

Внешняя помощь поступает в Пакистан от ведущих международных финансовых организаций (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития и др.), а также на двусторонней основе (главным образом из арабских нефтедобывающих государств, Китая и США, некоторых стран Евросоюза). По оценкам пакистанских экспертов, в 2013-по март 2017 г. Пакистан получил помощь в различных формах на огромную сумму в 26 млрд долл. Из них 6.4 млрд предоставил МВФ, 4.5 млрд долл. – в виде долговых обязательств на международном рынке капиталов ($4.5bn bonds from the international capital market), Всемирный банк предоставил 4.4 млрд долл., Исламский банк развития – 2.7 млрд долл., Азиатский банк развития – 2.4 млрд долл. и Китай – около 3 млрд долл.

Поступления от пакистанцев из-за рубежа ежегодно растут и составили в 2015/16 г. 19 млрд долл. (почти равны доходу от экспорта). Основная их часть поступает из мусульманских нефтедобывающих стран, в первую очередь из Саудовской Аравии (30% всех поступлений) и ОАЭ (22%). Значение миграции части пакистанского населения в арабские страны, а также в Европу и Северную Америку определяется и социальным фактором – снижается уровень безработицы и неполной занятости (сейчас безработица официально составляет 6%), в результате чего сокращается возможность социального взрыва вследствие частичного оттока за пределы Пакистана безработной части населения страны.

Важным фактором роста экономики в ближайшей перспективе становится Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), создаваемый в рамках «Нового шелкового пути». Он соединит порт Гвадар с китайским городом Кашгар в Синьцзян-уйгурском автономном районе и будет сочетать сеть автодорог и железных дорог с трубопроводами по транспортировке нефти и газа, мощную энергетическую систему, а также несколько Свободных экономических зон. Первоначально в ходе визита в Пакистан Председателя КНР Си Цзиньпина в апреле 2015 г. общая стоимость проекта оценивалась в 46 млрд долл., затем возросла до 55 млрд долл., а в апреле 2017 г. повысилась до гигантской суммы в 62 млрд долл. Только на развитие энергетики будет израсходовано 35 млрд долл. и построено 19 энергообъектов, которые будут вырабатывать дополнительно свыше 12 тыс. МВт электроэнергии. Общая протяженность коридора – 2400 км с ответвлениями скоростных магистралей в основные города страны – Карачи, Исламабад, Лахор и др., напрямую пройдет через Кветту. И в результате, общая длина КПЭК составит 3500 км.

По оценкам китайских экспертов, завершение проекта КПЭК позволит увеличить прирост ВВП на 3% (до 8%), хотя мы полагаем, что рост не превысит 1%. Уже сейчас почти закончены работы по модернизации пакистанского порта Гвадар, который находится в аренде у китайской компании и уже превратился в мощный современный глубоководный порт с грузооборотом свыше 1 млн тонн. В перспективе планируется довести этот показатель до 300 млн тонн. Уже началась модернизация высокогорного Каракорумского шоссе, строительство автодороги Суккур-Лахор, ряда гидро- и теплостанций, ветряных станций. Пакистанская сторона создала специальное военное подразделение для охраны китайских специалистов, работающих на сооружении этого коридора, и непосредственно сам КПЭК; его численность, как объявил в марте 2017 г. Глава Армии Пакистана генерал Камар Баджва, составит 15 тыс. человек.

И, конечно, реально увеличится товарооборот Пакистана с Китаем, который в 2017 г. составил 18 млрд долл. При этом модернизация порта Гвадар позволит облегчить и расширить торговлю непосредственно Пакистана как с мусульманскими нефтедобывающими странами, так и со странами Евросоюза и Северной Америки. А это даёт возможность сократить постоянно растущее отрицательное сальдо торгового баланса, достигшее в 2017 г. 35 млрд долл.

*Кандалинцев В.Г.**

Инвестиционный климат как инструмент привлечения ПИИ в странах Востока: возможности и ограничения

I. Инвестиционный климат как первый этап инвестиционного процесса

Инвестклимат можно рассматривать как первый этап инвестиционного процесса, в котором формируется общая инвестиционная привлекательность принимающей страны. Коротко рассмотрим задачи этих этапов:

1. Создание благоприятного инвестиционного климата в принимающей стране. Государство может совершенствовать законодательство и административные процедуры в интересах инвестиционного процесса, а также непосредственно участвовать в проектах. Для стратегических проектов с участием крупных инвесторов часто важна «настройка» законодательства и участия государства в интересах конкретного стратегического проекта. Для проектов менее крупных и более многочисленных существенно общее улучшение условий ведения бизнеса в принимающей стране.

2. Выдвижение перспективных идей проектов. В сложных условиях развивающихся стран важно, чтобы инициаторы проектов ориентировались на наиболее перспективные идеи. Такие идеи должны учитывать прибыльность и риски, вопросы расширения занятости, удлинения цепочек создания стоимости и другие факторы, которые способствуют социально-экономическому развитию.

3. Поиск инвесторов. Конкуренция за привлечение инвестиций ощутимо действует среди развивающихся стран. Поэтому на национальном уровне необходима развитая инфраструктура поиска инвесторов, включающая информационные ресурсы и сеть доверительных контактов.

4. Предоставление финансирования и технологий. На этом этапе для развивающихся стран важно добиться, чтобы инвесторы не только финансировали проекты, но и обеспечивали бы передачу необходимых технологий.

5. Разработка проектов. Консультантам, принимающим участие в разработке проектов, необходимо более тщательно подходить к оценке рисков проектов, а также стремиться к большей комплексности проектов.

6. Реализация проектов. Для проектных команд актуальна задача выдерживания качества, сроков и бюджетов проектов. Улучшение подготовки участников команд, внедрение современных стандартов управления проектами может существенно помочь в этом плане.

* Кандалинцев В.Г. – к.э.н., старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Отдел экономических исследований, blisvet2011@yandex.ru

7. Производственная деятельность предприятия. Завершение инвестиционного проекта означает появление постоянно работающего предприятия. Эффект произведенных инвестиций усилится, если стратегия предприятий будет включать социальные и экологические вопросы.

Говоря в целом, инвестклимат является «запускающим» этапом инвестиционного процесса. Этот запускающий этап становится решающим в периоды благоприятной мировой конъюнктуры, когда именно инвестклимат, а не кризисные шоки управляют движением ПИИ.

II. Воздействие инвестиционного климата на привлекательность инвестирования в принимающих странах

Инвестиционный климат оказывает значительное влияние на объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в принимающих странах. Для его оценки далее применен индекс, состоящий из десяти компонентов. Улучшение каждого из этих компонентов значимо воздействует на привлекательность инвестирования:

1. Рост величины рынка – снижает себестоимость вследствие эффекта масштаба производства, позволяет осуществлять более гибкие стратегии вследствие большей сегментации рынка.

2. Повышение открытости экономики – расширяет количество секторов и отраслей, открытых для ПИИ, снижает потолки иностранного участия в капитале.

3. Развитие инфраструктуры – позволяет снизить издержки производства и увеличить производственные мощности, соединяет рынки и сферы экономической деятельности, улучшает доступ к объектам и сооружениям.

4. Улучшение качества трудовых ресурсов – позволяет реализовывать технологически сложные проекты, повышать качество продукции.

5. Сохранение относительно невысоких расходов на оплату труда – создает преимущества в ценовой конкуренции.

6. Усиление защиты инвестиций – стимулирует рост объемов ПИИ и передачу технологий.

7. Снижение рисков – вовлекает в инвестирование чувствительных к риску инвесторов.

8. Развитие финансовых рынков – расширяет возможности финансирования проектов с помощью национальной банковской системы и фондовых рынков.

9. Снижение налоговой нагрузки – увеличивает прибыль после налогов и расширяет возможности реинвестирования и распределения прибыли в зависимости от приоритетов инвесторов.

10. Улучшение качества регуляторной среды – сокращает затраты времени и расходы на создание полноценно функционирующего предприятия.

Перечисленные компоненты наиболее значимы с точки зрения инвестиционной привлекательности принимающих стран. Развитие данных

компонентов – приоритетная задача государственных органов по иностранным инвестициям.

III. Индекс инвестиционного климата и приток ПИИ в странах Востока

Данные по индексу инвестклимата позволяют судить о его связи с некоторыми параметрами притока ПИИ в страны Востока (см. Таблицу 2). В этом плане можно выделить три группы стран.

Таблица 2

Индекс инвестиционного климата и приток ПИИ в странах Востока

Страна	Индекс инвестиционного климата 2016 г., баллов (0–10)	Приток ПИИ на душу населения в 2014 г., долл.	Доля притока ПИИ в ВВП в 2014,%	Приток ПИИ в 2014, млрд долл.
1. Сингапур	8,07	12199	14,9	67,5
2.Малайзия	7,71	350	1,4	10,8
3.Южная Корея	7,36	192	0,6	9,9
4.Таиланд	7,32	193	1,2	12,6
5.ОАЭ	7,26	1086	1,6	10,1
6.Турция	7,17	156	0,8	12,1
7.Израиль	7,15	760	2,4	6,4
8.Индия	7,06	27	0,5	34,4
9.Индонезия	6,99	87	0,8	22,6
10.Китай	6,85	94	0,7	128,5

Источник: рассчитано автором на основе [1–7], а также данных Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) ООН и Всемирного банка.

Небольшие по территории и численности населения страны. Эти страны обычно имеют более благоприятный и сбалансированный инвестклимат (располагаясь в верхней половине таблицы индекса инвестклимата), большую интенсивность притока ПИИ (в расчете на душу населения) и более значительную роль ПИИ в национальной экономике (оцениваемую по доле притока ПИИ в ВВП). Наиболее очевидный пример – Сингапур. Островное государство обладает самым высоким общим индексом инвестклимата. Только по двум позициям, величине рынка и величине расходов на оплату труда, Сингапур не занимает лидирующего положения, по остальным восьми показателям инвестклимата у него первое место среди десяти рассматриваемых стран. С большим отрывом Сингапур опережает другие страны по показателю величины ПИИ на душу населения (более 12 тыс. долл.) и по доле притока ПИИ в ВВП (почти 15%). Менее рельефно,

но все же достаточно заметно выражена данная ситуация и в таких небольших государствах, как ОАЭ и Израиль.

Крупные страны имеют более низкий индекс инвестклимата и более низкие показатели притока ПИИ на душу населения и доли ПИИ в ВВП. Давление на индекс инвестклимата и душевой показатель притока ПИИ в этих странах оказывают очевидные объективные факторы. Например, большие расстояния удорожают формирование необходимой инфраструктуры, а аграрное перенаселение снижает показатель притока ПИИ на душу населения. Сложнее в странах данной группы определить баланс между открытостью экономики и развитием национальных производств, между налоговыми льготами и бюджетными потребностями. Поэтому в Китае, несмотря на значительные меры по увеличению открытости экономики уровень рестрикций на ПИИ остается одним из самых высоких в мире, а Индия в 2014 г. повысила корпоративный налог с 32,45% до 33,99%. В целом три страны группы (Китай, Индия, Индонезия) имеют схожие характеристики индекса инвестклимата и притока ПИИ.

Страны промежуточной группы. К ним можно отнести Малайзию, Южную Корею, Таиланд и Турцию. Для них характерны более высокий индекс инвестклимата и более высокие показатели притока ПИИ на душу населения, чем у стран второй группы. При этом Малайзия «сдвинута» в направлении первой группы, поскольку ее население наименьшее в промежуточной (третьей группе), а индекс инвестклимата, показатели подушевого притока ПИИ и доли ПИИ в ВВП – самые высокие.

Несмотря на то, что приведенные выше данные в достаточной степени свидетельствуют о наличии связи между инвестклиматом и притоком ПИИ, эта связь проявляется не одномоментно, а на протяжении ряда лет. Оценивать ее нужно осторожно. Дело в том, что динамика притока ПИИ в разных странах неравномерна, в отдельные годы (у разных стран разные) случаются резкие провалы в притоке, а затем затухающие периоды ускоренного восстановления. Поэтому колебания показателей притока ПИИ значительны, и их сравнение в разных странах в конкретном году не всегда наводит на объективно обоснованные выводы.

С другой стороны, улучшение инвестклимата осуществляется небыстро, за исключением начальных периодов реформ, когда срабатывает эффект низкой базы на старте. Несомненно, что существует и лаг между улучшением инвестклимата и увеличение притока ПИИ, так что более высокий индекс инвестклимата лишь по прошествии нескольких лет начинает увеличивать приток ПИИ. Все это говорит о том, что хотя инвестклимат является одним из важнейших инструментов модернизации национальной экономики, его применение эффективно тогда, когда есть стратегия привлечения ПИИ, рассчитанная на ряд лет вперед.

Литература

1. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. – Geneva, World Economic Forum, 2015.
2. Данные по индексу регуляторных ограничений ПИИ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm (07.01.2017).
3. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. -Geneva, World Economic Forum, 2015.
4. The Human Capital Report 2015. World Economic Forum, 2015.
5. Данные о среднем уровне заработной платы в странах мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.statista.com/statistics/226956/average-world-wages-in-purchasing-power-parity-dollars (07.01.2017).
6. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. -Geneva, World Economic Forum, 2015.
7. Данные по индексу политического риска в странах мира. [Электронный ресурс]. URL: https://www.prsgroup.com/category/risk-index (07.01.2017).

*Матюнина Л.Х.**

Выбор режима валютного курса: возможности и вызовы

Важнейшей отличительной чертой современного экономического развития является высокая мобильность капитала. Трудно представить какой-то аспект экономического развития в современном мире, который не находился бы в большей или меньшей степени под воздействие этого фактора. Особенно это очевидно для развивающихся стран (РС).

Вместе с тем международное движение капитала находится под существенным воздействием финансовый решений промышленно развитых стран (ПРС), и прежде всего событий и решений принимаемых денежными властями США. Это положение получило еще одно подтверждение в рамках концепции «финансового глобального цикла», недавно сформулированной на основе выявления устойчивой положительной корреляции международных потоков капитала с изменениями в денежно-кредитной политики (ДКП) развитых стран. При этом непропорционально сильные позиции США в мировой финансовой системе сохраняются на фоне относительного снижения роли США в мировой экономике и торговле, во многом благодаря сохранению за долларом статуса ключевой валюты. Монетарная политика ПРС оказывает воздействие на потоки капитала, влияя на уровень долговой нагрузки крупнейших международных финансовых институтов, а через них на интенсивность процесса кредитования в международной финансовой системе [3].

При этом в настоящее время денежно-кредитная политика США отличается нестандартностью, не традиционностью, что вносит еще больше неопределённости в формирование динамики международных потоков капитала. «не конвенциальная» монетарная политика, уже давно практикуемая ПРС, нарушает работу многих механизмов в экономике, чревата непредсказуемыми последствиями, но при этом оказывает влияние на формирование процентной ставки на международном финансовом рынке. Одновременно в условиях возросшей взаимозависимости экономик именно индикаторы международного финансового рынка во все большей степени влияют на принятие решений центральными банками как развитых, так и развивающихся стран. Так, например, ЦБ Норвегии отмечает, что держит политическую ставку на уровне 2%, тогда как расчеты на основе монетарного правила, состояния экономики предполагают уровень в 4%. Но низкие ставки за рубежом заставляют понижать уровень политической национальной ставки.

Политика количественного смягчения оказывает огромное воздействие на мировую экономику. Удорожание иены со 110 до 80 иен за доллар в 2008–12 годах в результате политики смягчения ФРС было преодолено только после

* Матюнина Л.Х. – к.э.н., доцент кафедры МЭО ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, lianamtn@gmail.com

введения аналогичной политики банком Японии в 2012 году. В результате к 2015 году курс иены вернулся на докризисный уровень. Многие экономисты сходятся во мнении, что опыт Японии оказал влияние на решение ЕЦБ также прибегнуть к политике количественного смягчения, т.к. счел высокую стоимость евро по отношению к доллару одной из основных причин неблагополучия в экономике. В результате курс доллара вырос с 1,32 в 2014 году до 1,08 в середине 2015 года. Вслед за удорожанием доллара прошла целая серия девальваций национальных валют развивающихся стран: в Мексике, КНР, Корее, Саудовской Аравией, РФ, Аргентине и др.

Что может предложить экономическая теория развивающимся странам в условиях современной международной финансовой системы в качестве предпочтительного режима валютного курса (РВК) и соответствующей ему денежно-кредитной политики (ДКП)? Ответы на эти вопросы очень важны, т.к. валютный канал остается важнейшим в передаче внешних и внутренних шоков на национальную экономику РС, а также в силу того факта, что ДКП в сочетании с валютным курсом (ВК) часто играет роль первой линии обороны в противостоянии разным неблагоприятным изменениям как в самой стране, так и за рубежом.

Теоретическим обоснованием выбора РВК в условиях мобильности капитала служит известная трилемма, предполагающая выбрать два параметра из трех: независимую ДКП, плавающий курс и открытые рынки капитала; или фиксированный курс, свободное движение капитала и отсутствие автономной ДКП.

В качестве успешной реализации второго варианта трилеммы приводятся примеры Гонконга и Сингапура. Но это малые открытые экономики с уровнем развития финансовых рынков, намного выше среднего по РС, со сбалансированной макроэкономической политикой, развитыми институтами.

В качестве другого варианта в современных условиях РС рекомендуется плавающий курс в сочетании с таргетированием инфляции (ТИ). Плавание в сочетании с ТИ получило распространение в мире в 90-е годы прошлого века. До глобального финансового кризиса такая политика считалась «золотым стандартом» ДКП. В настоящее время из 35 стран, официально применяющих ТИ, 24 – развивающиеся страны. Таким образом, РС более активно осваивают эту практику, чем ПРС. Переход к плаванию в РС наблюдался особенно активно после азиатского кризиса конца 90-х годов, хотя ряд стран после 2008 года вернулись к политике более регулируемого валютного курса.

Плюсы ТИ заключаются в том, что монетарная политика имеет прозрачный ориентир, достаточна автономна. Если ЦБ удается удерживать инфляционные ожидания в заданных параметрах, то ценовая стабильность будет вносить важный вклад в обеспечение макроэкономической и финансовой устойчивости, что важно для экономического роста. Кроме этого, плавающий курс служит автоматическим стабилизатором, гибко реагируя и абсорбируя внешние шоки. Однако, оценивая эти плюсы ТИ, надо помнить, что ДКП сама по себе не может обеспечить долгосрочный рост за счет активности ЦБ.

В настоящее время активно изучается и сопоставляется опыт РС в проведении ТИ, выявляются основные трудности, с которыми сталкиваются страны. К последним чаще всего относят уровень развития и степень интегрированности внутренних финансовых рынков, это влияет на эффективность работы канала процентной ставки, основного инструмента ЦБ при таргетировании инфляции; часто недостаточную де-факто независимость ЦБ, фискальное доминирование особенно в условиях неблагоприятных тенденций в экономике; структурные особенности инфляции в странах с формирующимися рынками.

Другой круг вопросов, активно обсуждаемый экономистами, связан с самой возможностью для РС проводить автономную денежно-кредитную политику. При этом напомним, что автономность ДКП, ее ориентация на развитие национальной экономики является важным мотивом при выборе плавающего курса и таргетирования инфляции. Не менее важно проанализировать, как адаптация к новым формам ДКП (ТИ) может повлиять на механизм воздействия мировых рынков на РС.

В рамках изучения ТИ с этих позиций можно выделить два основных аспекта.

1. влияние внешних шоков на работу трансмиссионного механизма. При изучении трансмиссионного канала передачи сигналов ЦБ экономическим агентам обычно выделяют 4 канала: канал процентной ставки, валютного курса, канал цен активов и кредитный канал. Проведенные исследования влияния внешних факторов на экономику РС показывают достаточно высокую, хотя и не во всех странах одинаковую чувствительность всех этих каналов к глобальному финансовому циклу. Возникает вопрос, насколько внутренняя политика национальных ЦБ сможет противодействовать внешнему влиянию. Такая постановка вопроса требует, конечно, учета разной степени чувствительности РС к внешним шокам. Например, у стран Восточной Азии она в целом ниже, чем у латиноамериканских государств.
2. способность ВК противостоять значительным притокам/оттокам капитала и выполнять функцию автоматического стабилизатора для национальной экономики. Ряд недавних событий, например, информация о намерении ФРС начать сворачивать политику количественного смягчения, свидетельствует о том, что такая задача может быть трудно реализуема.

Проведенные исследования позволили ряду авторов прийти к заключению, что в современных условиях трилемма по сути превратилась в дилемму: РС могут выбрать либо открытый рынок капитала и высокую зависимость от мирового финансового цикла, либо контроль капитала для способности проводить хоть сколько-нибудь независимую монетарную политику, ориентированную на интересы внутреннего развития. Что в таких условиях могут предпринять РС?

Выбрать контроль капитала? Это не простое решение. Однако, даже МВФ в последнее время допускает введение контроля капитала как средство

защиты от чрезмерной волатильности потоков капитала, но при этом всегда указывает на недостаточную их эффективность и побочные отрицательные последствия.

Другими мерами, к которым прибегают РС для сохранения некоторой самостоятельности в проведении внутренней политики выступают валютные интервенции, а также макропруденциальное регулирование. Последнее получило развитие в странах и с фиксированными, и с плавающими курсами.

Проблема выбора наиболее адекватной современным условиям ДКП и РВК важна не только для стран с формирующимися рынками, но и для всей мировой экономической и финансовой системы, т.к. роль РС в мировой экономике, торговле, финансовых потоках возрастает. В связи с высокой чувствительностью национальных экономик РС к глобальному финансовому циклу, в значительной степени формируемым под воздействием монетарной политики США, ряд РС выдвинули идею о том, что США должны проводить ДКП с учетом своего влияния на международные потоки капитала. [2].

Экономисты все активнее обсуждают идею о необходимости международной координации монетарной политики, выработки каких-то новых принципов функционирования МВФС, которые бы лучше, чем нынешние, сочетались с открытыми рынками капитала. Создание такой международной валютно-финансовой системы предлагается начать с выработки правил ДКП в разных странах. [4]. Проведение каждой страной ДКП, основанной на определенных правилах и ориентированной на оптимизацию экономической ситуации в своей стране, при сохранении такого же подхода в других странах не создает возможностей получения выгод от изменения ДКП отдельной стране и создает условия для большей стабильности мировой экономики. Переход РС к ТИ в связи с этим рассматривается некоторыми авторами как переход РС к монетарной политике, основанной на определенных правилах. И это может быть важно для устойчивого развития мирового хозяйства в условиях мобильности капитала.

Литература

1. Guillaume Plantin and Hyun Song Shin Exchange rates and monetary spillovers, BIS, WP 537 January 2016.

2. Raghuram. Rajan Competitive Monetary Easing: Is it yesterday once more? 2014 www.rbi.org.in

3. Rey, Helene (2014) “Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence,” presented at the August 2014 Jackson Hole Conference of the Kansas City Federal Reserve Bank.

4. Volcker, Paul A. (2014), “Remarks,” Bretton Woods Committee Annual Meeting, June 17 http://www.brettonwoods.org/sites/default/files/publications/Paul%20 Volcker%20final%

*Мельянцев В.А.**

Удается ли беднейшим странам мира встать на путь быстрого экономического развития?

В последние два-три десятилетия ряд развивающихся стран (РС), включая такие крупные, как КНР и Индия, сумели заметно повысить темпы экономического роста. В результате, судя по (минимальному) критерию, принятому Всемирным банком и ООН[1], доля людей в мире, живущих в экстремальной бедности, сократилась более чем втрое до менее 1/10. Но в наименее развитых странах (НРС) показатель снизился в среднем только на 1/3 до 2/5.

Если применить немного более жесткий критерий бедности, подняв ее «планку» на доллар с небольшим с 1.9 до 3.1 долл. в ППС 2011 г., можно обнаружить, что уровень критической бедности выше в РС в 2.5 раза (28–30%), а в НРС – в 1.7 раза (68–70%; составлено и рассчитано по [3; 5, 2016, с. 19]).

Так все ли безнадежно в группе НРС или ветры позитивных перемен в какой-то мере охватили и их, как ряд других РС?

Динамика роста

НРС – это треть всех РС, 1 млрд человек, но всего 2% ВВП мира и 1% его экспорта. В последние три десятилетия прошлого века динамика роста их подушевого ВВП была значительно ниже, чем в среднем по другим РС (ДРС) и развитым государствам (РГ, см. граф.1). Но в 2000–2015 гг. среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП НРС многократно вырос. Это связано с рядом факторов, в т.ч. с улучшением бартерных условий внешней торговли (прежде всего в африканских НРС), а также существенным ускорением (главным образом в азиатских НРС) СГТП сельскохозяйственной продукции и экспорта готовых изделий.

Вместе с тем подушевой ВВП НРС, отнесенный к среднему уровню ДРС, сократился с 56% в 1970 г. до 21% в 2015 г. Т.е., несмотря на определенные успехи НРС, разрыв между ДРС и ними вырос в *относительных* масштабах более чем в 2.5 раза, а в *абсолютных* – в 7.8 раза (с 1.2 тыс. до 9.4 тыс. долл. в ППС 2011 г.)[2].

Так как в целом динамично растущая группа ДРС сумела сократить свой относительный разрыв по подушевому ВВП с РГ почти вдвое – с 6.9 в 1970 г. до 3.8 раза в 2015 г. (хотя при этом абсолютный разрыв вырос почти вдвое), получилось так, что ныне *относительный* разрыв между НРС и ДРС,

* Мельянцев В.А. – д.э.н., профессор, Заведующий кафедрой МЭО ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, vamel@iaas.msu.ru

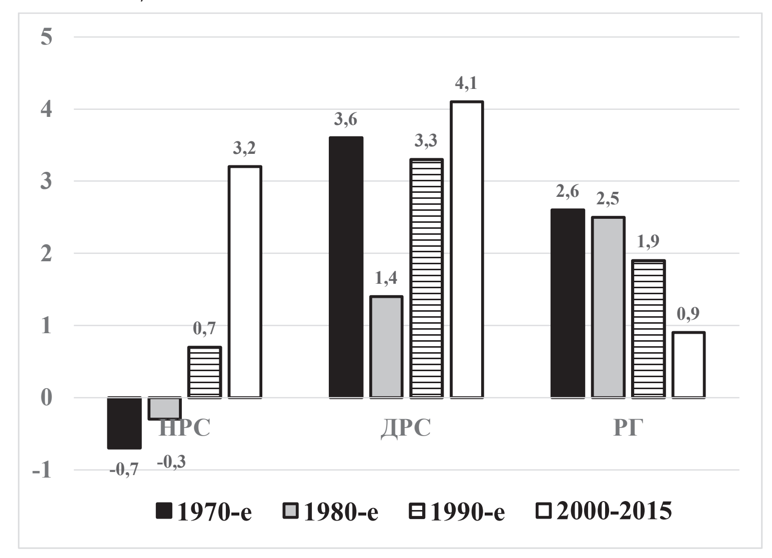
[1] Подушевое потребление в день – менее 1.9 долл. в паритетах покупательной способности (ППС) 2011 г.

[2] Здесь и далее, если специально не оговорено, расчеты выполнены по источникам к граф.1.

измеренный по показателю ВВП в расчете на душу населения, оказался больше, чем в целом между последними и РГ. Это говорит о весьма противоречивом характере процессов конвергенции и дивергенции, происходящих в мировом хозяйстве, нарастающем в нем взрывоопасном потенциале диспропорций, имеющем серьезные не только экономические, но и социально-политические последствия.

График 1

НРС, ДРС и РГ, 1970–2015 гг.: среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения,%.

Рассчитано по: [8; 2; 4].

Факторы роста

Расчеты по приведенной ниже модели показывают, что в первые 15 лет текущего столетия внутри группы из 28 рассмотренных нами НРС[3] опережающие темпы прироста подушевого ВВП (в т.ч. в Эфиопии, Мозамбике, Бангладеш, Камбодже, Лаосе, Мьянме) определялись соответственно на 1/3 и на 1/5 более быстрым ростом в них продукции сельского хозяйства и экспорта и примерно на 1/4 улучшением эффективности работы правительств.

$$\mathbf{GDPPERCAPGR_i = 0.59{*}AGRGR_i + 0.12{*}EXPGR_i + 2.86{*}\Delta GOVEFF_i}$$
$$\mathbf{(p{=}0.000) \quad (p{=}0.007) \quad (p{=}0.001)}$$

$AdjR^2$ = 0.83. N = 28. T = 2000–2015.

$GDPPERCAPGR_i$, $AGRGR_i$, $EXPGR_i$, $\Delta GOVEFF_i$ – означают соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП, сельскохозяйственной

[3] На них приходится 9/10 численности населения НРС.

продукции, экспорта товаров и услуг, а также показатель изменения эффективности работы правительства. **AdjR²** – скорректированный показатель детерминации (изменяется от 0 до 1; чем выше – тем лучше) и **p** – индикатор статистической значимости (изменяется от 1 до 0; чем ниже – тем лучше). Показатели исчислены по 28 НРС с населением свыше 5 млн человек (на середину 2010-х гг.), по которым имелись необходимые и относительно надежные данные за 2000–2015 гг.

Рассчитано по источникам к граф.1.

Уточняя сказанное, подчеркнем, что, хотя СГТП совокупной факторной производительности (СФП) в сельском хозяйстве НРС[4] вырос в 2.5 раза (с 0.6% в 1980–2000 гг. до 1.5% в 2000–2015 гг.), разрыв в производительности труда в сельском хозяйстве между ДРС и НРС увеличился в 1990–2015 гг. с трехкратного до пятикратного (составлено и рассчитано по [5, 2015, с. 50, 55, 72–75; 8]).

Двукратное ускорение экономического роста в целом по группе НРС с 2.8% в среднем ежегодно в 1980–2000 гг. до 5.6% в 2000–2015 гг. было обусловлено также утроением в них СГТП продукции *обрабатывающей промышленности* до 7.7% и удвоением СГТП физического объема *экспорта* до 9%. Однако, в целом по НРС в 1995–2015 гг. индекс концентрации их экспорта вырос с 0.21 до 0.26 (превысив показатель по ДРС в 2.8 и по РГ – в 3.8 раза), а доля средне- и высокотехнологичных товаров в экспорте НРС в среднем (4–5%) ныне на порядок ниже, чем в ДРС.

Несмотря на то, что в НРС доля внутренних сбережений в ВВП удвоилась (с 8.5% в 1981–2000 гг. до 16.5% в 2001–2015 гг.), норма внутренних капвложений, которая выросла соответственно с 16 до 23% ВВП, более чем на 1/4 зависит от внешних источников финансирования (официальная помощь развитию достигает 5–7% их ВНД; но при этом вырос и приток ПИИ к ВВП, см. граф.2).

График 2

НРС, 1970–2015 гг.: чистый приток ПИИ, в% к ВВП

Рассчитано по источникам к граф.1.

[4] В 2015 г. доля сельского хозяйства в целом по НРС составляла в занятости 2/3, в ВВП ¼; в ДРС – 2/5 и 1/10.

Хотя ускорение темпов прироста ВВП в первые полтора десятилетия нынешнего века в группе ДРС и НРС было преимущественно связано с увеличением в них темпов прироста СФП, в последних оно было, как минимум, вдвое бо̀льшим, чем в первых, и сопровождалось более существенным повышением вклада СФП в приросте ВВП (в группе НРС примерно с (–)1/7 до более 1/3 и в ДРС – с 1/5 до 1/3, см. *табл.* 1).

Таблица 1

НРС, ДРС и РГ, 1980–2015: важнейшие источники роста ВВП,%

	1981–2000				2001–2015			
	y	l	k	r	y	l	k	r
НРС	2.8	2.4	4.8	-0.4	5.6	2.2	6.3	2.1
ДРС	4.1	1.9	5.8	0.8	5.3	1.5	7.0	1.9
РГ	3.0	0.3	3.4	1.6	1.6	0.15	2.2	0.7

Примечания.
1. Рассчитано по следующей формуле: **y = α*l + (1-α)*k + r**.
2. **y, l, k** и **r** означают соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, затрат труда, физического капитала и совокупной факторной производительности.
3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по труду **(α)** и физическому капиталу **(1-α)** взяты в пропорции 0.65: 0.35 (основываясь на результатах ряда компаративных исследований).

Исчислено по источникам к граф. 1.

Однако, несмотря на то, что в первые полтора десятилетия текущего столетия в целом и НРС и ДРС почти втрое обгоняли РГ по темпам прироста СФП, в целом за 1980–2015 гг. по уровню СФП группа ДРС подтянулась к РГ лишь с 35 до 39%, а уровень НРС (к РГ) снизился с 22 до 18% (рассчитано по источникам к граф.1).

Подчеркнем, что основы экономического роста НРС еще весьма шаткие. В среднем по НРС дефицит платежного баланса по текущим операциям вырос в 2014–2016 гг. по сравнению с 2006–2008 гг. почти вчетверо до 3–4% их ВВП. При этом СГТП подушевого ВВП по НРС сократился более чем вдвое – с 4.9% в 2005–2010 гг. до 2.2% в 2011–2016 гг.

Параметры человеческого развития

По ряду характеристик человеческого развития НРС в целом постепенно подтягиваются к ДРС. В 1980–2015 гг. показатель средней продолжительности предстоящей жизни от рождения вырос соответственно с 48 до 64 и с 62 до 72 лет, а среднего числа лет обучения взрослого населения – с 1.6 до 4.2 и с 4.5 до 6.9 лет. Однако доля взрослого населения в НРС, имеющая высшее образование (3–4%), меньше примерно втрое, чем в среднем по ДРС и почти в десять раз, чем в РГ. По числу заявок на патенты в расчете на миллион человек разрыв между ДРС и НРС вырос в 1980–2015 гг. более чем в 20 раз.

По ИЧР, скорректированному на развитие технологий, ДРС в целом не дотягивают до 2/3, а НРС – до 2/5 от уровня РГ. Доля населения в НРС, находящаяся ниже планки многомерной бедности (2/3), в середине 2010-х

годов была в 2.5 раза выше, чем в среднем по ДРС (1/4; рассчитано по [7, с. 211, 228–230, 240–241, 245]).

Представляется, что без энергичной работы по реформированию базовых институтов наименее развитым странам будет трудно противостоять технологическим и иным вызовам быстро меняющегося мира, в котором резко обостряется конкурентная борьба. Между тем в последнее десятилетие *индекс недееспособности государства* значительно вырос примерно в 2/5 и снизился только в 1/10 НРС. Если по уровню подушевого ВВП в целом по группе НРС с начала века наметилась некоторая (хотя и неустойчивая) тенденция догоняющего развития (к РГ), то по композитному индексу качества институтов они сильно (в 1996–2015 гг. вдвое) отставали от группы ДРС, а те, в свою очередь, примерно во столько же раз – от развитых государств (рассчитано по [1; 9]).

Литература

1. Fragile States Index. Decade Trends, 2007–2016. [Электронный ресурс]. URL: http://fsi.fundforpeace.org/fsi-decadetrends (21.01.2017).
2. IMF Data. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/data.htm. (06.02.2017).
3. Poverty Headcount Ratio at $1.9 and $3.1 a day (2011 PPP) (% of population). [Электронный ресурс]. URL: http://databank.worldbank.org. (10.01.2017).
4. UNCTADstat. [Электронный ресурс]. URL: http://unctadstat.unctad.org. (21.01.2017).
5. UNCTAD. The Least Developed Countries, 2006–2016. New York, 2006–2016.
6. UNDP. Human Development Report, 2015. New York, 2015.
7. World DataBank. [Электронный ресурс]. URL: http://databank.worldbank.org. (10.01.2017).
8. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. URL: http://info.worldbank.org/governance. (21.01.2017).

*Немчинов В.М.**

Политэкономия Востока: вчера, сегодня, завтра

В институте востоковедения сложилась давняя, богатая традиция экономических исследований стран Востока. Широкий тематический охват включал обзоры незападных экономических структур на отраслевом, страновом и региональном уровнях, а в историческом срезе начинался с древности, включал активную дискуссию по азиатскому способу производства, колониальному и постколониальному периодам, и главным образом, уделял особое внимание возникновению новых трендов, которые подготовили вступление политически независимых национальных сообществ, их хозяйственных укладов и рынков в XXI век. Высокую оценку получил в свое время четверть вековой региональный страновой социально-экономический прогноз до 2005 года. Сегодня в институте делаются полувековые прикидки оценки новой отраслевой динамики в регионе вплоть до 2050 года.

Поскольку нынешняя экономическая конференция, впервые за последние несколько лет, предполагает диалог по заранее заявленным темам, материалам и конкретным вопросам экономического развития, что предусматривает обмен мнениями между участниками встречи в электронном виде, мне представляется важным в данной публикации очертить общие политэкономические контуры стран Востока и заново поставить некоторые ключевые вопросы регионального развития, требующие дальнейшего осмысления. Это продиктовано нашей заботой о происходящем и общей эрудицией специалистов-страноведов, хорошо видящих специфику Востока. Ведь то, как мы определяем нашу проблематику, не просто является отражением наследуемой и принимаемой нами картины мира, но и по-особому настраивает нашу исследовательскую оптику. Преобладавшая в конце прошлого века биполярная модель мировой системы и пришедшая ей на смену глобалистская настройка политэкономической оптики затуманивает своим «универсализмом» ту противоречивую хозяйственную динамику, которая сегодня видится как глобальное и региональное нестроение. Хотелось бы для начала диалога тезисно на этом остановиться.

В слаборазвитых странах после обретения независимости в основном делался упор на протекционистскую, интервенционистскую политику государственного дирижизма, какой бы ни была его окрашенность, прозападной или социалистически ориентированной. За этим стояла не столько чисто экономическая рациональность эффективного управления в условиях деколонизации, сколько мощный социальный потенциал национально-освободительного движения. И это почти полвека в целом определяло ведущие векторы развития стран «третьего мира» [7].

---

* Немчинов В.М. – к.э.н, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Отдел экономических исследований, diaversity@mail.ru

В странах «второго мира» незападная и открыто антизападная ориентация сформировала картину мира социалистической политэкономии, также ориентированной на прогресс в его риторических, теоретических и практических построениях. В деидеологизированном варианте этот вид хозяйственной жизни сегодня стал также известен под названием раздаточной экономики [1]. Присущий ей мобилизационный упор на сверхцентрализацию позволял несколько десятилетий выстраивать социально-патерналистскую мировую систему, быть на уровне силового равновесия с экономическим потенциалом западных стран, и даже служить весомым противовесом и альтернативой их монопольному влиянию для многих развивающихся стран. Заметим, что важные элементы механизма «раздатка», без раздражающей соседей по западному лагерю риторики, были встроены в скандинавскую модель капитализма, что неудивительно для территорий, расположенных в высоких широтах. Частично раздаток используют не только крупные страны, имеющие большое население, но с недавних пор даже такие малые состоятельные страны как Швейцария.

В современной западной экономической теории либерального типа после великого кризиса 30-х годов, в свою очередь также поняли, что, безусловно, необходимо принимать во внимание такие экономические элементы как «всеобщую занятость, стабильность цен, равновесие платежного баланса, рост ВВП, перераспределение доходов и богатств и обеспечение социального благополучия» [2]. В политэкономической науке именно политическая составляющая различных цветов оказывалась доминирующим «цветовым» маркером, ярким триколором следования разными курсами развития третьего, второго и первого миров вплоть до двух десятилетий триумфа экономического глобализма, имеющего общую камуфляжную окраску. Но в качестве универсальной панацеи евроатлантическая модель не оправдала возлагавшихся на нее экономистами и политиками надежд во многих регионах мира, ставших на рубеже третьего тысячелетия вновь нестабильными.

Политико-экономическая нереализованность сначала идей «нового мышления», «единого общего европейского дома», а затем упущенная возможность мирного, равного добрососедства планетарных акторов, породила новые всплески конфликтогенности. Тягой неярких лидеров к силовому нажиму за пределами «золотого миллиарда» были разбужены «спящие собаки» в восточных регионах. Произошло превращение этих реальных и потенциальных партнеров в оппонентов, были обрушены режимы, десятилетиями поддерживавшие свой статус-кво, вырос новейший терроризм, да и неожиданный в нашем регионе отказ США от участия в транстихоокеанском партнёрстве привели в XXI веке к еще одной неудаче выстраивания нового мирового экономического порядка в его, как представлялось, однополярной и в универсально доминантной демократичной форме. На смену ей приходят другие новейшие технологические

и региональные политэкономические теории, которые востоковедам имеет смысл углубленно проанализировать.

К первым теориям я бы отнес то, что можно назвать инноватикой – это, прежде всего, концепции так называемого прыжкового развития, нацеленного на внедрение, производство и постоянное улучшение самых передовых товаров и технологий, ставящие страны Востока в один ряд, а то и впереди традиционных промышленно развитых стран Запада. Это то, что впервые удалось сделать Японии, затем Тайваню, а теперь эту стратегию «быть на острие копья» стремятся реализовать Китай, Вьетнам, Малайзия и целый ряд других стран региона. Добиться этого позволяет новая инфо-коммуникативная стилистика ускоренного цифрового воспроизводства и симультанной массовой трансляции постоянно генерируемых инноваций [5]. Скорее всего, в такой модели интенсивного развития формируется именно способность управления потоком иного способа мышления, которая закольцовывается на молниеносно развивающуюся, сетевую компьютерную эпоху интернета вещей. В этом смысле такую важную вещь, как всеохватное слежение и информационное управление индивидуальным спросом надо воспринимать не просто как собственно слежение за динамикой спроса через чипы и сигналы мобильника, но скорее как «креативное» слежение через учет личностных предпочтений и «умное» программирование массового и индивидуального поведений миллионов людей. Именно это дигитализируемое коммуникативное пространство будет ключевым экономическим ресурсом нынешнего века. К подобным микро- и макроэкономическим стратегиям я бы отнес и политэкономическую мысль о необходимости поведенческо-технологической конвергенции как новой форме экзистенционального поиска бытийной истины [5].

Этой футуристически ориентированной бытийно-технологической конвергенции жестко противостоят в парадоксальном сочетании радикальный исламистский проект, незападная религиозная и прозападная секулярная архаика вместе с пока еще относительно маргинальным, но набирающим силу западным популистским радикализмом [4]. По сути дела в политэкономическом смысле речь идет о пока стоящем особняком перспективном научно-исследовательском направлении – экономической герменевтике. Для нового поколения исследователей-востоковедов это пока совершенно незнакомое поле. Здесь региональное рыночное прогнозирование, смысловая футурология, политическая психология и экономическая история смыкаются в то целое, которое А. М. Петров, обсуждая с большой группой профессионально зрелых и неординарно мыслящих ученых-востоковедов сложные понятийные конструкты, назвал «геномом Востока» [9].

В сильном обществе он может давать серьезные экономические преимущества по сравнению с хозяйственной динамикой западных потребительских обществ. Но в разрушенном состоянии социума геном мутирует, вызывая к жизни новые зачатки «пошлого паразитирующего деспотизма», всплески агрессивного трайбализма, распад послевоенной национальной

государственности, провалы в архаику и наступление жестокого варварства в отношении собственного населения. Рассматривая нынешнюю квази-экономическую, псевдо-религиозную и социально-деспотическую дивергенцию на Востоке сквозь призму манипулятивного технологизма, как анти-симбиоз техносферы, укладности, политики и идеологии, мы видим на Ближнем Востоке, в Африке и отчасти в Латинской Америке внесистемные гибридные криминальные антицивилизационные прорывы. При этом следует подчеркнуть, что между Востоком и Западом в принципе не существует никаких «водонепроницаемых» переборок блокирующих просачивание «чужеродных генных обломков».

В западноевропейской неоархаике этому тренду соответствуют манипулятивное экологическое сознание, статусный этос привилегированных меньшинств, распространившийся в пространстве «золотого миллиарда» как инструмент депопуляции. К архаике также относится и резкий рост все более радикальных правоохранительных настроений, что свидетельствует о массовом распространении расщепленной идентичности. Вот почему, представляется важным проследить цепочку когнитивных трансмутаций: постмодернизм – релятивизм – слайдинг по модным стилям – консенсусная веритатизация того, что выступает в виде назначенной истины. Но главное, становится виден запрос на смену самой парадигмы запроса на истину будущего хозяйственного жизнеустроения в условиях, когда жить с чистой совестью оказывается настолько сложно, что становится очевидным недовольство сложившимся миропорядком. Поэтому в самом ближайшем времени можно ожидать появления новых весьма неожиданных западных и восточных политэкономических конструктов.

Как будет происходить поиск ответов на этот запрос на Востоке? Не нужно представлять себе дело так, будто речь пойдет о замене одной универсальной теории на другую, как это произошло при отказе от когнитивной матрицы марксизма. Осмысленный, хорошо проработанный выбор рационального соотношения между разными видами, укладами и уровнями повседневной хозяйственной жизни насущно необходим для осознанного повышения качества управления и для выработки национальной стратегии многовекторного планирования, уже не ограничивающейся рамками своих государственных границ. Многовекторность в данном контексте не предполагает всенепременного вытеснения искомым новым укладом старых структур, устойчиво существующих в различных слоях национального хозяйства, на что традиционно ориентируется обычная проектная логика догоняющего развития. На этом этапе можно выделить два основных направления региональных экономических исследований.

Первое направление предопределяется сложившейся пространственно-географической и эколого-региональной взаимодополнительностью восточного полушария, образующего огромный трансконтинентальный сверхрегион. Природно-климатический меридиональный разброс экономических зон от заполярья до тропиков потенциально позволяет превращать

многие депрессивные и замкнутые области в экологические и интеллектуальные районы-доноры. Но реализовать эти теоретические возможности в ближайшей перспективе будет совсем не просто. Региональная, национальная и трансграничная востребованность ресурсной составляющей в нынешних условиях будет во многом определяться уже не столько наличием экспортного сырья, сколько новым качеством инфраструктурного управления как сложившимися и вновь создаваемыми транспортно-коммуникационными коридорами, так и стратегической дальновидностью в деле экологизации экономики, приращения и сбережения природного и человеческого капитала. Важно отметить, что для преодоления кризиса нынешней потребительской модели необходимо осуществлять комплексный переход к более эффективным региональным моделям соразвития, где интеграционные возможности будут укрепляться в самых разных сферах.

Второе направление в осмыслении евразийской экономической перспективы связано с собственно незападной спецификой рыночных и внерыночных параметров хозяйственной жизни, бытующей вне зоны «золотого миллиарда». Говоря о капиталистических моделях, функционирующих на Востоке, мы видим их существенное отличие от Запада в составе агентов и бенефициаров, в уровне и направленности мотивации, в динамике трансграничных межукладных перетоков капитала, в формах кооперации, в соотношении частных и государственных стимуляторов и индикаторов эффективности. Понимание и использование этих различий необходимо как в чисто прикладном плане, так и для теоретического сопоставления латентных возможностей евразийских рынков и систем воспроизводства. На этой основе можно в разы расширить как неотрадиционалистские, так и ультрасовременные области регионального сотрудничества. Пока этот процесс идет вяло, поскольку поначалу активно востребованный неолиберальный рыночный критерий оказывается здесь недостаточно эффективным в силу свойственного ему пренебрежения рациональным природопользованием, и по причине глубоко укорененной многоукладности, где велика сфера суженного воспроизводства и растет доля натуральных хозяйств, целиком остающихся за пределами товарно-денежных отношений.

Национальные экономические реформы последних десятилетий так и не смогли или не стремились вовлечь в частнокапиталистическое воспроизводство мелких и мельчайших собственников, скорее наоборот, это поколение в целом оказалось вытесненным из современного воспроизводственного процесса. В силу объективных и субъективных обстоятельств они оказались в «экономическом нокауте», когда потери при обмене или в работе по найму превышают получаемую прибыль. В итоге резко возрастает численность нетоварных и докапиталистических угасающих производств. В таких хозяйствах вырабатываемый укладный продукт превращается в товар лишь вследствие внеэкономического принуждения, минуя мотивацию самого производителя, через институт сдач и многочисленных посредников. Бенефициаром и де-факто «хозяйствующим»

субъектом здесь оказывается быстро растущий бюрократический уклад. В итоге на одном социальном полюсе аккумулируется рост без развития, а на другом одновременно блокируется экономическая субъектность значимой массы населения.

Как это ни парадоксально, но представляется, что именно здесь в многоукладной структуре экономики следует искать перспективный ресурс новой евразийской кооперации, которая, в условиях хронической нехватки инвестиций, будет начинаться с низкого старта. Таков мог бы быть путь быстро развивающейся электронной эпохи многоаспектного распределенного воспроизводства.

Но пока этого понимания нет, источники такого рационального роста заглушены. На местном уровне при отсутствии социально-правовой защищенности нарушается связанность в общественных процессах и тогда, экономическая жизнь низовых хозяйственных укладов в целом ряде районов характеризуется дезорганизацией, двойственностью и нестабильностью. Это особенно резко, вопреки ожиданиям чистых рыночников, проявилось в начальный период общественной ломки и хозяйственной трансформации, сопровождавшейся, наряду со становлением потребительского рынка, распространением челночного импорта, бартера и ростом натурального обмена. На этой обедненной экономической основе на многих территориях вновь появились маргинальная многоукладность. Низкое качество управления, лишая такие районы перспектив, попустительствует проявлениям отрицательных социальных черт у деклассированной части населения, что вызывает поляризацию обыденной жизни в странах Востока и подталкивает массовые миграционные потоки, пугающие европейских обывателей.

В этих условиях основу выживания составляет семейная и служебная организация труда, не затрагиваемая механизмами чисто рыночной экономической рациональности. Ее замещают элементы системы сдач и раздач. Присущие раздаточной экономике формы распределения материальных условий для поддержания на базовом, биологически минимальном уровне жизнеобеспечении значительных слоев населения существуют в целом ряде стран евразийского континента, но остаются «белым пятном», находясь вне сферы поля зрения многих экономистов и институциональных разработчиков государственных программ развития регионов. Обратить внимание на эти и сходные с ними сюжеты при обсуждении евразийской экономической перспективы представляется необходимым.

Отсюда, именно от этой минусовой социальной точки отсчета надо вести поиск выхода в евразийскую экономическую интеграцию. Здесь нужно начинать с «низкого старта», потому что без этого и крупные проекты и транспортные мега-инициативы не дадут ожидаемых результатов, будут в конечном итоге провисать, превращаясь в инородные анклавы, не опирающиеся на социальную ткань общества. Одна из важных содержательных сторон перспективной трансграничной экономической интеграции должна включать в себя многоаспектное внимание к поукладным

сопряженным проектам. Востоковеды-экономисты, серьезно занимающиеся теорией общественного развития, знают, насколько глубоко укоренены низовые формы проявления азиатского способа производства, кастовых традиций, нетоварных поукладных практик в современной жизни АТР и как много сегодня там делается для точечной поддержки самого низового хозяйственного сегмента.

На эту основательно забытую сторону евразийской интеграции хочется обратить внимание. Речь в данном случае пойдет о каритарном (благотворительном) укладе, который в четвертом модусе общества потребления (например, в Японии) превращается в солидарную, субсидиарную структуру, повышающую самооценку различных слоев населения. Важно отметить, что интеграционной стартовой точкой тут является уже не производственное, а перераспределительное звено, точнее личностное отношение к достигнутому качеству жизни. Сначала происходит модификация форм потребления, а за ней следует изменение предложения со стороны товарного производства.

В Южной Азии и других регионах этот уклад, отчасти работающий в логике раздаточной экономики, но ориентированный на интенсификацию нетоварного домашнего хозяйства, действует за счет экономии базовых ресурсов.. Так, например, филантропическая организация «Бельрив» С. Ага-Хана многие году поставляла сельским жителям отсталых регионов Индии и Пакистана высокотехнологичные недорогие польские «буржуйки» с очень высоким КПД и обучала сельских жителей методике изготовления сенных корзин-термосов, позволяющих сохранять пищу горячей в течение суток. Упор на экономию домашних затрат и микро-сбережение ресурсов – вот что может стать катализатором для самодостаточного внутриукладного развития. А это и есть практические меры по сбережению населения, с которых начинаются шаги по направлению к хозяйственному подъему глубинки. Энергоэффективные технологии для разных укладов предлагают сегодня и лауреаты премии «глобальная энергия». Принципиально новые сегменты распределенных укладов разрабатываются и в быстро развивающихся технологиях системы «интернет вещей».

Все эти выборочные примеры приводятся как свидетельство того, что самозанятость, многоукладность и нетоварное производство не только сохраняются как рудименты прошлого, но имеют свою важную динамичную перспективу в деле формирования будущей личностно ориентированной экономики XXI века. Постановка, осмысление, изучение и решение этих проблем имеет гуманитарную, и государственную важность. Безмысленное отношение, вернее непонимание жизненно важных вопросов, касающихся судеб массы людей сегодня следует признать недопустимым. Слишком велика опасность появления новых несостоятельных регионов и высока гуманитарная цена экономического небрежения служения людям, чреватого эскалацией локальных и международных конфликтов, ростом геоэкономической нестабильности и бездумной растратой человеческого потенциала.

Возвращаясь к разговору о новейших политэкономических исследованиях необходимо отметить разработанную в СПбГЭУ санкт-петербургскими экономистами под руководством Д. Ю. Мирапольского евразийскую политическую экономию [3], а также закрытую симбиотическую теорию китайских экономистов, внешне оформляемую в виде конструктов новых «шелковых поясов», транспортных коридоров и стратегических путей. И в том и в другом случае в качестве определяющего начала современного хозяйства предлагается категория «продукта», в его реальном и виртуальном состояниях, которая преобладает в данных построениях и оказывается равно применимой как к раздаточной, так и к рыночной экономике. В первом случае преобладает административная планомерность, во втором – стратегическим планированием отрегулированная товарность. Их различные сочетания, комбинации и конкретные соотношения будут характеризовать ту новую хозяйственную специфику, которая развивается и в наступившем электронном веке.

Оценивая в заключение ближайшую и среднесрочную перспективы, мы видим, что и шестой, и седьмой технологический уклады будут развиваться не в однородном и родственном хозяйственном пространстве, а скорее наоборот: в сложном и противоречивом сопряжении с традиционалистскими укладами, обеспечивающими базовое выживание своему населения за счет максимального задействования недоиспользуемых и внерыночно перераспределяемых хозяйственных ресурсов. Характеризуя нынешнюю ситуацию, «когда как показали оценки последнего Родосского форума [2016 г.], выход за пределы глобального геополитического и геоэкономического нестроения пока еще не виден, а целая серия сопряженных кризисов уже втянула большинство стран второго эшелона в сложный период длительной нестабильности», изучение востоковедами фундаментальных оснований обеспечения устойчивого самостоятельного существования разноукладных районных, национальных и региональных хозяйственных сегментов на Востоке является актуальной задачей [4]. Для ее решения мне представляется насущно необходимым продолжение начатого на нашей нынешней общероссийской конференции экономистов разговора в форме регулярно проводимых ежемесячных консультаций-совещаний специалистов востоковедов.

Литература

1. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997, 76 с.

2. Фуко М. Рождение Биополитики. СПб.: Наука, 2010, с 249.

3. Евразийская политическая экономия: учебник/ под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Мирапольского, Л. С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016, 767 с.

4. А. В. Малашенко. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006, 221 с.

5. В. М. Немчинов. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и внерыночных форм хозяйства// IV Международный Экономический Форум «Евразийская Экономическая Перспектива», сб. докладов под ред. И. Максимцева, Издательство СПбГЭУ, СПб.: 2016, 222 с.

6. Victor Nemchinov "Riding on the Waves: How to Dialogue with the East"// Russia in the Asia-Pacific Region: Challenges, Perspectives, Opportunities. Special edition of the Eastern Economic Forum. – Roscongress foundation. M.: 2016, 223 p.

7. В. М. Немчинов. Человекоразмерность новейших коммуникационных и информационных технологий: на пути к диалогическому знанию XXI века.// Сб. материалов XVI конференции «Наука. Философия.Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникационных технологий. М., 2014.

8. В. М. Немчинов. Смешанная экономика. Проблемы управления развитием. М.: Наука. 1994. 231 с.

9. В. М. Немчинов. "Геном" Востока: опыты и междисциплинарные возможности // Восток (Oriens), – 2004, № 6 с. 159.

10. В. М. Немчинов. Восприятие дуальности в мировом экономическом общении и становление современного технологического мышления» // Сб. Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова. – М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2012. – 282 с. Стр. 23–37.

*Обухова А.Н.**

Фондовый рынок Ирана: возможности для иностранных портфельных инвесторов

Снятие санкций с Ирана открыло международным портфельным инвесторам новый мир потенциальных инвестиционных возможностей. Хотя доступ к рынку до сих пор затруднен из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры рынка капиталов ограничениями трансграничных банковских транзакций, и, главное, неопределенностью в отношении остающихся в силе американских санкций, однако можно предположить, что международное инвестиционное сообщество вряд ли долго будет игнорировать появление нового, большого, и, вероятно, более ликвидного рынка. Как только основные вопросы рыночной инфраструктуры буду решены, мы станем свидетелями существенных притоков иностранных портфельных инвестиций, особенно принимая по внимание замедление экономик развивающихся стран и низким возвратом на капитал в развитых экономиках.

Закрытый фондовый рынок с существующей банковской инфраструктурой. Отличие Ирана от других стран с переходной экономикой заключается в том, что в Иране уже существует банковская инфраструктура и фондовый рынок, представленный Тегеранской фондовой биржей (ТФБ) и внебиржевым рынком (Фарабурсе). Образованная в 1967 оду Тегеранская фондовая биржа – единственная фондовая биржа Ирана. Операции ТФБ сконцентрированы вокруг торговли акциями, в то время как на внебиржевом рынке Фарабурсе представлены, главным образом, долговые инструменты. На конец сентября 2016 года капитализация Тегеранской фондовой биржи превысила 100 млрд.долл.. Индекс TEPIX (Tehran Price Index) – ключевой показатель Тегеранской фондовой биржи, где торгуются около 300 иранских компаний. Торгуются разные типы акций, включая «акции справедливости», «акции участия», дающие держателю право участвовать в прибыли приватизированных компаний.

Ликвидность рынка акций: солидная учитывая закрытость экономики. Для портфельных инвесторов, особенно для инвестирующих в экономику стран с высоким риском, большое значение имеет размер фондового рынка в целом и объемы ежедневных торгов. Тегеранскую фондовую биржу характеризует довольно хорошая ликвидность по сравнению со многими рынками: иногда дневной оборот рынка акций Ирана превышает в 4 раза соответствующий оборот Нигерии и в 2 раза Египта. Однако дневные обороты Тегеранской фондовой биржи сильно варьируются от 20 до более 400 млн долл. США, в среднем составляя 100 млн.долл. США в день.

---

* Обухова А.Н. – магистр экономики, аспирант Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, anastasia.n.obukhova@yandex.ru

Большой потенциал роста, несмотря на утроение капитализации в 2004–14 гг. Рынок акций Ирана утроился с 2004 по 2014 год, несмотря на введенные санкции. Отчасти такому росту способствовала предпринятая в этот период правительством приватизация компаний некоторых отраслей, хотя сама по себе организация процесса приватизации была неоднозначной и напоминала приватизационные модели 90-х в Российской Федерации и стран Восточной Европы. Несмотря на недостатки проведенной приватизации, согласно официальным данным, доля государства в ВВП снизилась до 40% в 2010 с 80% в 2005 и было приватизировано акционерного капитала на сумму в 69 млрд.долл. в период с 2005 до 2011 года, что позволило иранскому фондовому рынку стать одним крупнейшим из рынков с высокой степенью риска. Если бы сегодня Иран был включен в индекс Morgan Stanley Frontier Markets (Морган Стенли страны с высокой степенью риска), то иранские публичные компании могли бы составить от 20% до 25% индекса.

Тем не менее, иранский рынок акций остается довольно небольшим по сравнению с размером экономики страны, и рыночная капитализация составляет только 25% от ВВП страны. По этому показателю Иран существенно отстает от стран региона, таким образом, рынок акций обладает большим потенциалом для роста.

Диверсифицированный рынок с большой долей перекрестного владения. На сегодняшний момент на иранские нефтехимические компании приходится более четверти совокупной капитализации рынка акций, на банки и на металлургические компании – по 12%, на сектор телекоммуникаций – 6%. На пять самых крупных компаний приходится практически 30% рыночной капитализации Тегеранской фондовой биржи.

Рынок акций Ирана хорошо диверсифицирован, хотя, как и в случае с российским рынком акций, довольно большая его часть формируется за счет сырьевых компаний. Большую долю в общей капитализации иранского рынка акций составляют холдинговые компании с непрозрачной структурой владения и с широким спектром подконтрольных активов в разных отраслях: нефтегазовой, финансовой, строительной, металлургической, пр.

Холдинги – это по сути большие инвестиционные компании, представляющие собой феномен иранского рынка акций, являющего его отличительной особенностью. На пять крупнейших из них (Гадир Инвестмент, Омид Инвестмет, Хорезми Инвестмент, Иран Нэшнл Инвестмент) приходится около 8% всей капитализации Тегеранской фондовой биржи. Следует учитывать «двойной подсчёт» этой цифры: акции значительной части активов этих холдингов тоже представлены на Тегеранской фондовой бирже. Например, на 12 марта 2017 года капитализация холдинга Гадир Инвестменст была 93,816 млрд риалов, а капитализация Парсиан Ойл&Гэс, в котором холдинг обладает контрольным пакетом акций, 73,021.5 млрд риалов. В свою очередь, последняя контролирует ряд публичных нефтехимических компаний, суммарная капитализация которых превышает капитализацию

материнской компании. Например, на эту же дату капитализация этих дочерних компаний составила: Пардис Петролиум – 48,858 млрд риалов, Шираз Петролиум – 11,679 млрд риалов, Керманшах Петролиум – 10,623 млрд риалов, а также Табриз НПЗ –15,455 млрд риалов. Помимо контроля в нефтехимических компаниях, Гадир Инвестмент контролирует компании, оперирующих в таких отраслях как электроэнергетика, нефтегазовая, финансы, добывающая промышленность, перевозки, информационные технологии, производство строительных материалов. И значительная часть этих активов – публичные компании.

Перекрёстное (взаимное) владение акциями также затрудняет понимание структуры владения публичными компаниями, представленными на Тегеранской фондовой бирже. Например, на 12 марта 2017 года капитализация Иран Телекома составила 148,700 млрд риалов, а капитализация его основного актива (доля 90%) Иран Мобайл – 143,000 млрд риалов. Вообще перекрёстное владение акциями (в том числе и когда дочерние компании владеют акциями своих материнских компаний) – достаточно широко распространенное явление в иранской модели корпоративного управления.

Таким образом, через покупку акций публичных иранских инвестиционных холдингов портфельный инвестор может, по сути, получить доступ ко всем отраслям иранской экономики.

Иранский фондовый рынок обладает одним из самых лучших инвестиционным потенциалом. Иранский рынок акций резко вырос на фоне процесса снятия санкций и к началу апреля 2016 года, после чего рынок скорректировался, из-за отсутствия притока иностранных инвесторов, но несмотря на это, по сравнению на начало осени 2016 года рост с начала 2016 года составил 24%. Иранский фондовый рынок вошел в число топ-3 рынков с самыми высокими темпами роста в 2016 году, обогнав Россию (+22%).

На иностранные портфельные инвестиции приходится только 0,1% от общей рыночной капитализации всех представленных на Тегеранской фондовой бирже компаний. Приток иностранного капитала может значительно увеличить рыночную ликвидность с текущих уровней и изменить стоимость капитала, являющимися основными показателями, которые учитывают будущие иностранные портфельные инвесторы Иранского фондового рынка при решении о покупке акций.

По заявлениям официальных органов Ирана, в стране правовой подход в отношении иностранных и отечественных портфельным инвесторам осуществляется на «равных и паритетных условиях». Иностранным юридическим лицам (как в остальном мире) необходима предварительная регистрация и авторизация. В Иране не установлены требования к минимальному размеру капитала у портфельного инвестора или минимальному размеру осуществляемых им инвестиций.

В настоящее время в Иране иностранные инвесторы подразделяются на две категории: стратегические и не стратегические. Иностранные инвесторы, владеющие пакетом акций, не превышающим 10%, считаются

не стратегическими, и на них не распространяются ограничения по размеру прибыли или вывода капитала с рынка. Инвесторы, владеющие свыше 10% акций в компании, считаются стратегическими, и они обязаны владеть акциями в течение минимум двух лет со дня покупки такой доли, и только по истечении этого срока могут продать акции и вывести деньги с рынка.

Существуют ограничения в отношении владения пакетами акций в публичных компаниях для портфельных инвесторов, то есть не стратегических, владеющих менее 10% акций в компании. Наиболее существенные ограничения для портфельных инвесторов следующие:

- Количество акций, которыми владеют иностранные инвесторы, не может превышать 20% ото всех акций всех публичных компаний, торгующихся на Тегеранской фондовой бирже или на внебиржевом рынке, и также доля иностранного владения в каждой публичной компании (на ТФБ или Фарабурсе) по отдельности не может превышать 20%.
- Доля одного иностранного инвестора в одной публичной компании, чьи акции представлены на ТФБ или внебиржевом рынке не может превышать 10%.

Однако указанные выше ограничения достаточно формальны, поскольку доля акций, выпущенных в обращение (как на ТФБ и внебиржевом рынке) всех публичных иранских компаний едва достигает 20%.

Несмотря на вышеперечисленные ограничения, недостаточную прозрачность инвестиционных процессов, запутанную структуру владения публичных компаний, неоднозначность финансового состояния компаний вследствие отсутствия в Иране практики применения МСФО (международных стандартов финансовой отчетности), иранский фондовый рынок остается недооцененным. По разным оценкам, средний показатель цены на прибыль оценивается в районе 6–8х, что составляет дисконт в 30–50% к уровню компаний, представленных в индексе MSCI FM.

Выводы. Инфраструктура, поддерживающая торговые операции, стандарты отчетности, размер ликвидности, уровень корпоративного управления в настоящее время в Иране мало чем отличается от тех, что были в Российской Федерации, Турции, Китае, многих странах Восточной Европы в середине 90-х, когда получили развитие фондовые операции. С другой стороны, иранский рынок капитала гораздо более развит и подготовлен к притоку иностранных инвестиций, чем многие развивающиеся рынки 90-х. Иранский рынок акций имеет более диверсифицированную структуру, большую ликвидность, а экономика страны более стабильна и предсказуема, чем, например, российская 25 лет тому назад. У Ирана есть все необходимые условия для устойчивого роста, как только экономика будет полностью открыта для иностранных инвесторов, а иранский фондовый рынок интегрирован в мировой рынок капитала. А учитывая размер и возможный потенциал роста, иранский рынок акций может представлять интересные инвестиционные возможности для потенциальных инвесторов.

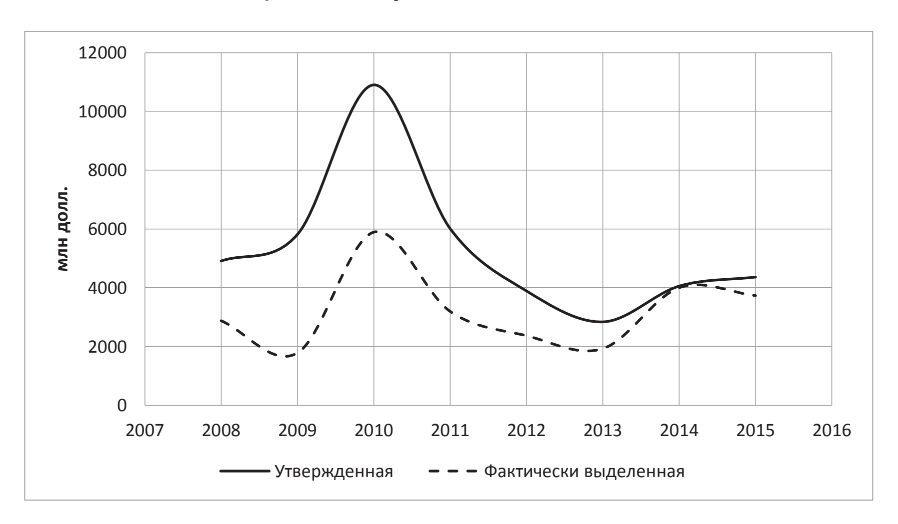
Окимбеков У.В. *

Состояние и перспективы развития экономики Афганистана

Свержение правительства талибов в конце 2001 г. дало возможность Афганистану рассчитывать в восстановление национальной экономики на финансовую и техническую помощь стран-доноров и международных финансовых институтов. На первой международной конференции по Афганистану, проходившей 22 января 2002 г. в Токио с участием представителей несколько десятков крупных стран, финансовых институтов и неправительственных организаций, было положено начало процессу восстановления разрушенного народного хозяйства страны. Международные силы содействия безопасности во главе с США, численность которых привалила за сто тысяч, совместно с афганскими силовыми структурами до 2014 г. обеспечивали безопасность в Афганистане. Внешняя помощь продолжает поступать, однако ее объем оказалась существенно ниже, чем было обещано.

Рисунок 1

Сумма утвержденной и фактически выделенной финансовой помощи Афганистану

За прошедшие годы были реконструированы старые и построены новые автомобильные дороги, открыт первый железнодорожный участок, соединяющий страну с Узбекистаном, восстановлены разрушенные в ходе войны электростанции, создана современная система телекоммуникаций,

* Окимбеков У.В. – к.э.н., научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, ubayd@inbox.ru

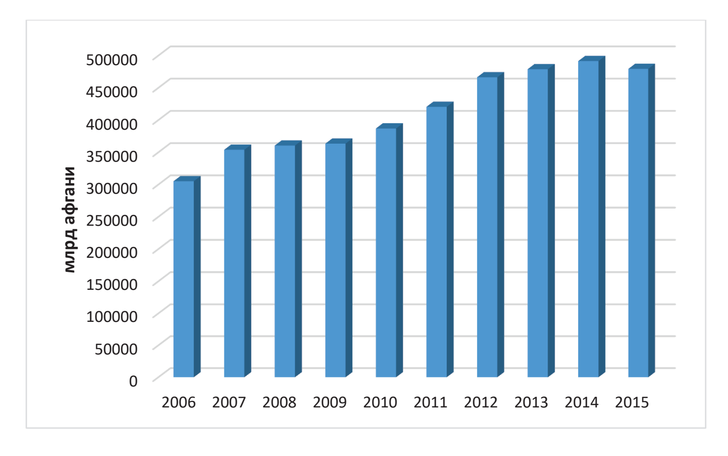
появилась мобильная связь, интернет, восстановлена банковская система, увеличились объемы внешнеторгового оборота.

По состоянию на 2002 г. банковская система страны находилась в разрушенном состоянии, работа Центрального банка была парализована, региональные отделения закрылись, а коммерческие банки к этому времени перестали существовать. К 2015 г. в Афганистане функционировали 15 банков (3 государственные, 9 – коммерческих и 3 филиала иностранных банков), имевшие по всей стране 411 отделений [7, с. 13–15].

Показатель ВВП на душу населения увеличился с 207 долл. в 2002 г. до 663 в 2015 г., а численность населения за этот период выросла с 21,8 до 28,6 млн человек [4, с. 133; 5, с. 142]. Среднегодовые темпы роста населения составляют 2,4% [1, с. 236]. Свыше половины афганского населения – дети подросткового возраста и молодежь: 47% – дети до 14 лет, 20% – возрастная категория от 15 до 24 и 16% – 25–39 лет [2, с. 16], что требует большие инвестиции в развитии человеческого фактора, прежде всего в области образования на всех уровнях.

Рисунок 2

Динамика ВВП Афганистана (в ценах 2002 г.).

Произошли изменения и в структуре ВВП: доля сельского хозяйства, основного сектора афганской экономики, заметно сократилась, промышленности примерно осталось неизменной, а сектора услуг значительно увеличилась.

Аграрный сектор, где проживает и занято свыше 80% афганского населения, не получил должное развитие. Относительная стабилизация политической обстановки способствовала расширению площадей посевов, увеличению объемов производства продукции, однако нерешенных проблем остается больше. Земледелие по-прежнему находится в прямой зависимости от погодных условий – в период засух площадь посевов и урожайность зерновых сильно страдает. Строительство всех крупных и средних по масштабам

страны ирригационных сооружений, в которых аграрный сектор сильно нуждается, давно вышел за рамки намеченных сроков и не завершается.

Таблица 1

ВВП по сектора экономики (%)

Отрасль	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**
Сельское хозяйство	43	33	33	28	28	27	25	25	24	22
Промышленность	21	25	26	26	21	22	21	20	21	22
Сфера услуги	34	39	38	44	48	48	50	52	51	52
Всего	**99**	**97**	**97**	**97**	**96**	**96**	**96**	**96**	**97**	**97**
Налог на импорт	1	3	3	3	4	4	4	4	3	3

Источник: Sectoral Contribution as% of GDP. http://cso.gov.af/en/page/ict/11328/11332

Таблица 2

Площадь посевов основных видов зерновых (тыс. га)

Годы	**2002**	**2004**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**
Пшеница	1742	1888	2444	2466	2139	2575	2354	2232	2512	2553	2654	2128
Кукуруза	236	315	236	236	236	140	183	183	141	142	127	147
Ячмень	100	250	137	137	137	267	212	190	280	278	343	282
Рис	135	195	160	170	190	200	208	210	205	205	220	164
Всего	2213	2648	2977	3009	2702	3182	2957	2815	3138	3178	3344	2721

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008–09. P. 128; Afghanistan Statistical Yearbook 2011–12. P. 142; Afghanistan Statistical Yearbook 2013–14. P. 138; Afghanistan Statistical Yearbook 2015–16. P. 159.

Дальнейшее расширение площадей посевов не будет приносить особой пользы, если вопрос обеспечения земледелия поливной водой не решится. Урожайность в сфере земледелия предельно низкая и, как раньше, продолжает зависеть от фактора погодных условий, а в период засухи сильно падает.

Промышленность также с 2002 г. постепенно начала восстанавливаться. Общий объем производства отрасли, судья по данным официальной статистики, в 2006 г. составил 12611 млн афгани в ценах 1978 г., а к 2015 г. сократился в два раза – до 6199 млн. Резкое сокращение объема производства происходит с 2013 г., что можно наблюдать на примере данных по секторам. Так в 2006 г. частный сектор произвел продукцию на сумму 7032, а государственный – 5579 млн афгани (также в ценах 1978 г.), к 2013 г. соответственно 10063 и 310 млн а в последующие два года соответственно в частном 6956 и 5626 млн а государственном 359 и 573 млн афгани [3, с. 147; 5, с. 179]. Более наглядно эту тенденцию проиллюстрируют абсолютные показатели

по относительно активным секторам промышленности (Табл. 3), общая численность которых ежегодно продолжает сокращаться.

Рисунок 3

Динамика производства основных видов зерновых

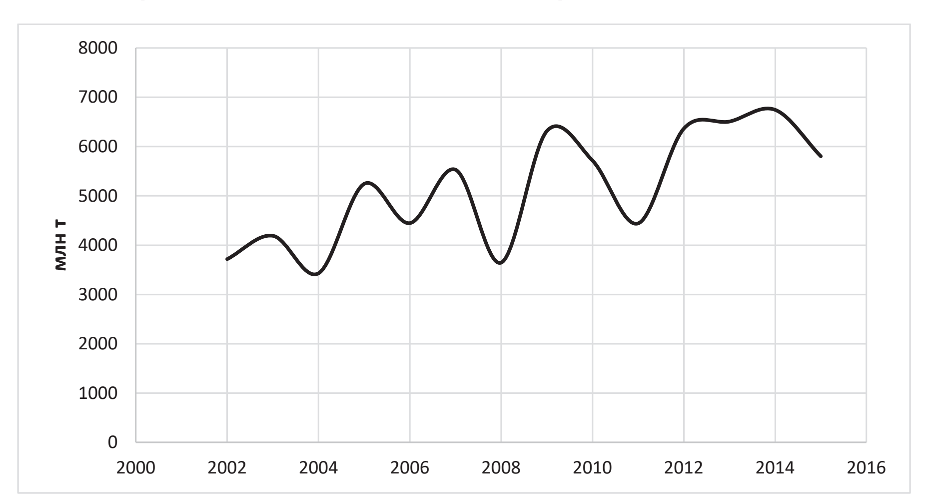

Таблица 3

Число наиболее активных промышленных предприятий по годам

	2006	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015
Химпром	58	58	58	55	52	50	40	41
Стройматериалы	84	101	105	105	103	99	83	79
Металлические изделия	78	78	80	75	75	72	65	61
Фармацевтика	10	14	11	14	11	11	8	8
Печатная продукция	56	63	63	73	70	79	70	72
Ковроделие и целлюлоза	47	45	37	30	28	25	19	19
Легкая промышленность	49	64	66	68	68	66	60	60
Пищевая промышленность	199	212	199	197	192	189	173	173
Прочие	161	196	192	190	189	185	170	165
Итого	742	831	811	807	788	776	688	678

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008–09. P. 147: Afghanistan Statistical Yearbook 2009–10. P. 133; Afghanistan Statistical Yearbook 2013–14. P. 157; Afghanistan Statistical Yearbook 2014–15. P. 166; Afghanistan Statistical Yearbook 2015–16. P. 179.

В сфере услуг больше половины объемов производства приходится на долю транспорта, складского хозяйства и связи (19%), оптовой и розничной торговли (7%), государственных услуг (13%), почты

и телекоммуникации (6%). Мобильная связь является одной из самых быстроразвивающихся секторов афганской экономики, куда поступили первые иностранные инвестиции [8].

Внешние доноры обязались поддерживать экономику Афганистана до 2024 г., а страна к этому времени по плану должна освободиться от внешней финансовой зависимости. В реальности, это вряд ли произойдет, так как поступления от внутренних источников в бюджет не значительны и в последующие годы особых положительных изменений в этом направлении не ожидается.

Таблица 4

Доля поступлений от внутренних источников в системе государственного бюджета Афганистана (%)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля внутренних доходов	29	26	22	24	35	37	36	35	31	29	28
Темпы роста внутреннего дохода		9	23	27	53	16	-6	40	9	-6	2

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008–09. P. 219: Afghanistan Statistical Yearbook 2009–10. P. 201; Afghanistan Statistical Yearbook 2012–13. P. 249; Afghanistan Statistical Yearbook 2015–16. P. 260.

Таким образом, за эти годы произошли определенные положительные изменения, однако на качества жизни населения они сильно не сказывались. По индексу человеческого развития Афганистан (0,465, что ниже средних показателей групп стран с низким уровнем человеческого развития и стран Южной Азии) в 2014 г. среди 188 стран находился на 171 месте (в 2000 г. этот показатель составил 0334, в 2010–0,448). В частности, ожидаемая продолжительность обучения – 9,3 лет, средняя продолжительность обучения – 3,2 года, валовой национальный доход по паритету покупательной способности – 1885 долл., беднейшие слои трудящегося населения с доходом в 2 долл. США в день – 88,1% от общей численности занятых, коэффициент неравенства людей – 30, коэффициент материнской смертности – 400 случаев смерти на 100 тыс. живорождений, коэффициент рождаемости у подростков – 86,8 на 1 тыс. женщин, доля экономически активного населения – 47,9 [1, 49; 210; 218; 226; 256].

Вопрос безопасности является главным негативных фактором на обеспечение которого уходит значительная часть ресурсов бюджета. В 2015 г. расходы на оборону составляли 44%, что на 25% больше всего объема поступлений от внутренних источников. Остальным министерствам и ведомствам выделялось существенно меньше суммы: на развитие инфраструктуры – 16%, образования – 13%, здравоохранения – 4,2%, сельского хозяйства – 10% [5, 273].

Масштабная коррупция и растущий объем производства и сбыта наркотических веществ являются еще другим препятствием на пути развития афганской экономики. По данным «Транспаренси интернешнл» по итогам 2016 г. из 176 стран мира, по уровню коррумпированности Афганистан находился на 169 месте. Речь идет не только о коррупции в структурах власти, но и стран-доноров по линии международной помощи. Согласно данным афганских властей только 30% выделенной суммы получают афганцы, остальная часть обратно уходит из страны [6].

На пути дальнейшего развития афганской экономики существует еще масса других препятствий, однако политическая нестабильность, коррупция и наркоторговля являются определяющими фактора от решения которых в значительной степени зависит будущее любых проектов экономического и социального развития Афганистана.

Литература

1. Доклад о человеческом развитии 2015: труд во имя человеческого развития. ПРООН. М., издательство «Весь мир», 2015.
2. Afghanistan Living Conditions Survey 2013–2014. National Risk and Vulnerability Assessment. Kabul, 2016.
3. Afghanistan Statistical Yearbook 2008–09.
4. Afghanistan Statistical Yearbook 2012–13.
5. Afghanistan Statistical Yearbook 2015–16.
6. Corruption perceptions index 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016
7. Da Afghanistan Bank Annual Report 1394.
8. Sectoral Contribution as% of GDP. [Электронный ресурс]. URL: http://cso.gov.af/en/page/ict/11328/11332

*Печищева Л. А.**

Индия и Германия: сотрудничество в области экономики на современном этапе

Начало XXI века ознаменовалось формированием нового подхода к развитию сотрудничества Индии и Германии в политической, социально-экономической сфере, а также в науке, образовании и культуре. Основным направлением взаимодействия между Германией и Индией сегодня являются экономические отношения. Так, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, ФРГ и Индия проводят форумы, подписывают взаимовыгодные договоры. Необходимо отметить, что между Индией и Германией приоритетными являются торгово-экономические отношения, которые скреплены рядом договоров и соглашений:

– торговое соглашение от 31 марта 1955 г.;
– обмен нотами о защите немецких инвестиций в Индии от 15 октября 1964 г.;
– соглашение об отказе двойного налогообложения от 19 декабря 1996 г.;
– соглашение о поощрении и защите инвестиций от 1998 г. [2, р. 6].

Ключевыми институтами, нацеленными на развитие индо–германских торгово-экономических отношений, являются: **индо–германская торгово–промышленная палата** (Indo-German Chamber of Commerce – IGCC) (1956 г.). Головной офис ТПП находится в Мумбаи, зарубежные офисы расположены в Нью-Дели, Калькутте, Бангалоре и Дюссельдорфе, а также германское общество международного сотрудничества (GIZ – Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit // German Corporation for International Cooperation) (2011 г.).

Германия является для Индии самым крупным экономическим партнером в Европе, а также входит в первую десятку торговых партнеров Индии в мире. В 2015 г. Индия заняла 25 место среди торговых партнеров Германии.

Таблица 1

Индо-германское торгово-экономическое сотрудничество (цифры в долларах США) [3, р. 2]

Год (апрель – сентябрь)	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013
Индийский экспорт	5,121.53	6,388.54	5,412.89	6,751.18	7,942.79	3,489.63
% рост		**24.74**	**-15.27**	**24.72**	**17.65**	

* Печищева Л. А. – к.и.н., научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр индийских исследований ИВ РАН.

Год (апрель – сентябрь)	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013
Индийский импорт	9,884.83	12,006.02	10,318.18	11,891.37	16,275.56	7,134.36
% рост		**21.46**	**-14.06**	**15.25**	**36.87**	
Общий торговый оборот	15,006.36	18,394.56	15,731.07	18,642.55	24,218.35	10,623.99
% рост		**22.58**	**-14.48**	**18.51**	**29.91**	

Если рассматривать инвестиции, то они возросли с 2000–2008 гг. более чем на 3 млрд евро, таким образом, делая Германию третьим по величине инвестором после Великобритании и Нидерландов в Европе и седьмым в мире. В целом, с января 2000 г. по март 2016 г. прямые инвестиции Германии в Индию оценивались в 8,64 млрд долларов США [4].

Торговые партнеры Индии учитывают ее растущее экономическое и политическое влияние в Азии и мире. Однако по ряду показателей Индия все еще уступает Китаю. Начиная с 1980-х гг., Китай демонстрирует темпы экономического роста около 10% ежегодно, а Индия благодаря экономическим реформам 1990-х гг. смогла достичь примерно 8%. Кроме того, у Индия сохраняются серьезные проблемы в социальной сфере: более высокие, чем у Китая, уровень бедности, отставание в сфере школьного образования, более низкий уровень грамотности, наличие тенденций, дезинтегрирующих общество, в том числе по религиозным и кастовым признакам. К тому же, проведение экономических реформ в многоконфессиональном и полиэтническом обществе в условиях демократии и многопартийности сопряжено с некоторыми трудностями [1, с. 843].

В то же время, у Индии, по сравнению с Китаем, есть и ряд преимуществ, которые могли бы обеспечить ей успех в экономическом плане. Так, Индия имеет уже сложившуюся систему демократических институтов, основы гражданского общества, судопроизводство, защищающее частную собственность. Страна располагает активно развивающимся сектором высоких технологий, опирающимся на крупные достижения в системе высшего образования. Индия не сталкивается с проблемой старения населения. Преимуществом Индии, по сравнению с Китаем, является и то, что либерализация и глобализация ее экономики не угрожают подрывом или разрушением ее политической системы. В Индии также сложилась инфраструктура для осуществления приватизации государственных предприятий.

Таким образом, сотрудничество между Индией и Германией в 2000-х гг. переживало период активной трансформации и в настоящее время развивается достаточно динамично. В условиях глобализации Индия и Германия обладают политическими, экономическими, культурными, научно-техническими ресурсами для развития их стратегического партнерства. По мнению канцлера ФРГ Ангелы Меркель, Индия обладает достаточным

экономическим и политическим потенциалом, чтобы стать для Германии таким же крупным партнером в Азии, как и Китай.

Литература

1. *Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л.* Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий, 2009.

2. India and Germany. Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, 2007, 57 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www.in.kpmg.com/pdf/India_Germany.pdf (04.08.2016)

3. India – Germany bilateral relations. [Электронный ресурс]. URL: http://ficci.in/international/54525/Add_docs/India-Germany-Bilateral-Relations-21–12–12.pdf (15.02.2017)

4. India-Germany Relations. [Электронный ресурс]. URL: https://www.indianembassy.de/relationpages.php?id=37 (18.07.2016)

*Федорченко А.В.**

Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире?

Военные конфликты на Ближнем Востоке для многих отодвинули на второй план экономическую ситуацию в регионе. Конечно, главная цель сегодня – остановить кровопролитие, достичь мира в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза и на другой вызов – ***системное экономическое отставание региона***. Материальная основа цивилизации во многом определяет характер политической системы, конфликтный потенциал общества, степень удовлетворённости или неудовлетворённости населения условиями жизни и, наконец, характер международных отношений.

Статья посвящена проблеме хозяйственного отставания арабских стран, поиску путей возрождения их национальных экономик. К концу прошлого столетия прежняя модель развития себя исчерпала, отчётливо проявились признаки политического и социально-экономического застоя. В сфере экономики возросшее демографическое давление на рынок труда сочеталось с начавшимся исчерпанием финансовых и материальных ресурсов для динамичного экстенсивного роста, а современные наукоёмкие производства так и не были созданы.

Автор полагает, что оживление и модернизация арабской экономики будут происходить в три этапа: 1) восстановление разрушенных военными действиями производственных мощностей, инфраструктуры, жилого фонда в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и Судане; 2) стабилизация (или экономическая реабилитация); 3) структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства.

Как показывает мировой опыт, назревшим системным экономическим реформам предшествует период продолжительностью от одного года до пяти лет, в течение которого государство осуществляет неотложные меры по экономическому и финансовому оздоровлению страны. Успех таких мер создаёт возможность – в форме возросших доходов населения и госбюджета, повышения инвестиционной привлекательности и даже улучшения морально-психологического климата в стране – продвигаться к более глубокому реформированию экономики. Среди разнообразных программ в этой области следует выделить:

- решение проблемы трудоустройства и повышения жизненного уровня широких масс населения путём организации общественных работ с высокой трудоёмкостью;

* Федорченко А.В. – д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Директор Центра ближневосточных исследований МГИМО (У),
a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

- осуществление инфраструктурных проектов – развитие транспортной сети, землеустройство, орошение и т.д.
- ликвидация городских трущоб и широкое жилищное строительство; в качестве успешного примера реализации подобных проектов можно использовать опыт Турции;
- повышение экономической активности молодёжи путём совершенствования системы отношений между бизнесом с одной стороны, и высшей школой, средним специальным образованием – с другой, облегчения условий открытия новых предприятий молодыми людьми, повышение степени доступности для них заёмных финансовых ресурсов и субсидий;
- наведение порядка в бюджетном процессе и денежно-кредитной системе в целом.

На первом и втором этапах предстоит решать острую проблему финансирования проектов. Целесообразно обратить внимание на реструктуризацию расходной части госбюджета в направлении увеличения удельного веса ассигнований на выверенные, эффективные в экономическом плане и социально ориентированные проекты, развитие государственно-частного партнёрства, всемерное стимулирование частного предпринимательства в приоритетных областях экономики. Что касается внешних финансовых ресурсов, то в условиях стагнации на мировых рынках потребуется обеспечить максимально возможную отдачу на вложенные капиталы. Инфраструктурные проекты и жилищное строительство должны приносить иностранным и национальным инвесторам приемлемый доход. С экономической точки зрения это вполне реально.

Должна измениться роль международных финансовых институтов. Для повышения эффективности работы в Арабском мире им лучше отойти от навязывания своего курса и сосредоточиться на предоставлении рекомендаций и экспертных наработок, учитывающих местные условия.

В целом должна поменяться сама концепция взаимодействия развитого мира с арабскими странами. Инструментарий «благотворительного колониализма» (термин антрополога Р. Пейна) уже не работает. Норвежский экономист Э. Райнерт называет такую политику «скандинавским заблуждением»: «вместо того, чтобы атаковать источники бедности изнутри, через производственную систему, вместо того, чтобы эту систему развивать, внимание концентрируется на симптомах бедности, которые облегчаются денежными вливаниями извне» [1, с. 271].

Третий этап представляется наиболее сложным и продолжительным, но от его успеха зависит, без преувеличения, судьба арабского мира. Его условно можно разделить на два периода: разработка концепции и программы преобразований и осуществление реальных реформ. Большие трудности ждут на стыке этих периодов. Как отмечает известный египетский исследователь экономики арабских стран Т. Хегги, «переход от стадии планирования к конкретным действиям чрезвычайно сложен и обычно

происходит в условиях открытого противоборства настроенных в противоположных концептуальных направлениях центров силы, часть из которых твёрдо придерживаются идеалов прошлого, другие нацелены на новые возможности, открывающиеся в будущем» [2, с. 118].

Реформирование хозяйственного механизма представляется наиболее сложной задачей. Сама концепция этих преобразований разработана недостаточно и в силу этого пока может быть представлена в самом общем виде. В арабском мире всё явственнее осознают неизбежность *фундаментальной переоценки роли государства в экономике*. Роль государства не будет укладываться ни в концепции либерализации, которые с завидным упорством навязываются Западом, ни в традиции этатизма восточного типа, обладающие на Ближнем Востоке большой инерцией. Новая модель смешанной экономики наверняка будет включать в себя повышенный по сравнению с развитыми странами уровень госрегулирования и более высокий удельный вес государственного сектора в ВВП и занятости. Государство по-прежнему сохранит присутствие в не утратившем свою актуальность «ромбе национальных конкурентных преимуществ» М. Портера в качестве своего рода внешней детерминанты, способной оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Без жёсткого государственного регулирования не обойтись, по крайней мере, на начальном этапе реформ. Но симбиоз государства и рынка уже не предполагает всеохватывающего участия первого в основных сферах экономической жизни.

Особая роль в арабском экономическом ренессансе отводится большинством экспертов в их прогнозах частному предпринимательству. Успех реформ в конечном счёте зависит от степени вовлечённости в их проведение частного капитала. Однако государство, отказавшись от всеохватывающего регулирования и контроля, оставит за собой выполнение функций координатора и силы, мобилизующей ресурсы на национальном и международном уровнях. Ему же придётся создавать и поддерживать управленческий механизм, обеспечивающий баланс между краткосрочными интересами частных предпринимателей, ориентированными на максимизацию прибылей, и долгосрочными целями общества в целом. Здесь понадобится повысить прозрачность, управляемость государственных институтов, качество их услуг.

Одна только реформа государственных и частных экономических институтов способна дать впечатляющие результаты. Ещё в апреле 2003 г. эксперты МВФ подсчитали, что достижение этими институтами государств БВСА качественного уровня развитых стран приведёт к увеличению годовых темпов прироста реального ВВП на душу населения на 3 процентных пункта [3].

В более отдалённой перспективе каждой из арабских стран придётся переформатировать или создать заново свой отраслевой хозяйственный профиль. Концепция отраслевых структурных сдвигов как в развивающемся мире в целом, так и в арабских странах в частности должна быть

изменена. Во-первых, пора отойти от одного из принципов Вашингтонского консенсуса, в соответствии с которым следует открыть внутренний рынок для внешней конкуренции и помогать тем отраслям обрабатывающей промышленности, которые сравнимы по эффективности с аналогичным производством в развитых странах, отказавшись от остальных. Путь к экономическому возрождению необходимо прокладывать через формирование перспективных, но пока ещё недостаточно конкурентоспособных отраслей обрабатывающей индустрии, а также услуг с последующим подтягиванием национального производства по показателям эффективности до уровня развитого мира.

Отдельно стоит вопрос о выделении и расширении высокотехнологичного кластера. На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что научно-технический потенциал арабского мира не способен в перспективе справиться с этой задачей. Исследования, проводимые арабскими экономистами, показывают, что Китай и Индия, обладая сравнимым с арабскими странами потенциалом в этой области (в относительном измерении), смогли совершить рывок в развитии наукоёмкого производства. За период с 1967 г. по 2010 г. продукт национальных НТК арабских стран увеличился в стоимостном выражении примерно в 50 раз (лидировали Египет, члены ССАГПЗ и Магриб). И это при скромной доле ассигнований на НИОКР в среднем в 0,2% от ВВП, когда научные достижения концентрировались в ограниченном количестве направлений – преимущественно в здравоохранении и сельском хозяйстве [4, с. 190]. Успех экономических реформ в ближайшие десять лет напрямую зависит от готовности и способности государств заново выстроить и обеспечить устойчивое развитие научно-технической инфраструктуры.

Неизбежен период усиления протекционизма для взращивания и обеспечения жизнеспособности пока ещё неконкурентоспособных отраслей. При дальнейшем ускорении процесса глобализации свободная торговля между государствами с разными уровнями развития будет по-прежнему приводить к уничтожению наиболее эффективных промышленных секторов наименее эффективных стран. Это явление получило название «эффекта Ванека-Райнерта». Если развитые страны с пониманием отнесутся к необходимости обеспечить арабским государствам на определённое время преференциальные условия в международной торговле, то для последних станет возможным и приемлемым продолжение интеграции по линии Север–Юг, но уже в модифицированной форме: их внутренний рынок должен открываться постепенно. Опыт вовлечения в ЕЭС Испании в 1980-е гг., Израиля в 1970–1990-е гг. продемонстрировал успешность такого подхода. Региональная экономическая интеграция на Ближнем Востоке, призванная содействовать хозяйственному возрождению региона, может развиваться в первую очередь в двух направлениях – через реанимацию «Барселонского процесса» и раскрытие потенциала ближневосточной интеграции.

Трудно рассчитывать на то, что экономическое возрождение будет проходить равномерно во всех странах региона. Здесь нужны яркие примеры успешных преобразований, за которыми могли бы последовать остальные страны – ими вполне могут стать Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Тунис. Если удастся политическое урегулирование в Сирии, она сможет реализовать модель по урегулированию экономических и социальных проблем. По крайней мере, стать своего рода образцом модернизации для среднеразвитых арабских стран с диверсифицированной и относительно развитой по меркам этой части мира экономикой. До 2011 г. такие предпосылки существовали. Инициированные Б. Асадом реформы начали приносить свои плоды и в то же время вызвали резкое раздражение внутренних и внешних противников сирийского режима.

Литература

1. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., Издательский дом Высшей школы экономики. 2016.
2. Heggy T. The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress. Cairo, Merit Publishing House, 2009.
3. World Economic Outlook. IMF. Washington, April 2003.
4. Zahlan A. Science and the Arabs: opportunities and challenges. Contemporary Arab Affairs. Volume 4, Issue 2, April 2011.

*Филоник А.О.**

Арабский Восток: противоправная деятельность в экономической сфере

Значительная часть арабского мира, а, по сути, весь регион ныне, так или иначе, переживает крайне сложные времена вследствие затяжной войны с ИГ. Расползание экономического недуга идет по разным направлениям и с разной интенсивностью. Наибольший ущерб нанесен Сирии и Ираку, экономика которых по многим параметрам пришла в упадок и еще не достигла дна. Их внутренний рынок ныне функционирует в разорванном режиме. Сегменты под контролем правительства работают со сбоями, но сохраняют атрибуты регулируемой экономики.

Другая часть некогда общенационального рынка представлена хозяйствующими субъектами под контролем ИГ. Исламское квази-государство выстраивает свою схему обращения товаров и капиталов, главным образом по канонам «исламской» экономики, но с уклоном в насилие. Его задача – в мобилизации финансовых ресурсов для целей войны. Это порождает активное движение подпольных капиталов, сопровождаемое массовыми незаконными операциями отмывания денежных средств.

Своего рода связующим звеном между двумя экономическими организмами служит теневой рынок. Его деятельность привела к колоссальному росту незаконного оборота ресурсов во всех востребованных сферах хозяйственной деятельности. Напряженная обстановка в регионе, дисбаланс спроса и предложения, борьба за выживание и другие моменты этого ряда по определению не могут не сопровождаться самыми изощренными формами контрабанды, коррупции, мафиозной активности. Отсюда взрывной рост незаконных операций и мелкой и крупной преступности. В результате, на 2/3 территории этих стран возник хаос, что позволяет подпольному бизнесу получать экономическими и внеэкономическими методами серьезные доходы в сотни миллионов долларов и процветать на стыке официальных и джихадистских структур.

Относительно мирные страны региона не отстают от воюющих сторон. Заметное падение курса египетского фунта в ноябре 2016 г. спровоцировало активность черного валютного рынка и вызвало переполох у производителей цемента и металла – основного строительного материала. Особенно на фоне того, что Центробанк «шопотом» уведомил рынок, что кредитные линии будут открываться только под самые необходимые инвестиционные товары и средства производства, лекарство и вакцины. Банк выделил 2,2 млрд долл. на поддержку импорта этих товарных групп, но вливания сразу ушли на сторону – на закупку аппаратуры и мобильных телефонов.

* Филоник А.О. – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Центр арабских и исламских исследований, fao44@mail.ru

Между тем, с 2011 г. Египет остро нуждается в притоке инвестиций, поток которых резко иссяк после сокращения туризма и числа иностранных инвесторов. Поступающих же из внешних источников всего 2,6 млрд долл. недостаточно, чтобы поддерживать экономический рост и обеспечивать рынок иными товарами, кроме имеющих капитальное значение. [2, 18.11.2016]

Коррупция – еще одно универсальное явление, которое прижилось в арабском мире и оценивается во многие миллиарды долларов. Оно имеет не только экономические последствия, но и влияет на политику и отражается на социальной сфере. По данным МВФ, коррупционные сборы в мире оцениваются только по госсектору в 1,5–2 трлн долл. в год, а это 2% мирового ВВП (по др. данным, 5%, или 2,6 трлн). По мнению Transparency Int., ведущей кампанию против корпоративизма и политической коррупции, только в развивающихся странах коррупционеры изымают из полезного оборота минимум 40 млрд долл., и 40% предпринимателей оплачивают поборы чиновников из госструктур. Это только видимая часть айсберга. Косвенные затраты на коррупционное обслуживание еще больше и достигают масштабов, способных влиять на макроэкономические показатели, дееспособность обществ и правительств. [4, 15.05.2016]

Доля арабских государств в валовых показателях коррупционных отчислений неизвестна. Но колоссальная бюрократическая традиция, неверие в государственную мудрость и стремление, пусть к предварительно оплаченным, но преференциям явно вынимает из предпринимательского оборота немалые средства. Из материалов Антикоррупционного саммита 2016 г. в Лондоне известно, что предполагаемая сумма коррупционных выплат по миру почти в 20 раз превышала в 2013 г. размер официальных ассигнований на развитие, равных 140 млрд долл. Можно с определенными допусками предположить, что потери по этой статье в арабском мире могли находиться в какой-то пропорции к этой цифре. [4, 15.05.2016]

Во всяком случае, 23% руководителей компаний и фирм на Ближнем Востоке считают, что коррупция – распространенная практика при оформлении контрактов. Каждый пятый бизнес-администратор допускает неэтичное поведение и возможность дать взятку ради выигрыша по сделке. Цитировавшаяся Transparency Int. утверждает, что примерно 50 млн чел. в БВСА в 2015 г. использовали подкуп в корыстных целях. При этом 61% населения региона уверен, что уровень коррупции растет даже в перспективе одного года. Исследования Ernst & Young показывают, что многие компании пытаются искать средства для борьбы с мошенничеством. Но 40% из них недооценивают такую возможность, что значительно превышает средний по миру уровень в 29%. [6, 12.05.2016]

На практике мошеннические операции, коррупция и криминальная деятельность остаются серьезным раздражителем для бизнеса. Одна из разновидностей правонарушений – инсайдерская информация, вызывающая большую тревогу в деловых кругах. Ее масштабы резко увеличились в 2013 г., явно не миновав и ближневосточные рынки, имеющие широкие

контакты с Западом, где этот вид незаконных деяний получил заметное распространение. За последнее время здесь велось расследование по 100 случаям, которые дополняют рассматривавшиеся ранее 908. [6, 10.01.2016]

О том, что недобросовестность в финансовых вопросах имеет свою историю в арабском мире, свидетельствует борьба в Кувейте вокруг закона о Публичном фонде и отчетности. Она возникла еще в 2009 г. в связи с аудитом работы ряда министров, ушедших в отставку. Закон мог бы стать препятствием для коррупции, но правительство и законодатели откладывали вопрос, хотя Блок развития и реформ в парламенте семь раз выступал с предложениями по вопросу. [5, 28.06.2009]

Из-за сохраняющейся недостаточной прозрачности торгово-экономических операций в ОАЭ в 2017 г. может сильно пострадать малый бизнес. Факт, что многие мелкие компании с финансовыми проблемами в 2015 г. были разорены. Десятки более крупных из-за серьезных фейковых операций с банковской задолженностью по нецелевым проектам также ушли с рынка. Тех, что наращивали задолженность с прямой целью обмана банков, постигла та же судьба. Едва капитализировавшиеся, с большой задолженностью, но реальные компании последовали за ними. [6, 29.10.2016]

Ситуация с малым бизнесом в ОАЭ – результат недостаточно отъюстированной технологии врастания малого капитала в бизнес, компании которого имеют прорехи в балансовых счетах из-за единовременных финансовых потерь, утечки капитала и др. факторов, например, неглубокого аудита или временного проседания бизнеса при сохранении возможности самостоятельно преодолеть возникшие сбои. Но, несмотря на уязвимость, малое предпринимательство в монархиях в принципе способно обрести большую остойчивость при соответствующей корректировке повседневной экономической практики.

Тем не менее, как видно, вопрос выживаемости малоформатного предпринимательства не снимается даже в странах Персидского залива, где созданы благоприятные условия для ведения бизнеса, а рейтинги обещают упрощенный доступ на рынки. И все же риски разного происхождения остаются довольно серьезным испытанием для частного капитала, составляющего основу значительного числа аравийских компаний и фирм.

Состоявшийся в 2012 г. в Дохе Форум сотрудничества стран ССАГПЗ в области управлениям рисками инициировал «новую систему мер» противодействия им. Экономические и внеэкономические риски отнесены к явлениям, которые способны нарушать стабильность воспроизводственных процессов в самых разных отраслях национальных экономик. Преимущественный упор на борьбу с негативными процессами делается на финансовую сферу. Именно здесь еще сильно влияние мирового финансового кризиса, и поэтому необходимо создавать условия для эффективной работы в рамках стандарта Базель 3 наряду с мерами, профилактирующими на макро- и микроуровне возможные ошибки и сбои в финансовых аспектах регулирования регионального рынка. [3, 15.01.2012]

В Катаре создан орган с разветвленной системой контроля за компаниями и предпринимательским сообществом, опирающийся на помощь транснациональных компаний типа IBM, Moody's, Thompson Reuters и др. [3, 15.01.2012] Именно их вмешательство признается властями наиболее действенным средством смягчения проблемы не только с позиций чисто экономического подхода к теме, но и с точки зрения создания реальных возможностей преодоления противоправной деятельности в экономике – инсайдерства, хищения персональных данных, мошенничества с банковскими кредитами и т.п.

Легализация незаконных доходов еще один больной вопрос на Арабском Востоке. Сирия еще в 2005 г. наряду с борьбой с экономическими рисками специальным декретом утвердила меры противодействия террору и отмыванию денег как способа его поддержки. Тогда же в составе Центробанка было организовано управление с правами расследования всех сомнительных операций, могущих иметь отношение к означенным преступлениям. [1, с.30] Сходные шаги предпринимаются и в других арабских странах, хотя эффективность их существенно колеблется в зависимости от политических предпочтений элит.

Тем не менее, очевидно, что даже в сложных условиях нынешнего Арабского Востока с той или иной степенью успешности осуществляются попытки противостоять черным и серым схемам. Но ближневосточная экономика в силу обстоятельств сильно засорена, не свободна от хозяйственных злоупотреблений разной этиологии. Факт, что подобные явления едва ли искоренимы в обозримой перспективе. Но они все же могут быть существенно лимитированы усилиями добросовестного и ответственного государства и его правовых институтов.

Литература

1. Хасрийя, Абдель Кадир. Гасилю-ль-амваль // Аль-Муждтамау аль-иктисадий. (Отмывание денег // Экономическое общество) 2005. Октобр С. 30
2. Аль-Иттихад аль- Иктисадий 18.11.2016
3. Ар-Рая аль-Иктисадийя 15.1.2012
4. Аш-Шарк аль-Аусат 15.5.2016
5. Arab Times 28.6.2009
6. Gulf News 29.10.2016

*Akimov A., Belokrenitsky V., Deryugina I.**

Peculiarities, Problems, and Perspectives of Economic Development of South Asia, Middle East, and North Africa. General Issues of Economic Development (Presentation of discussions held on March 20, 2017 at the Economic Conference in the Institute of Oriental Studies, RAS)

Technological section and discussions on East Asia and South East Asia held at the conference were covered in previous publications of Eastern Analytics. At the conference the South Asian issues were discussed by V. Belokrenitsky, A. Goriacheva, S. Kamenev, A. Obukhova, U. Okimbekov, L. Pechishcheva. The main point of discussion was economic gap and perspectives of the region.

S. Kamenev (Institute of Oriental Studies, RAS) in the report **Challenges for GDP estimation in India and Pakistan** argues that the main figures of the economic development for the major Asian countries are the growth rates and per capita income despite shortcoming of these characteristics. The System of the National Accounts Statistics provides an opportunity to estimate GDP with three different methods – output, income and expenditure, which any country may use independently.

But in practice the Asian countries can use the first and the third methods only. Moreover, one can watch the failure of full use expenditure method in a proper way. This is due to the absence of the regular data for private consumption which is important and significant part of GDP. It leads to the failure to check the GDP rates, calculated with two possible independent ways. Unfortunately this is natural for two giant South Asian countries, India and Pakistan, with the common population of more than 1.5bln which is twenty percent of the world population.

Another kind of distortion is connected with the change of the base of GDP estimation. From one point the base adjustment is necessary to accommodate changes in the structure of the economy, new definitions, methods or latest surveys. But from another point the frequent and proofless change of GDP base make the growth rates incomparable. Exactly it has been done in India and Pakistan in the first decade of the 21st century, i.e. shifted in Pakistan from 1999–2000 to 2005–06 and in India from 2004–05 to 2011–12.

One can find also several external reasons that impede economic growth and the main bar in this regard is a poor weather condition, which restrains agricultural development. It was happened so in India and Pakistan in 2015–16, when the volume of value added in agriculture decreased. As a result the growth rates in both countries were less one or two percent versus planned.

But sometimes crude monetary measures may challenge slowdown not only in banking system, but in the economy in a whole. It happened so in India in November 2016, when the government of Narendra Modi announced the two largest denomination notes, Rs 500 and Rs1000, were "demonetized" with immediate effect. At one fell stroke, almost 90 percent of the cash in circulation was thereby rendered invalid. These notes were to be deposited in the banks by December 30, 2016, while restrictions were placed on the convertibility of domestic money and bank deposits. The purposes of the action were beneficial and aimed to curb corruption and especially the accumulation of "black money", but triggered short-term collapse in banking system and as a consequence reduced the growth rates for 1 percent in fiscal year 2016–17.

L. Pechishcheva (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) in her report **India and Germany: Contemporary Economic Cooperation** insists that today economy is one of the main directions of the Indo-German cooperation. India and Germany conduct forums and sign mutually beneficial agreements, among them are Trade Agreement of 31 March, 1955; Exchange of Notes on the protection of German investments in India of 15 October 1964; Agreement for the Avoidance of Double Taxation, which came into force on 19 December 1996; Agreement for the Promotion and Protection of Investments, which came into force in July 1998. Among the key Indo-German trade and economic institutions are the Indo-German Chamber of Commerce (IGCC) (1956). The CCI headquarters is located in Mumbai, and its foreign offices are situated in New Delhi, Calcutta, Bangalore and Dusseldorf, as well as the German Corporation for International Cooperation (GIZ).

Germany is one of India's largest economic partners in Europe, as well as it is one of India's top ten trading partners in the world. In 2015 India ranked the 25th in Germany's trading partners. Moreover, Indo-German investments were increased from 2000–2008 more than by 3 billion euro, thus, making Germany the third largest investor after Great-Britain and the Netherlands in Europe and the seventh in the globe. In general, from 2000 to 2016 Germany's direct investment in India was estimated at 9.54 US billion dollars.

India's trading partners consider its growing economic and political influence in Asia and the world. However China leaves behind India in a number of indicators. Since the 1980s China annually demonstrated an economic growth rate about 10 per cent, and India, thanks to its economic reforms of the 1990s, could reach about 8 per cent. In addition, India still has serious problems in the social sphere: a higher level of poverty than in China, drawbacks in school education, a lower level of literacy, there are also trends disintegrating the society, including religious and caste characteristics. Moreover, the implementation of economic reforms in a multi-faith and multi-ethnic society under the conditions of democracy and multi-party system entails some difficulties.

At the same time, India in comparison with China has a number of advantages that could provide it with the economic success. So, India has a well-developed system of democratic institutions, the bedrock of civil society, legal proceedings

that protect private property. India has an actively developing sector of high technologies, based on major achievements in the system of higher education. Besides, India does not face the problem of aging population like China. The advantage of India, compared to China, is that liberalization and globalization of its economy are not threatened by the undermining or destruction of its political system. There is also a good infrastructure for the privatization of the state-owned enterprises in India.

Thus, the cooperation between India and Germany in the 2000s passed through the period of active transformation and it is currently developing quite rapid. In the context of globalization, India and Germany possess political, economic, cultural, scientific and technical resources for the development of their strategic partnership.

Middle East and North African situation was discussed by S. Babenkova, G. Gukasian, A. Fedorchenko, and A. Filonic. Political influence on economic development was discussed especially.

G. Gukasian, (Institute of Oriental Studies of the RAS) in his report **The Strategies of Economic Development of the Gulf Co-operation Council Member States** says that when we discuss interconnection between economic and political factors of socio-economic situation in Arab region, on the example of GCC states it is obvious that here a “pillow” of safety in the form of oil income reserves provided absence of any political tension for all past years (except some unrest on Bahrain and single terrorist attacks in Saudi Arabia). Economic strategies of GCC states were based on gradual movement towards economic diversification with leading role of state sector and state investments, and promotion of private sector productivity.

Since 2014 oil prices slump nudges GCC monarchies to begin deep changes in strategy of utilization of oil revenues. Requirements for changes have been announced on the top level, particularly in Saudi Arabia new Transformation Plan “Saudi Vision 2030”, and demands to raise non-oil government revenues and the private sector contribution into creation of non-oil income and employment. However, the rate of economic changes will depend on the oil prices fluctuations, as higher oil prices usually held up restructuring steps (especially in Qatar and Kuwait).

In the case of long-term stagnation of oil prices at a level of 50–55 $ per barrel, Saudi Arabian economy, the largest economy of the Arab world, will have to undertake restructuring first amongst GCC, as Saudi Arabia has large-scale economy and labor force. But any acceleration of economic restructuring would not occur until oil prices plunge at a lower level. As GCC economies are closely linked to Saudi Arabian economy, Saudi situation must influence socio-economic stability in the GCC.

The central problem of the GCC economic strategies restructuring is changing of fiscal model, as well production and employment model. Reducing of subsidies and introducing of different taxes in GCC states must be combined with investments and privatization steps aimed at establishment and effective development of new

sectors of non-oil economic activity, including innovative and export-oriented industries. But still now it is not clear how soon GCC economies could reach real results in the course of economic restructuring without undermining of social well-being (at first in Saudi Arabia, Oman, Bahrain and partly in the second Arab economy – UAE, where small local population and the place of UAE as transport and tourist center makes problem of reforms easier).

S. Babenkova (Institute of Oriental Studies, RAS) in her report **Characteristics and Prospects of Development of «Shadow Economy» of Arab Countries** insists that «shadow economy» is one of the biggest problems in the modern economy of the countries of Middle East. It is influenced by ISIS (terrorist organization prohibited in Russia) created on the territory of Syria and Iraq, military operations occurring in Yemen with the participation of representatives of Saudi Arabia, actions of new Libyan authorities that came into power after the deposition of Moammar el-Gadhafi, consequences of «Arab Spring». As it was mentioned in the theses, at the present time there is no consistent definition of the concept «shadow economy», and researchers disagree on its components. The aim of this speech is to offer the following definition: «Shadow economy» is the economy whose activity causes socio-economic damage to the state».

It is needed to mention that calculations of the volume of «shadow economy» by specialists haven't been produced since 2007. The actual calculations of the volume of «shadow economy» given in the theses to the conference are not based on calculation data, but on empiric evidence. It is needed to mention that to some peculiarities of «shadow economy» of Arab countries can be related big illegal migration movements between countries (from countries with the low level of economic and social development to countries with the high level of development), fund transfers circuit-wise «Hawala», large volumes of slave trade (not only in the areas under the control of ISIS), and, for instance, selling minority girls from Yemen to sexual slavery to the Gulf states, narcotic drugs and arms smuggling (network of these deliveries is spread from the Gulf states to the Maghreb countries). The issues of corruption also arouse interest as it is known that in some Arab countries the issues of «financial and material gratitude» are not in the field of the Penal or the Administrative Code but included in traditional business practice. In the field of banking or financial markets it needs to be mentioned that non-using entirely laws regulatory stands counter to legalization (laundering) of proceeds got illegally, financing of terrorism, and the absence of transparency in disclosure of information about ultimate beneficiary at the financial reporting of major national corporations can also contribute to supporting of «shadow economy».

Are the prospects of development of «shadow economy» possible? In general, we can mention the fact that «shadow economy» will always exist as a counterpart of legal economy. In Arab countries, as well as in Western countries, it is impossible to eliminate it entirely; it is only possible to reduce its volume and influence on the socio-economic life of population. Will its volume reduce, when will the war with ISIS in Syria and Iraq finish, will there be peace in Yemen, will

the Israel-Palestine conflict be resolved, etc.? The answer will be positive, but the difficulty of researching processes occurring in the «shadow economy» lies in the fact that this field of study is not in the economic (financial) sphere, but in the sphere of *social relations* between the state (represented by the authorities) and the people.

Several general issues of economic development of Asian and North African states were also discussed in the conference.

V. Kandalintsev (Institute of Oriental Studies, RAS) in the report **Globalization and the investment process** says that the current stage of globalization is often associated with the manifestation of authoritarian tendencies in economic policy. This became especially evident after the election of Donald Trump the President of the United States. In my opinion, we are dealing with the usual “pendulum” between dirigisme and liberalism. At a certain stage of economic development dominated by liberalism, then it is replaced by a roll to the dirigisme, which in the future will again take a backseat to liberalism.

Relating to the investment process logic dirigisme is appropriate. In this process “launching” stage is the investment climate, the development of which is closely connected with the efforts of the state. This is especially true for such components of the investment climate as openness to foreign direct investment, the quality of the regulatory environment, infrastructure development etc. Comparative analysis of the investment climate in different countries shows that even at approximately equal levels of overall favorability of the climate the particular set of competitive advantages in attracting FDI in each country is unique.

To clearly identify this set, build a strategy for the development of national competitive advantages and to implement it through coordinated action of dozens of public institutions and social organizations is a priority that is impossible to implement without a certain degree of dirigisme. In some cases, such dirigisme may be perceived, especially by the adherents of liberalism as authoritarian tendencies. However, in a broader historical context, we can say that the increase in the diversity and complexity of the problems of economic development makes it relevant to the agenda of more active macroeconomic management, including methods of strategic management.

V. Ivanova (FGBU VGNIKI) in her report **Dynamics and Perspectives of Economic Development of Countries and Regions of the East** says that the human factor (the level of morality, competence of people, willingness and ability to work efficiently) has a large impact on the pace and direction of development of modern country. Its role is very different in Asia. The share of expenses on services of public administration in the consolidated budget expenditure in Pakistan 80.4 per cent, compared to in India –56 per cent (2013), and (2012) in China – 9,8 per cent. At the same time, the pace of development of the country is not always proportionate to the management costs. GDP (in national currency; at constant prices) in comparison with the benchmark 2005: in Pakistan – 140 per cent, in India – 192 per cent, in China – 232 per cent. At the same time, there is a direct relationship between the number of individuals enrolled in programs of higher

education in the country, and the growth of the national economy. The number of students in tertiary education per 1000 persons of the population was in 2014 in China. – 31, (in 2005–16), in India in 2013–22 (2005–10), in Pakistan 10 (2005–5).

Choosing the right strategy of development of the country requires a comprehensive knowledge of the formation by the national planner of perspective directions of development of certain industries on the basis of organization of the country, by collecting and discussing information about these areas and various strata of the population. Implementation of the strategic directions for the development of the country requires the understanding and support of the population from these areas, the availability of state resources for these purposes, a certain level of morality and responsibility by the state officials, availability of an effective system of control over the use of public resources, understanding and willingness private investors cooperation, both within the country and abroad.

The growth of the economy, the increase of competitiveness of production on the domestic and international markets can be ensured when the growth of social stratification, political instability and the lack of understanding and support of the people of the country are eliminated or greatly reduced the current political structure, including the system of laws by which the country lives.

The most difficult part in solving these problems is to educate the population to a certain level of morality. Education should be based on national culture, on respect tradition, on understanding of the need to preserve these traditions, to transfer the knowledge and skills from one generation to the others.

V. Nemchinov (Institute of Oriental Studies, RAS) in his presentation **"Oriental Political Economy: Past, Present and Future"** briefly outlines the concepts of socio-economic evolution of the East starting with primordial households, hydraulic conglomerations, despotism, Asian mode of production, proceeding then to center-periphery theories, concepts of dependent, catch-up and leap-frog development. Views of such prominent economists as S. Tulpanov, A. Levkovsky, V. Yashkin, G. Shirokov, A. Petrov and other orientalists laid foundation to the newest concepts of Eurasian political economy, to prospects of regional cooperation and to innovative economic development. Positive scenarios drafting the future are contrasted to dissipatory and negative developments in dual economies, plagued by growth of archaic relations and anti-systemic economic destruction that haunters weak and failed states of the region.

Participants of the conference emphasized that the reports cover important and live issues of economic development of the global East.

*Babenkova S.**

Characteristics and Prospects of Development of «Shadow Economy» of Arab Countries

The issues of «shadow economy» have always been of significant research interest to economists. Among well-known foreign scientists researching «shadow economy» is Friedrich Schneider. Hernando de Soto worked on the terminology and economic essence of this notion and described in details the causes of the evolvement and development of illegal economy in Peru in his book «The Other Path». Currently, there is no single definition to the notion of «shadow economy», as well as the unified methodological database of its volume calculation, the data given on Arab countries are not homogeneous. The methods used for the volume calculation of «shadow economy» have wide enough variety: from «direct» (research method, method of Tax and Financial Audit), to «indirect» (calculation of the difference between official and actual data on the amount of work force, national expenditures and incomes, MIMIC model, etc.), in the calculations applied in the above methods empirical data are used. Latest data on the calculation of «shadow economy» of some Arab countries given in the studies are dated 2005–2006, so, they do not take into account the events of last 10 years that were occurring in the Middle East.

The structure of «shadow economy» in any country is practically the same, including the corrupt component, tax evasion, illegal migration, smuggling highly illegal narcotics and human trafficking. In fact, the reduction of legal production sector, outflows of cash abroad, including money transfers of individuals, fraudulent transactions, can serve as a catalyst for increase in the volume of « shadow economy».

The Arab spring, the military actions in Libya, Yemen, Syria, Iraq negatively influenced the economy of Arab countries, including the Arab Gulf monarchies. The above events have resulted in the increase in the smuggling of drugs and psychotropic substances and the growing volume of illegal labor migration and slave trade. According to Global Slavery Index «2,54 per cent or approximately three quarters of a million people are slaves in the Middle East and in North Africa». According to some reports, income from slave trade was from $US34 billion to $US150 billion. The amount of migration flows has increased due to the Syrian events. According to ILO (International Labor Organization) by the end of 2015 32 million migrants arrived in the Arab Gulf countries, 10 per cent of labor migrants from all over the world are hosted by KSA and the UAE, more than 80 per cent of the population of Qatar and the UAE is labor migrants.

Large volumes of money transfers by migrants, for instance, from such countries as Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar, the UAE, KSA amount to $US100 billion. Concerning corruption in Arab countries it is necessary to mention that the essence of the notion

* Babenkova S. – Ph.D. in Economics, research associate, Centre of Arab and Islamic Researches, e-mail: sbabenkova@ivran.ru

«corruption» is not fixed as strictly in Arab countries as in Western ones. Many «additional» payments, for instance, for starting business are practically legal on the territory of some Arab countries[1], besides, investment codes of Arab countries imply control participation of locals in the work of foreign businesses (civil servants or law enforcement officials and security forces officials often serve as co-owners).

The calculation of the volumes of «shadow economy» in Western countries is often produced by some economists on the amounts of tax payments and revenues. The equivalent figure for Arab countries is not main at the fact that many members of the middle class (in Western economic understanding of this term) perform their activities without using CRE, accounting or other monitoring tools with the help of which it is possible to determine business turnover, and tax base and the level of taxation.

To consider the overall economic situation of some Arab countries, below in Table 1 indicators are given.

- CPI – Corruption Perceptions Index (2015) whose calculation is produced by Transparency International. Evaluation criteria: 0 – the highest rate of corruption perception, 100 – the lowest rate of corruption perception;
- Failed States Index (2015) – the composite indicator describing the ability (and disability) of authorities to control the territorial integrity, and demographic, political and economic situation in the country. Evaluation criteria: 10–30 – reliable, 40–60 – stable, 70–90 – warning, 100–120 – alarming.
- CRP – country risk premium – country risk. The risk that investors face in deciding on the investment in sovereign countries. It reflects economic, financial, political and institutional factors and depends on many political events which can cause significant losses in the cost and quality of investments. According to the country risk assessment map PwC (2016), all countries of the Middle East have «very high» rate of country risk, except the Persian Gulf countries, as they have «very low» rate of country risk. Tunisia, Jordan and Morocco also have «high» rate of country risk.

Table 1

Summary on the Countries in the Middle East (Corruption Perceptions Index, Failed States Index, Country Risk, Volume of «Shadow Economy»)

Countries	CPI (100)	Country risk premium	Failed States Index (FSI)	Volume of "Shadow Economy" (per cent) (2007/2015)[2]
1	2	3	4	5
Qatar	71	0,77 Per cent	50	18,4/20
UAE	70	0,77 Per cent	50	23,5/20

[1] For instance, additional «tax or payment» paid in a lump sum to an owner of buildings by a tenant in Jordan

[2] Data for the period of 2011-2015 from unofficial sources. It is necessary to mention that data on some Persian Gulf countries are absent, but it would be useful to assume that they will equal to 20%. Data for 2007 (except Qatar, the UAE, Bahrain, Kuwait, Oman - data for 2005) from the study by Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423 - IZA DP - March 2012. – Available from: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf.

Countries	CPI (100)	Country risk premium	Failed States Index (FSI)	Volume of "Shadow Economy" (per cent) (2007/2015)[2]
1	2	3	4	5
Jordan	53	6,95 Per cent	80	17,2/44
KSA	52	0,93 Per cent	50	16,8/20
Bahrain	51	3,40 Per cent	50	17,1/20
Kuwait	49	0,77 Per cent	50	17,9/20
Oman	45	1,09 Per cent	50	17,6/20
Tunisia	38	5,56 Per cent	80	35,4/50
Egypt	36	10,05 Per cent	90	33,1/60
Morocco	36	3,86 Per cent	80	33,1/44
Algeria	36	-	80	31,2/60
Lebanon	28	8,50 Per cent	90	32/20–25
Iraq	16	-	110	-/67
Libya	16	-	100	30,9/30–40
Syria	18	-	110	18,5/80
Yemen	18	-	110	26,8/60–80

Prospects of development of «shadow economy» in Arab countries are dependent from the development of the political situation in Syria. The Syrian conflict is geographically local, but economically it is international or global. ISIS operating in the territory of Syria and Iraq (*terrorist organization prohibited in Russian Federation*) is a living example of «shadow economy» which has a negative impact on the activities of countries MENA. Besides ending of the armed conflicts, reduction of illegal human, financial flows, drug trafficking, etc., one of the factors of decreasing of the volume of «shadow economy» is the formation of the middle class in Arab countries (small and medium-sized businesses) which will grow through the action of authorities in financial, tax and social policies. The state must work for people, and not for the enrichment of bureaucracy; according to Sheikh Zayed bin Sultan Al Nahayan: «No governor can be happy when their people are poor and unhappy».

References:

1. Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423 – IZA DP – March 2012. – Available from: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf.
2. Sharon Buchbinder. Sex, Lies and Crime: Human Trafficking in the Middle East. The Islamic Monthly – 27 April 2015 – Available from: http://theislamicmonthly.com/sex-lies-and-crime-human-trafficking-in-the-middle-east/.

3. Labor Migration – International Labor Migration – 2015 – Available from: http://www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/lang – en/index.htm.
4. Transparency International Russia. The center of Anti-Corruption researches and initiatives – 2016- Available from: https://www.transparency.org/.
5. Country risk premia quarterly update – PwC –2016- Available from: http://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/country-risk-premia-quarterly-update.html.
6. S. Babenkova. «Shadow Economy» in the countries of the Middle East: causes, risks, consequences// – Moscow: Nauka i obrazovaniye publ., 2016, ed. XLVIII, pp 7–36.
7. A. Filonik. IS: from frenzy to economy collapse – Moscow: RSMD publ., 2017. – Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8639#top-content.

*Gukasian G.L.**

The Strategies of Economic Development of the Gulf Co-operation Council Member States

The strategies of economic development of the GCC states give an example for investigation of prospects for progressive transformation of an oil-based economy. As far as GCC states entered in 1960-es the world market as strategic oil powers the main engine of large-scale economic modernization was financing of different economic and social programs by petrodollars and preservation of huge state economic sector.

Economic model mentioned above was successful for GCC states in 1960–2000-es, and it was confirmed by many economic indicators. For example, the combined GDP of GCC states grew up to 1,6 bn. dollars ($), Saudi Arabia entered the group of world 20 largest economies. However, first sharp collapse of oil prices in the middle of 1980s caused big difficulties for GCC because state financing of a wide range of economic sectors was postponed and GCC states experienced deficits of budgets and balances of payments.

GCC growth rates in such circumstances declined, as GDP growth is linked to the GCC oil revenues. At the same time economic needs were financed from GCC government foreign currency reserves, while new surge up of oil prices was expected. So, anti-crisis policy was based on state finance. We must say that GCC states have a solid baggage of financial stability. Oil revenues per capita in GCC are high, according to estimation made in 2014 it was 7900 dollars in Saudi Arabia, 9435 in UAE, 25362 in Kuwait, 361013 in Qatar, while in Algeria it was only 1326 dollars and in average 2514 in the OPEC states [5][1].

In early 1990s GCC states began to discuss the problem of reduction of the expenses and subsidies, but measures of financial reform were stated as urgent only after slumps of oil prices in 2008 and 2014. However, GCC states are not alike in the context of financial stability: Qatar and Kuwait are in most favorable financial position, having small population and big oil revenues, and Oman, Bahrain, Saudi Arabia and partly UAE have less favorable financial position.

Shale oil revolution and 2014 oil prices slump forces all oil-based economies to begin wide restructuring. As regards GCC, there are some stages of GCC economic strategies evolution.

Since 1970s:

- building of modern industrially developed economy on the basis of oil and gas industry, petrochemicals and other economic sectors through the leading role of state sector and state financing, and governmental support of private sector;
- building of the society with high level of well-being;

* Gukasian G.L. – PhD (economics) senior researcher, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, gukasyan.gurgen@yandex.ru

[1] In current prices

– decreasing of oil GDP in total GDP;
– in the foreign economic strategy: conservation GCC states role as stable suppliers of oil to the world market; investing into economic projects abroad and conservation of big foreign currency reserves.

Since 1990s and early 2000s:
– transformation of GCC national economies into leading in the world according to easiness of doing business and investments indicators;
– beginning of the creation of innovative economy.

In 2009–2014:
– tumbling to the measures of economy and reducing of state financial subsidies, including communal and energy subsidies;
– implementation and development of new sources of state incomes through taxes, tariffs and charges;
– widening of privatization (including partly privatization in the largest state company Saudi Aramco).

Amongst macroeconomic indicators of the GCC states in the course of strategies aimed at creation of industrially developed economy we can emphasize high share of capital expenditures. It is seen on the example of Saudi Arabia, UAE, Qatar in comparison to such oil-exporting countries as Algeria, Nigeria, Russia (Tables 1 and 2 below).

Table 1

Capital expenditures in some oil-exporting states

	Capital expenditures				
	Per cent in total expenditures		Per cent in GDP		real growth in 2003–2008
	2003	2008	2003	2008	(Per cent)
Algeria	37,1	40,5	10,9	11,5	104,5
Nigeria	16,6	33,3	3,1	4,4	145,5
Russia	13,1	14,7	4,6	5,0	109,7
Saudi Arabia	14,4	25,9	4,8	6,9	195,1

For 2008 data according to IMF. Source: Occasional Paper Series. European Central Bank. – June 2009. – № 104. – p. 26.

Table 2

Capital expenditures in Saudi Arabia, UAE, Qatar and Algeria in 2010–2012

	GDP in 2012, bn.$,	Total expenditures in 2012, bn.$,.	Capital expenditures*						
			Bn. $		per cent of total expenditures		per cent of GDP		Growth of capital expenditures per cent
			2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010–12 гг.
Algeria	206395	92455	24299	28807	40,4	31	15	14	118,5
Saudi Arabia	711049	232881	53024	69781	30,4	30	10,1	9,8	131,6

	GDP in 2012, bn.$,	Total expenditures in 2012, bn.$,.	Capital expenditures*						
			Bn. $		per cent of total expenditures		per cent of GDP		Growth of capital expenditures per cent
			2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010–12 гг.
UAE	383799	113127	18530	22625	20,4	20	6,4	5,9	122,1
Qatar	192402	57336	12155	14621	26,7	25,5	9,7	7,6	120,2

*government finance. Calculated by the author by data of Joint Arab Economic Report 2013, pp. 49, 112. [1, p. 24]

Lower share of capital expenditures in Saudi Arabia, UAE, Qatar than in Algeria can be explained by type of consumer model of society in GCC.

Achievements of Arabian monarchies in the field of creation of modern economic infrastructure and real estate still did not led to stable growth in non-oil economic sectors. It is confirmed by data of the Institute of International Finance on Saudi Arabia, which show that elasticity between state expenditures and non-oil economic sectors growth rate is very high: 0,42 for the period of 1992–2013 [4, p. 6].

Although GCC states increased manufacturing value added, which is exclusively important for their economic diversification (Table 3 on Saudi Arabia and UAE), its share in GDP of GCC states could not exceed 9–10 per cent.

Table 3

Manufacturing value added in GCC states on the example of Saudi Arabia and UAE (bn. $, current prices)

	1970	1980	1990	2000	2010	2014
Saudi Arabia	443	6737	10049	18210	58178	81019
UAE	n.a.	1625	3799	9465	25744	36030

Source: [7; 8]

Without enumeration of tasks of GCC states economic strategies, we may address to an example, reflected in one of projects of such strategy for Abu Dhabi, which is based on Porter's 4-phase model of economic development. For Abu Dhabi on the first phase of development the economy may be driven by factors of production, but in combination with driven forces of the fourth phase (prosperity and wealth). Such combination may help to Abu Dhabi oil-based economy to pass in shorter time second and third phases of development (investment-driven and innovation-driven phases) [11, p. 14.]

However in GCC such model of growth is far from implementation due to the problems, stated above. Besides this, oil revenues still give major share of state revenues. For instance, according to 2014 estimation, oil revenues share in Saudi Arabia budget incomes was 91,7 per cent (and share of oil in GDP was 48 per cent); and 94,5 per cent in Kuwait budget incomes (share of oil in Kuwait

GDP was 55,1 per cent); not less than 80 per cent in UAE budget incomes (share of oil in UAE GDP was about 31,6 per cent). In Qatar and Oman oil revenues share in state budget incomes was 52 per cent and 44 per cent, respectively, (but Qatar and Oman show gas revenues separately from oil) [9, c. 54].

It is important, that in spite of well-known beginnings of GCC states in pilot project on creation of innovative sectors and science and technology cities (as Dubai Internet City, Masdar City in Abu-Dhabi) the level of student's achievements in mathematics and other sciences is lower, than in many other developing countries, according to world rankings. Average world indicator was 451 points (2007), and its highest level was in Taipei (China), but for Oman it was 372, for Kuwait 354, for Saudi Arabia329, for Qatar 307. And this indicator was higher in Arab states with lower income, than in GCC states: 391 in Egypt, 395 in Syria, 420 in Tunisia, 427 in Jordan.

Such situation in GCC was confirmed by questioning of leaders of commercial companies in 2010–2011 about working force qualification: in GCC insufficient working force qualification was noted by 14,4 per cent of questioned, but in other oil-exporting countries, including such as Venezuela – only 8,6 per cent and in OECD – 6,2 per cent [13, p. 75].

Measures of upgrading of the competitiveness of GCC economies still did not led to breakthrough in economic diversifications, in spite of such achievements as UAE ranking amongst top 10 world countries with the best conditions for doing business and with highest effectiveness in finance governing and entering by Saudi Arabia in 2012–2013 the group of 20 top states in the Global Competitiveness Index.

According to McKinsey Global Institute research center estimation of contribution into economic growth main economic sectors in Saudi Arabia in 2000–2010, the contribution of non-oil private sector was 37 per cent, the contribution of the oil sector was 49 per cent and of non-oil state sector was 14 per cent. Also interesting is a forecast of investment needs of the kingdom. Total investment needs were 768 bn.$ for 2006–2010, 934 bn.$ for 2011–2015, 900 bn.$ for 2016–2020 and 1300 bn.$ for 2021–2025. Share of investment expenses of government for the same periods was estimated (respectively) at 41 per cent, 51 per cent, 81 per cent and 43 per cent. The highest share of governmental investment expenses for 2016–2020 is explained by the strategy of preparation to shift the center of gravity in economic development from government to the private sector [14, c. 21].

Since 2014 GCC states strategies are under pressure of oil prices slump. So, although the budget project in Saudi Arabia for 2014 did not change share of capital and current expenditures, the cutting of expenses was huge: only for infrastructure and transport expenses were cut by 63 per cent to 6,4 bn.$. [12].

These problems influenced the Saudi growth rates: GDP in 1 quarter of 2016 grew only by 1,5 per cent (the lowest for the 1 quarter for 5 year period). Moreover, oil sector grew by 5 per cent, but non-oil fell by 0,7 per cent [2]. In Abu-Dhabi since 2014 were fixed large losses of foreign assets and government had to issue state debt instruments for 40 bn. of AED (11 bn.$) to compensate budget

deficit in 2016, and additional 69 bn. AED for 2017. In 2016 government expenditures in UAE were cut by 5 per cent, for 2017 – by additional 6,5 per cent [3].

We can state, that Arabian monarchies, certainly, would change their economic strategies towards economic system with generally accepted in the world features (taxes, charges, selective approach to subsidies, market principles in public facilities and employment, privatization). Such changes may be as serious as transition to market in former USSR or East Europe. The dynamics of this process can be hampered only by oil prices increase and fears of social unrest. Requirements for changes have been announced. For example, one of the authors of Saudi Arabia new Transformation Plan “Saudi Vision 2030” prince Muhammad Salman al-Saud demands to rise non-oil government revenues from 163 bn. of Saudi riyals to 1 trillion and rise the private sector contribution to GDP from 40 to 65 per cent, rise share of non-oil export in non-oil part of Saudi GDP from 16 per cent to 50 per cent. Also the reform of state subsidies will be undertaken to receive additional income of 30 bn.$, and introduction of value added tax must give 10 bn.$ of income [15].

In financially stable Kuwait at the beginning of 2015 emir announced that subsidy reform is urgent [10].

References:

1. Gukasian G. L. Economic Transformation in the Cooperation Council of Arab Gulf States: Problems and Prospects. A Monography – Kazan.: Kazan University, 2016.
2. A bunch of ugly warning signs are bubbling up in Saudi Arabia. Business Insider. July. 12, 2016. [Electronic Resource]. URL.: http://www.businessinsider.com/saudi-arabia-non-oil-private-sector-growth-2016-7 (28.07.2016)
3. Abu Dhabi to Take Billions From ADIA for Debt, Fitch Says. Bloomberg. 2.02.2016. [Electronic Resource]. URL.: http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-02/abu-dhabi-to-siphon-billions-from-adia-for-debt-fitch-predicts (22.07.2016)
4. GCC: Strong Diversified Growth, Limited Risks. – Institute of International Finance Regional Overview. May 2014.
5. OPEC Revenues Fact Sheet. – U.S. EIA. March 2015.
6. Occasional Paper Series. European Central Bank. //June 2009, № 104.
7. Saudi Arabia Manufacturing, value added. [Electronic Resource]. URL.: http://www.indexmundi.com/facts/saudi-arabia/manufacturing (22.07.2016)

8. UAE Manufacturing, value added. [Electronic Resource]. URL.: http://www.indexmundi.com/facts/united-arab-emirates/manufacturing (22.07.2016)
9. KAMCO Investment Research. GCC Economic Report. – Kuwait, October 2015.
10. Kuwaiti Emir: Subsidy Has to Stop, Utility and Fuel Rates to Be Raised. // Gulf News. 21.01.2016. [Electronic Resource]. URL.: http://gulfnews.com/news/gulf/kuwait/kuwaiti-emir-subsidy-has-to-stop-utility-and-fuel-rates-to-be-raised-1.1657391
11. Low Linda. Abu Dhabi's Vision 2030. An Ongoing Journey of Economic Development. – World Scientific, 2012. P. 14.))
12. Public Finance Saudi Arabia: 2016 budget targets spending cuts, subsidy reforms and non-oil sector investment. Al-Nakib O. Economic Update. – National Bank of Kuwait.14 January 2016.
13. Rethinking Economic Growth: Towards Productive and Inclusive Arab Societies. – ILO Regional Office for the Arab States. UNDP Regional Bureau for the Arab States. International Labor Organization. 2012.
14. Saudi Arabia beyond Oil: The Investment and Productivity Transformation Al-Kibsi G., Woetzel J., Isherwood T., Khan J., Mischke J., Noura H. – McKinsey Global Institute. Copyright © McKinsey & Company. December 2015.
15. Vision 2030 – General Expectations. Today's Plan Tomorrow's Promise. //Saudi Gazette. May 19, 2016. [Электронный ресурс]. URL.: http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/saudi-vision-2030/vision-2030-general-expectations/

Kamenev S.N.

Economic Development of Pakistan: Evolution Factors

Assessing the current status of Pakistan's economy, one should take into account a number of internal and external factors that determine the development of the national economy. We should take into consideration the demographic potential of Pakistan, the geopolitical position of the country at the junction of the regions of South Asia and Central Asia, Southeast Asia, the proximity of the Middle East to its oil-producing states, the level of military expenditures etc. At last one must take into account the nuclear potential of Pakistan and its strained relations with India, as well as the substantial costs of combating terrorism both within the country and in the fight against external terrorism.

The economy of Pakistan in the last 5 years (2012–2017) is developing at a relatively stable rate – at 4.2 per cent per year on average. While the commodity producing sector of the economy showed mixed dynamics so as the growth of agricultural production fluctuated at the level of 2.3 per cent in average, and of the industrial sectors in the range of 4 per cent. So, the above-mentioned average annual growth rates for 5 years was mainly provided by expanding the services sectors (almost 6 per cent per year), which is the main absorbent of Pakistan's rapidly growing population. Population Census in May 2017 the total popupulation was 208 millions.

In accordance with National Accounts statistics of national accounts, agriculture unites crops, livestock (it provides 60 per cent of the contribution to the total agricultural added value), forestry and fisheries and provides about 20 per cent of GDP. The industry covers mining & quarrying, manufacturing, construction, electricity generation & distribution & gas distt. – its general contribution to GDP is also about 20 per cent. The services sectors (60 per cent of GDP) includes wholesale & retail trade, transport, storage and communication, finance & insurance, housing services (ownership of dwellings), general government services and some other private services.

Table 1

Main macroeconomic data of selective countries of the world in 2016.

Country	Population as per 1.01.2017 (million)	Per capita income (US$)	GDP growth rates (per cent)	GDP, (billion US$)
USA	325	57220	2.5	18558
China	1340	8240	6.5	11383
Japan	127	34871	1.0	4428
India	1330	1710	6.6	2289
Russia	146	7742	-0.5	1133

Country	Population as per 1.01.2017 (million)	Per capita income (US$)	GDP growth rates (per cent)	GDP, (billion US$)
Pakistan	208	1462	5.3	304
Bangladesh	164	1401	6.6	229
Sri Lanka	21	3990	6.4	85
Nepal	29	761	3.8	22
Maldives	0.4	9281	3.9	4

As above data shows, the main countries of South Asia showed quite high economic growth rates in 2016, i.e. India, Bangladesh, Pakistan, Sri Lanka at the level of 5–6 per cent. Even in Nepal, relatively stable growth rates have been achieved at the level of 4 per cent.

Probably the growth rates of Pakistan could be overestimated to some extent by official statistics (with the aim to show the state of the economy in pink tones), but most likely it is insignificant. According to experts from the World Bank and IMF working on a permanent basis in Pakistan, the main macroeconomic indicators published by the government of Pakistan correspond largely to the true state of affairs in the country's economy. Moreover, the IMF team of experts conducts a detailed monitoring of the state of the economy twice a year to determine the possibility of providing economic assistance to Pakistan. In 2016, the three-year term for the IMF tranche of Pakistan for a total sum of $6.4 billion expired, and Pakistan again appealed to this international body for another loans.

Three major obstacles stand in the way of accelerating Pakistan's economic development.

The first and the main problem is the acute shortage of electricity for both the normal functioning of all industrial and commercial enterprises and for normal life of the people (in view of the daily loadshedding for 4–8 hours, and sometimes for 10–12 hours). According to the Federal Ministry for Water and Power, the current power generation, as of April this year, from all sources, was 12.6 thousand MW against a demand of 17.1 thousand MW. It means that electricity shortfall soars past 4.5 thousand MW.

Nawaz Sharif, having won elections in 2013, promised to fundamentally solve this challenge by 2018, realizing that if the promise is not fulfilled, he will lose his votes in the general elections in 2018. The energy problem is solved by construction new ones and modernizing the existing Hydro and Thermal power stations and nuclear power plants. This is done with substantial financial assistance from the ADB, the IMF, and the World Bank. The renewable sources of energy such as wind and solar are used to an insignificant extent. As far as CASA-1000 and TAPI pipeline are concerned I am considering them as semi-fantastic projects due to the poor political situation in Afghanistan.

The second problem is the extremely low level of tax collection, massive evasion from direct taxation and, as a consequence, an acute shortage of funds

to cover the growing costs of servicing domestic and foreign debt (external debt is 80 billion dollars), military expenditures and economic development. The overall tax-to-GDP ratio in Pakistan is one of the lowest in the world – 10 per cent, the task is to increase this parameter by 2018 to 13 per cent. It should be noted that the relatively small budget deficit shown above is not so much related to the balance of the budget itself as to the objective impossibility to increase its expenditure part due to difficulties with increasing its revenue side.

The third problem is the high growth in expenditures on combating terrorism and extremism. According to the assessments of Pakistani experts, about $3 billion is spent directly for these purposes each year (some part of which is compensated by the Coalition Support Fund operating in the US). According to the Finance Minister Ishaq Dar, the country's total losses due to terrorist attacks (direct and indirect, including losses due to the reluctance of national and especially foreign investors to invest in the Pakistani economy) amounted to $9.2 billion in 2015, $5.6 billion in 2016 and $118 billion totally since 2001.

In addition, the wide red-tape of the governance and the corruption, as well as incomplete implementation of the privatization program are a deterrent to economic growth. Although Pakistan is gradually improving its Corruption Perceptions Index, according to Transparency International the country was ranked 144 in 2005, 134 in 2011 and 116 in 2016, but nevertheless, so far this negative factor significantly impedes the development of Pakistan economy.

Three main factors allow Pakistan to remain "afloat" in economics and to some extent in politics are significant foreign aid and Workers' remittances. And the third positive point is China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) as well.

Pakistan gets external assistance from leading international financial organizations (International Monetary Fund, World Bank, Asian Development Bank, Islamic Development Bank etc.) as well as on a bilateral basis (mainly from Muslim oil-producing countries, China, some EU countries, USA). According to Pakistani experts, in 2013-March 2017 Pakistan received aid in various forms for a huge amount of $26 billion. Of these, $6.4 billion was provided by the IMF, $4.5bn bonds from the international capital market, the World Bank provided $4.4 billion, Islamic Development Bank – $2.7 billion, Asian Development Bank – $2.4 billion and China – about $3 billion.

Remittances have been growing annually and amounted to $19 billion in 2016 (which is almost equal to Pakistan's export). Most of them received from Muslim oil-producing countries, primarily from Saudi Arabia (30 per cent of total remittances) and the UAE (22 per cent). The importance of the migration of part of Pakistani population to the Arab countries, as well as to Europe and North America, is also determined by the social factor. This is the way to reduce unemployment and underemployment in Pakistan (now an official unemployment is 6 per cent of labor force), and the way to avoid the possibility of a social disturbances due to a partial outflow of the unemployed part of the country's population abroad.

An important factor of Pakistan economic growth will be the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), created within the framework of New Silk Road. It will connect the Gwadar port with the Chinese city of Kashgar in the Xinjiang Uygur Autonomous Region and will combine a network of roads and railways with oil and gas pipelines and a powerful energy system. It will include also several Free Economic Zones. Initially, the total cost of the project was estimated at $46 billion during the visit of Chairman of China Xi Jinping in April 2015 in Pakistan, then this sum increased to $55 billion, and in April 2017 it increased to a huge amount of $62 billion.

To improve the energy situation in Pakistan only Chinese companies will be investing $35 billion in 19 power projects which will generate more than 12 thousand MW of electricity under the CPEC. The total length of the corridor is 2400 km with branches of highways to the main cities of the country – Karachi, Islamabad, Lahore, etc., and it will directly pass through Quetta. As a result, the total length of the CPEC will be approximately 3500 km.

According to Chinese experts, the completion of the CPEC project will increase GDP growth by 3 per cent (up to 8 per cent), but I believe that the additional growth rate will not exceed 1 per cent, not 3 per cent. Now the modernization of Gwadar port, which is in lease by China Overseas Ports Holding Company. is coming to the end. Gwadar port has been already turned into a powerful modern deep-water port with a turnover of over 1 million tons. In the long-term perspective it is planned to increase the turnover up to 300 million tons. The expansion of the high-mountain Karakorum Highway, the construction of Lahore-Karachi Motorway, Sukkur-Lahore highway, a number of hydro and thermal power stations, wind and solar stations have already begun.

Army Chief General Qamar Bajwa declared about 15 thousand newly-created Special Security Division, charged with the security of Chinese personnel on CPEC and projects throughout the country. The Division consists of nine army battalions (9.2 thousand personnel) and six civil armed forces wings (4.5 thousand personnel), which have been raised at a cost of over Rs5 billion.

And, of course, Pakistan’s trade with China, which already amounts to $18 billion, will actually increase. Moreover, the modernization of the Gwadar port will facilitate and expand trade directly between Pakistan and Muslim oil-producing countries, as well as with the countries of European Union and North America. And it will make possible to reduce the constantly growing negative trade balance that reached $35 billion in 2017.

*Kandalintsev V.G.**

Investment climate as a tool to attract FDI in the countries of the East: opportunities and constraints

I. Investment climate as the first stage of the investment process

The investment climate can be regarded as the first stage of the investment process in which the overall investment attractiveness of the host country is formed. In brief, the tasks of these stages are:

1. *The creation of a favorable investment climate in the host country.* The government can improve the legislation and administrative procedures in the interests of the investment process; it can also directly participate in the projects. For strategic projects with participation of large investors, "setting" legislation and state involvement are often important in the interests of a particular strategic project. For smaller and more numerous projects, improving overall business environment in the host country is significant.
2. *The nomination of promising project ideas*. In the difficult conditions of developing countries, it is important that the initiators of the projects focus on the most promising ideas. Such ideas should take into account the profitability and risks, issues of employment, the lengthening of value chains, and other factors that contribute to socio-economic development.
3. *The search for investors.* Competition for attracting investment is noticeable in developing countries. Therefore, at national level, the infrastructure for search of investors, including information resources and a network of confidential contacts, is necessary.
4. *The provision of finance and technology*. At this stage, it is important for developing countries to ensure that investors not only fund projects but would also ensure the transfer of necessary technology.
5. *Projects development.* Consultants involved in projects development need a more thorough approach to projects risk assessment, as well as to strive for more complex projects.
6. *The implementation of the projects*. For project teams the task of keeping the quality, timing and budgets of projects is actual. Improving the training of team members, introduction of modern standards of project management can greatly assist in this regard.
7. *Production activity of the enterprise*. Completion of the investment project means the emergence of continuously working enterprise. The effect of the investments made will increase, if the strategy of companies includes social and environmental issues.

* Kandalintsev V.G. – senior researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Economic research Department, e-mail: blisvet2011@yandex.ru

Generally speaking, the investment climate is the “launching” stage of the investment process. This stage becomes crucial in periods of favorable world market when it is the investment climate, not the crisis shocks control the movement of FDI.

II. The impact of investment climate on the attractiveness of investing in host countries

The investment climate has a significant impact on foreign direct investment (FDI) in host countries. To evaluate the investment climate an index consisting of ten components is further applied. Improving each of these components significantly affects the attractiveness of investing:

1. *The growing size of the market* reduces the cost due to economies of scale, allows for a more flexible strategy due to the greater segmentation of the market.
2. *The increased openness of the economy* expands the number of sectors and industries open to FDI, reduces the ceiling on foreign participation in equity.
3. *Infrastructure development* allows to reduce production costs and to increase production capacity, connects markets and spheres of economic activities, and improves access to facilities and buildings.
4. *Improving the quality of labor* allows us to implement technologically complex projects to improve the quality of the products.
5. *Maintaining the relatively low costs of labor* creates benefits in price competition.
6. *The strengthening of investment protection* – stimulates the growth of FDI and transfer of technology.
7. *Risk mitigation* involves the investment of risk-sensitive investors.
8. *The development of financial markets* expands the possibilities for financing projects through the national banking system and stock markets.
9. *Reducing the tax burden* increases the profit after tax and expands the possibilities of reinvestment and profit distribution depending on the priorities of investors.
10. *Improving the quality of the regulatory environment* reduces the time and cost of establishing a fully functioning enterprise.

These components are most significant from the point of view of investment attractiveness of host countries. The development of these components is the priority task of the state bodies on foreign investment.

III. The index of investment climate and FDI inflow in the East countries

Data on the index of investment climate allow us to judge its relationship with some parameters of FDI inflows in the countries of the East (see Table 1). In this respect, we can distinguish three groups of countries.

Table 1

The index of investment climate and FDI inflow in the East countries

Country	The index of investment climate 2016, points (0–10)	The FDI inflow per capita in 2014, USD	The share of FDI inflow in GDP in 2014, per cent	The FDI inflow in 2014, billion USD.
1. Singapore	8,07	12199	14,9	67,5
2. Malaysia	7,71	350	1,4	10,8
3. South Korea	7,36	192	0,6	9,9
4. Thailand	7,32	193	1,2	12,6
5. UAE	7,26	1086	1,6	10,1
6. Turkey	7,17	156	0,8	12,1
7. Israel	7,15	760	2,4	6,4
8. India	7,06	27	0,5	34,4
9. Indonesia	6,99	87	0,8	22,6
10. China	6,85	94	0,7	128,5

Source: calculation by the author based on [1–7], and data from the UN Conference on trade and development (UNCTAD), and the World Bank.

1. Countries with small territory and population. These countries generally have a more favorable and balanced investment climate (located in the top half of the table of index of investment climate), a greater intensity of FDI inflows (per capita) and a greater role of FDI in the national economy (measured by the share of FDI in GDP). The most obvious example is Singapore. The island state has the highest index of investment climate. Only in two positions, market size, and the amount spent on wages, Singapore is not the dominant one, and the other eight indicators of the investment climate are on the first place among the ten countries considered. By a large margin Singapore ahead of other countries in terms of value of FDI per capita (more than 12 thousand USD) and the share of FDI in GDP (almost 15 per cent). Less pronounced, but still quite evident is the situation in small States like the UAE and Israel.

2. Large countries have a lower index of investment climate and inflows of FDI per capita and a lower share of FDI in GDP. Obvious objective factors produce pressure on the index of investment climate and FDI inflows per capita in these countries. For example, large distances increase the cost of building the necessary infrastructure and agrarian overpopulation reduces the inflow of FDI per capita. It is also more difficult in the countries of this group to determine the balance between openness and the development of national industries, between the tax incentives and budgetary needs. Therefore, in China, despite significant efforts to increase the openness of the economy the level of restrictions on FDI remains one of the highest in the world and India in 2014 increased the corporate tax rate from 32.45 per cent to 33.99 per cent. Overall, three countries of the group (China, India, Indonesia) have similar characteristics of the index of investment climate and FDI inflows.

3. Countries of the intermediate group – Malaysia, South Korea, Thailand and Turkey. These countries are characterized by a higher index of investment climate and higher FDI per capita than countries of the second group. While Malaysia has moved in the direction of the first group, as its population is the smallest in the intermediate (third group) and index of investment climate and indicators of per capita FDI inflows and FDI share in GDP are the highest.

Despite the fact that the data above sufficiently indicate the existence of a relationship between investment climate and FDI inflows, this relationship appears not at once, but over a number of years. Evaluating it needs cautiousness. The fact is that the dynamic of FDI in different countries is uneven, in some years (different in different countries) happen sharp dips in the inflow, and then damped periods of accelerated recovery. Therefore, fluctuations in FDI inflows are significant, and comparing them in different countries in a given year does not always leads to objectively valid conclusions.

On the other hand, the improvement of the investment climate is not quick, except for the initial periods of reform, when the low base effect triggers. There is no doubt that there is a lag between the improvement of the investment climate and increase in FDI inflows, so the higher index of the investment climate only in several years leads to increased FDI inflows. All this suggests that although the investment climate is one of the most important tools of modernization of national economy, its application is effective when there is a strategy to attract FDI, calculated for a number of years to come.

References:

1. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. – Geneva, World Economic Forum, 2015.
2. Data on the index of regulatory restrictions to FDI. [Web resource]. URL: http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm (07.01.2017).
3. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. – Geneva, World Economic Forum, 2015.
4. The Human Capital Report 2015. World Economic Forum, 2015.
5. Data on average wages in the countries of the world. [Web resource]. URL: http://www.statista.com/statistics/226956/average-world-wages-in-purchasing-power-parity-dollars (07.01.2017).
6. Global Competiveness Report 2015–2016 / Ed. by Klaus Schwab. – Geneva, World Economic Forum, 2015.
7. Data on the index of political risk in countries around the world. [Web resource]. URL: https://www.prsgroup.com/category/risk-index (07.01.2017).

Matyunina L.Kh.

Exchange Rate Regime: Choice and Challenges

An important feature of the present-day economic development is high capital mobility. It is difficult to imagine any aspect of economic development in contemporary world, which is not under the influence of this factor to a greater or lesser degree. This is especially obvious for developing economies (DE).

At the same time international capital flow is greatly affected by the decisions made by financial authorities of the leading developed economies and the USA in the first place. There is one more confirmation of this fact within the "financial global cycle" concept, which has been recently formulated on the basis of the stable positive correlation discovered between the capital flows and changes in monetary policy (MP) of developed economies.

Monetary policy of the advanced industrial economies (AIE), which has been of "non-conventional" nature for a long time and may lead to unpredictable consequences, influences the capital flows affecting the level of debt burden of the largest international banks, interest rate and, through them, the intensity of the crediting process in the international financial system. (Rey, 2014). As a result in conditions of the increased degree of interdependence of economies this is the state and performance of the international financial market which exert the increasing influence on the central banks of developed and developing economies by elaboration of reference points for the domestic monetary policy.

What the economic theory has to offer to the developing economies as preferable exchange rate regime (ERR) and monetary policy (MP) in the current conditions? The answers to these questions are very important as currency channel is vital for transfer of external shocks to DE national economy and due to the fact that MP in combination with the exchange rate (ER) is often on the forward defence line in the opposition to external and internal shocks.

Theoretical justification of ERR choice in conditions of the capital mobility is a well-known trilemma suggesting the selection of two of three parameters: independent, focused on objectives of MP internal development, floating rate and open capital markets; or fixed rate, free capital flow and lack of independent MP.

Hong-Kong and Singapore are the examples of successful implementation of the second variant of the trilemma. However, these are small economies with the financial market development level being much higher than average level in DE, with well-balanced macroeconomic policy, developed institutions.

As an alternative in the current conditions of DE the floating rate and inflation targeting (IT) are recommended. Flotation in combination with IT gained currency worldwide in the 90s of the past century. Before the global financial crisis this policy was considered the "gold standard" of MP. Nowadays among 35 countries, which officially use IT, 24 are developing economies. Thus, DEs are exploring the practice more actively than AIE. Transmission to flotation in DE came into

particular prominence after the Asian crisis in late 90s, although several countries returned to the policy of the controlled exchange rate after 2008.

At present, the experience of DE in IT in combination with floating exchange rate is being actively studied and compared.

In this regard, several problems have been defined: 1. the problem of IT efficiency taking account of DE peculiarities. These often include the development level and degree of integration of domestic financial markets, de facto independence of central banks, which is in many cases insufficient, fiscal domination especially in conditions of unfavourable trends in economy; structural features of inflation in the countries with emerging markets; 2. "Price stability and economic growth" problem. Price stability, which is to a significant extent a primary concern of the targeted inflation monetary policy, cannot ensure the long-term growth even if CB measures are efficient; long period of stable prices and low interest rates in developed economies resulted, among others, in the global crisis; 3. Some economists put in question the possibility for developing economies to conduct an autonomous monetary policy in conditions of high sensitivity of developing economies to the global financial cycle.

According to a number of undertaken studies, some authors concluded that in current environment the trilemma turned into dilemma: DE may choose an open capital market and strong dependence on the global financial cycle, or the capital control to allow for any independent monetary policy at all focused on domestic development. What efforts may DEs take in these circumstances? Should DE choose the capital control? This is a difficult decision. Despite the fact that since recently IMF is admitting the introduction of capital control as means of protection from excessive volatility of capital flows, it always points out the lack of efficiency and negative indirect consequences thereof. Other measures taken by DEs to be able to maintain certain independence in the domestic policy are currency interventions and macroprudential regulation, both in countries with fixed and floating rates.

The problem of choice of the most effective ERR and MP is important not only for the DE but for stability of the whole global financial system (GFS) as DE's role in the global economy, trade, financial flows is increasing. For that reason, several DEs advanced the idea that the USA should pursue the monetary policy with consideration for their influence on international capital flows (Rajan, 2014). The idea of international coordination of the monetary policy, elaboration of some new principles of operation of the international monetary and financial system, which would match the open capital market better than modern one, is winning recognition. Establishment of that system may start with development of regulations for monetary policy in different countries, including inflation targeting in DEs (Walker, 2014).

References:

1. Guillaume Plantin and Hyun Song Shin Exchange rates and monetary spillovers, BIS, WP 537 January 2016.
2. Raghuram. Rajan Competitive Monetary Easing: Is it yesterday once more? 2014 www.rbi.org.in
3. Rey, Helene (2014) "Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence," presented at the August 2014 Jackson Hole Conference of the Kansas City Federal Reserve Bank.
4. Volcker, Paul A. (2014), "Remarks," Bretton Woods Committee Annual Meeting, June 17 http://www.brettonwoods.org/sites/default/files/publications/Paul%20 Volcker%20final%

*Meliantsev V.A.**

An Assessment of Economic and Social Progress of the Least Developed Countries

During the last two to three decades a number of developing countries (DCs), including such large ones as the PRC and India have succeeded in increasing markedly their rates of economic growth. As a result, by (minimal) criterion, applied by the World Bank and the United Nations[1], the share of people living in extreme poverty has contracted more than three times to less than 1/10. But in the least developed countries (LDCs) the indicator has on average decreased only by 1/3 to 2/5.

If one applies a little bit more rigid criterion of poverty by lifting its level by a little over one dollar from 1.9 to $3.1 at 2011 PPPs it is possible to reveal that the level of severe poverty is higher in DCs 2.5 times (28 to 30 per cent) and in LDCs – 1.7 times (68 to 70%; derived or calculated on the data from [3; 5, 2016, p. 19]).

Is everything hopeless in the group of LDCs or the waves of positive changes have uplifted them as a number of other DCs (ODCs)?

Dynamics of growth

LDCs represent 1/3 of all DCs, one billion people, but they make up no more than 2 per cent the world GDP and 1 per cent of the value of its exports. During the last three decades of the previous century dynamics of growth of their per capita GDP was substantially lower than on average in ODCs and advanced economies (AEs, see graph 1). However, in 2000–2015 the average annual growth rate (AAGR) of per capita GDP in LDCs has hugely increased. It stems from a series of factors, among them an improvement of barter terms of foreign trade (first of all in African LDCs), as well as a significant rise (primarily in Asian LDCs) of AAGR of agricultural production and exports of manufactured goods.

At the same time the per capita GDP in LDCs related to the average level of ODCs has decreased from 56 per cent in 1970 to 21 per cent in 2015. It means that despite certain successes achieved by LDCs, the gap between ODCs and them has expanded *in relative dimensions* 2.5 times, and *in absolute dimensions* – 7.8 times (from $1,200 to $9,400 at 2011 PPPs)[2].

Since dynamically growing group of ODCs managed to have curtailed its relative gap in per capita GDP with AEs nearly twice – from 6.9 in 1970 to 3.8 times in 2015 (although the absolute gap between them has nearly doubled), it turned out that the relative gap between LDCs and ODCs, measured by GDP per capita, became higher than on the whole between the ODCs and AEs. It means that the character of the processes of divergence and convergence which are underway

* Meliantsev V.A. – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chair, International Economic Relations, Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University, e-mail: vamel@iaas.msu.ru

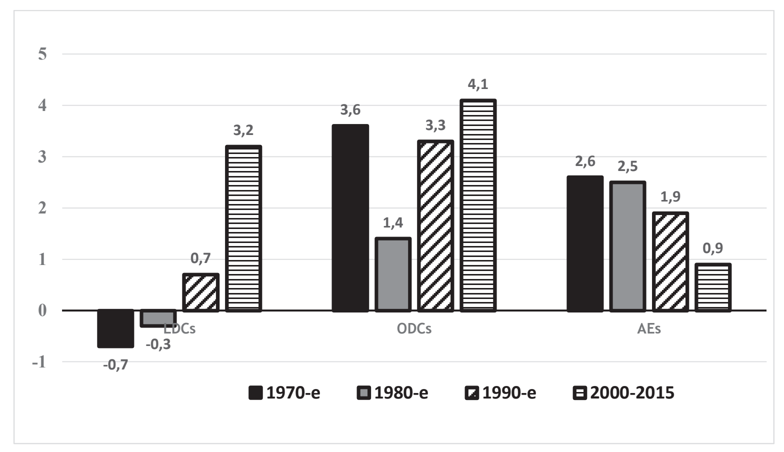
[1] Per capita consumption a day not exceeding $1.9 at 2011 PPPs.

[2] Unless otherwise stated, all calculations are made on the data from sources indicated in graph 1.

in the world is rather contradictory, and dangerously explosive potential of disproportions is currently increasing in it, which can result in serious economic, social and political consequences.

Graph 1

LDCs, ODCs and AEs: Average Annual Growth Rates of per capita GDP, per cent.

Calculated on the data from: [8; 2; 4].

Factors of growth

It is not easy to pin down the exact factors that have recently caused some acceleration in economic growth in nearly three dozen LDCs. However, one may start off with a simple pilot model (see below)[3]. Tentative conclusions are as follows. According to calculations, *comparatively faster per capita GDP growth* achieved during 2000–2015 within a group of 28 LDCs (which account for more than 90 per cent of their population), was due by 1/3 and 1/5 to faster growth of agricultural value added and exports (respectively), and approximately by ¼ – to improvement in government effectiveness[4].

$$\mathbf{GDPPERCAPGR_i = 0.59{*}AGRGR_i + 0.12{*}EXPGR_i + 2.86{*}\Delta GOVEFF_i}$$
$$\mathbf{(p{=}0.000) \quad (p{=}0.007) \quad (p{=}0.001)}$$
$$\mathbf{AdjR^2 = 0.83.\ N = 28.\ T = 2000\text{–}2015.}$$

$GDPPERCAPGR_i$, $AGRGR_i$, $EXPGR_i$, $\Delta GOVEFF_i$ – denote respectively average annual compound growth rates of per capita GDP, agricultural value added, exports of goods and services and improvement in government effectiveness calculated for 28 LDCs with population exceeding 5 million people for which necessary and relatively reliable data was available for 2000–2015. 28 countries are as follows: Afghanistan, Angola, Bangladesh, Benin, Burkina Faso, Burundi,

[3] Bearing in mind a good saying of British statistician George Box, that "all models are wrong, but some are (let us hope, -V.M.) useful".

[4] 1/5 of the effect can be attributed to other (non-identified) factors.

Cambodia, Central African Republic, Democratic Republic of the Congo, Eritrea, Ethiopia, Guinea, Lao People's Democratic Republic, Madagascar, Malawi, Mali, Mozambique, Myanmar, Nepal, Rwanda, Senegal, Sierra Leone, Sudan, Togo, Uganda, United Republic of Tanzania, Yemen, Zambia. **AdjR²** is the adjusted coefficient of determination (varies from 0 to 1, the more – the better) and **p** is the coefficient of statistical significance (varies from 1 to 0, the less – the better).

Calculated on the data from [2; 8; 9].

Elaborating on some of the above-mentioned theses, one may point out, that, although AAGR of Total Factor Productivity (TFP) in LDCs' *agriculture*[5] has grown 2.5 times (from 0.6 per cent in 1980–2000 to 1.5 per cent in 2000–2015), the gap in labor productivity in agriculture between ODCs and LDCs rose from twofold to fivefold (calculated on the data from [5, 2015, p. 50, 55, 72–75; 8]).

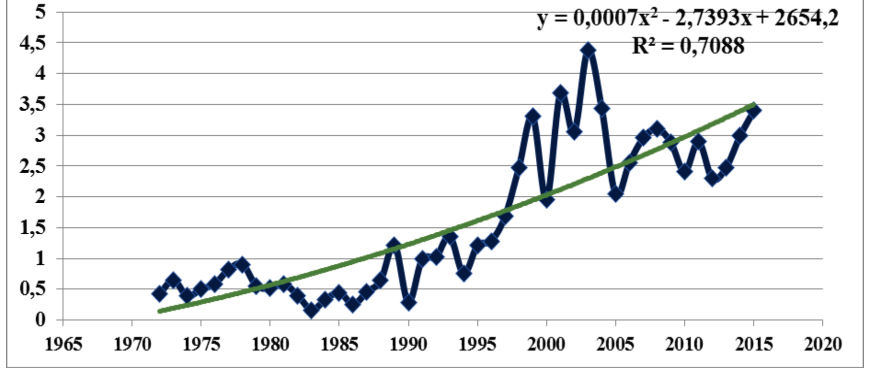
Twofold acceleration of rates of economic growth in LDCs (on the whole from 2.8 per cent in 1980–2000 to 5.6 per cent in 2000–2015) was also brought about by tripling of AAGR of their *manufacturing production* (to 7.7 per cent) and doubling of AAGR of *physical volume of exports* (to 9 per cent). However, LDCs' coefficient of concentration of exports has grown from 0.21 to 0.26, having surpassed that of ODCs by 2.8 and that of AEs by 3.8 times), and the share of mid-tech and high-tech exports in LDCs' exports is nowadays on average (4 to 5 per cent) nearly ten times less than on average in ODCs.

Despite the fact that LDCs' *share of domestic savings* in GDP has doubled (from 8.5 per cent in 1981–2000 to 16.5 per cent in 2001–2015), their *level of gross fixed capital formation related to GDP*, which has augmented from 16 to 23 per cent, is by ¼ fueled by external financial sources (Net Official Development Assistance amounts to 5 to 7 per cent of their Gross National Income; the rise of FDI inflows in LDCs related to GDP is shown in graph 2).

Graph 2

LDCs, 1970–2015: Foreign Direct Investment, net inflows (% of GDP).

Calculated on the data from sources in Graph 1.

[5] In 2015 the share of agriculture accounted for 2/3 in employment and ¼ in GDP in LDCs and 2/5 and 1/10 respectively in ODCs.

Although acceleration of GDP growth rates during the first decade and a half of the current century in ODCs as well as in LDCs was primarily caused by the increase in their *rates of growth of TFP*, in the latter group this increase was two times higher than in the former and accompanied by substantial increase in the contribution of TFP to GDP growth (in the group of LDCs from approximately (–)1/7 to 1/3 and in ODCs – from 1/5 to 1/3).

Table 1

LDCs, ODCs and AEs, 1980–2015: Sources of GDP Growth, per cent

	1981–2000				2001–2015			
	y	l	k	r	y	l	k	r
LDCs	2.8	2.4	4.8	-0.4	5.6	2.2	6.3	2.0
ODCs	4.1	1.9	5.8	0.8	5.3	1.5	7.0	1.9
AEs	3.0	0.3	3.4	1.6	1.6	0.15	2.2	0.7

Notes. 1. Calculated by applying the following formula: $y = \alpha*l + (1-\alpha)*k + r$, where l, k and r denote average annual growth rates of employment (corrected by using estimates of work hours), physical capital (gauged by applying R. Goldsmith's perpetual inventory method), and Solow residual. 2. The elasticities of GDP growth with respect to dynamics of labor (α) and physical capital ($1-\alpha$) are taken in proportion of 0.65 to 0.35 (following various studies).
Data sources are the same as for graph 1.

However, despite the fact, that during the first decade and a half of the current century ODCs and LDCs have been surpassing AEs by rates of TFP growth nearly three times, on the whole during 1980–2015 *the level of TFP* in ODCs related to AEs has risen only from 35 to 39 per cent and that of LDCs has actually decreased from 22 to 18 per cent (calculated on the data from sources to graph 1).

It is worth being emphasized that the basis for sustained economic growth in LDCs is so far very shaky. On average *the deficit of their current account balance* has risen fourfold from the period of 2006–2008 to 2014–2016 and reached 3 to 4 per cent of their GDP. As for AAGR of LDCs' per capita GDP, it has contracted more than twice from 4.9 per cent in 2005–2010 to 2.2 per cent in 2011–2016.

Parameters of human development

On a number of characteristics of human development LDCs on the whole have gradually started to catch up with ODCs. In 1980–2015 the indicator of life expectancy at birth has risen from 48 to 64 and from 62 to 72 years, and that of average years of educational attainment has augmented from 1.6 to 4.2 and from 4.5 to 6.9 respectively. However, the share of the adult population in LDCs which hold higher education degrees (3 to 4 per cent) is less approximately three times than on average in ODCs and ten times than in AEs. By a number of patent applications filed per one million people the gap between ODCs and LDCs has soared 20 times.

According to Human Development Index augmented by inclusion of index of technological development ODCs on the whole do not amount to 2/3 and LDCs – to 2/5 of AEs' level. The share of population in LDCs living in the middle of 2010s

in multidimensional poverty (2/3) was 2.5 times higher than on average in ODCs (1/4; calculated on the data from [7, p. 211, 228–230, 240–241, 245]).

It seems to me that without energetic efforts directed to reforming LDCs' basic institutions it will be very difficult for them to withstand technological and other challenges of quickly changing world, in which competition is gathering momentum. Meanwhile during the last decade approximately 2/5 of the LDCs have experienced substantial rise on Fragile States Index and only in 1/10 of them this index has significantly fallen. If by the level of per capita GDP LDCs have from the beginning of the century started to make some steps on the road of catch-up development, by the level of quality of institutions they are still hugely (in 1996–2015 two times) lagging behind ODCs, and the latter group, in its turn, nearly by the same factor is lagging behind the advanced economies (calculated on the data from [1; 9]).

References:

1. Fragile States Index. Decade Trends, 2007–2016. URL: http://fsi.fundforpeace.org/fsi-decadetrends (21.01.2017).
2. IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm. (06.02.2017).
3. Poverty Headcount Ratio at $1.9 and $3.1 a day (2011 PPP) (% of population). URL: http://databank.worldbank.org. (10.01.2017).
4. UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org. (21.01.2017).
5. UNCTAD. The Least Developed Countries, 2006–2016. New York, 2006–2016.
6. UNCTAD. Trade and Development Report, 2017. New York, 2017.
7. UNDP. Human Development Report, 2015. New York, 2015.
8. World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org. (10.01.2017).
9. Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance. (21.01.2017).

*Nemchinov V.M.**

Oriental Political Economy: Past, Present and Future

Institute of Oriental studies has a lasting and rich tradition of branch, country and regional economic studies. The scope of our academic research has covered non-Western economies since the distant past including active debates on the Asian mode of production, colonial and postcolonial periods as well as the more recent trends that brought the emerging politically independent national communities, their mixed economies and markets well into the 21st century. Our first widely acknowledged regional economic forecast with quarter of century span had extended to year 2005. The current estimates and extrapolated branch developments in the region are advancing into year 2050.

The present economic conference for the first time in several years structurally encourages dialogue and discussion on a range of themes suggested by participants. It was made available in e-format prior to the meeting of March 20, 2017. This opened ample opportunity to draw attention to a general talk on Eastern economic prospects and to the underlying broad theoretical options for regional studies. The way we define our general analytical framework reflects the inherited tenets and gives shape to the optical tools with which we see reality and form the comprehensive picture of the world.

By the end of the century bipolar world system had given way to the generally hailed unipolar capitalist view of the economy. But this globalist optics seemed to have blurred what is currently perceived as world economic disorder. In this context it looks appropriate to start a meaningful frank dialogue by a brief overview of the general and regional aspects of that issue.

In global colonial terminology (see Alonso Quijano) the underdeveloped economies starting from the last midcentury had to put a special emphasis on protectionist and state interventionist policies of economic dirigisme, when they have acquired sovereignty over their territory, irrespective of their either pro-Western or pro-Socialist orientation. Behind those modes of developmental economic patterns was the powerful social rationale of the national liberation movement. Progress had become the motto of the time and the leading vector of development for the “third world” [7].

Non-Western and an overt anti-Western orientation had given shape to similar progress oriented rhetoric, theoretical and practical constructs that in the “second world” were called socialist political economy. Another less ideologically tinted and, perhaps, more accurate description of such general social trend is currently known under the name of redistributory economy [1]. Its command centralist thrust allowed to dramatically win WWII, then countries of the “second world” managed to mobilize all their resources and get at military par with

* Nemchinov V.M. – Ph. D. (Economics), Senior research fellow, Economic research department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, viators@mail.ru

the more powerful capitalist economies and even to serve as a counterbalance and a promising alternative to Western historical predominance in the eyes of many developing countries. Anti-market nature of "giving out" resources that were distributed without becoming commodities may be not too surprising a strategy for huge territories located in high latitudes with permafrost conditions covering 67 per cent of Russian territory. In part, distributions have been also incorporated in Scandinavian model of capitalist development used not only by some big countries with large population, but more recently, "giving out" had occurred even in such a small wealthy country as Switzerland.

After the great crisis of 1930s Western libertarian economic theories had to incorporate such "hostile" economic elements as "general and universal employment, price stability, equity in balance of payments, need for GDP growth, redistribution of income and wealth, and social welfare provisions" [2, 249]. In political economy, the socio-political "tricolor" of the first, second and third world's different development vectors had shaped themselves into the colorful picture of the world until in recent two decades the globalist camouflage color had triumphed as "the end of history" and as a paramount model of the future. Yet Euro-Atlantic model with all its appeal didn't quite work as a panacea in various destabilized regions of the world as, at the brink of the third millennium, many economists and some politicians hoped would be the case.

The political and economic failure of the "united common European home" concept, of the "new thinking" agenda and the missed opportunity of good neighborhood with equal commonality of planetary actors, sadly boiled down to waking up the "sleeping dogs" of new regional conflicts. The ruling arrogant mediocracy with its unrestrained inkling to pushy pressures outside the "golden billion", turned actual and potential partners into opponents, which had spurred an unprecedented rise of newest global terrorism. Currently crowned by the US refusal to participate in Trans-Pacific partnership, all this seems to have resulted in another laydown of attempts to build a new world economic order in its seemingly unipolar and universally dominant democratic form. Eventually this endeavor is being replaced by the emerging technological and regional economic theories that should be paid attention to and analyzed in depth.

I would include in the first range of such theories, what can be generally called innovation oriented constructs. Their implementation has put several leading Eastern economies in the same advanced producer category with Western countries and, perhaps in some areas even, a bit above them. Japan was the first to do it several decades ago. The lead was then followed by Taiwan, and now this strategy "to be on the edge of a spear" is being implemented by China, Vietnam, Malaysia and a number of other countries of the region. Different leap-frog strategies are represented, primarily, by the information-communicative style of accelerated reproduction and simultaneous transnational mass transmission of constantly generated innovations in the domain of digital communications [5]. Most likely, in such a model of intensive development, it is precisely the ability of eventually to control requisite variety in the global flows of information

and a different way of thinking that is looped into the rapidly developing web network that is so vital in computer age of the Internet of things. In this sense, such an important marketing tool as comprehensive tracking and information management of individual demand should be perceived not simply as tracing real time consumer demand through chips, search engines and mobile phone signals, but as tracking the real-time changing personal preferences' monitoring, and active programming of "smart" life styles for millions of mass and individual behaviors. These human "fine tuning" strategies also involve the idea of economic, technological and social convergence as a new form of existential search for hierarchically universal paths of development.

In a paradoxical combination this futurist search is confronted by an Islamistic project, non-Western, religious, pro-Western secular archaic and, for the time being, still relatively marginal but growing Western populist radicalisms [4]. Actually, in dealing with the present-day political economy we move into a very special research direction – economic hermeneutics. For the current generation of research orientalists, this may be a completely unfamiliar field. It combines regional market forecasting, substantiated futurology, political psychology and economic history into a single node that A. M. Petrov had discussed with a large group of professionally mature and unorthodox thinking orientalists calling this complex conceptual construct "Genome of the East" [9].

In a strong society, it can give serious economic advantages in comparison to the economic dynamics of Western consumer societies. But in conditions of destroyed or weak state, this "genome" mutates and reintroduces into life rudiments of "vulgar parasitic despotism", outbursts of aggressive tribalism and outright cruel barbarity against its own population. It fosters disintegration of the post-war national statehood that falls into archaic degradation. Considering the current quasi-economic, pseudo-religious and social-despotic divergence in the East through the prism of manipulative technics, one can see the rise in the off-systemic hybrid criminal anti-civilizational forces in the Middle East, Africa and partly in Latin America. We can see here an anti-symbiosis of segmented and fragmented economic spheres, decaying ways of life, politics and ideology. It has to be stressed that there are no regional watertight bulkheads between East and West in the spread or redistribution of "manipulative political genes".

In Western Europe, similar neo-archaic trend manifests itself in manipulative ecological consciousness, in status ethos of privileged minorities, which is legally spread across "golden billion" as a sort of prestigious depopulation tool. Growth of increasingly radical right-wing sentiments belongs to the same split identity trend. Therefore, it seems important to trace down the whole chain of cognitive transmutations: postmodernism – relativism – kaleidoscopic surfing across fashionable styles – consensus allocation of socially acceptable versions of what is designated as the truth of today. In fact we are dealing here with a changing paradigm of the very request for the truly humane future economic livelihood in conditions when clear consciousness is no longer easily attainable. That is

why I expect we will soon see here fruitful conceptual constructs of new Western economy as we can start tracking this ongoing process in the East.

What answers to this social request will be found in the East? It is not necessary to present the matter as if it were a question of replacing one universal theory with another, as it happened when the cognitive matrix of Marxism had been abandoned three decades ago. A meaningful, well-designed choice of the rational relationship between different types, modes and levels of everyday economic life is urgently needed for the conscious improvement in the quality of economic management and for developing national strategy of multi-vector planning that surpasses the limits of national state borders. Multivector in this context does not presuppose a replacement of the traditionally existing sectors in different layers of economy, which is habitually guided by the standard logic of catching-up development. Here we can distinguish two main areas of regional economic research.

The first one is predetermined by an objective spatial-geographical and ecological-regional complementarity of the Eastern hemisphere, which forms a huge transcontinental super-region. The natural and climatic meridional zonal dispersion ranging from Polar areas to the tropics potentially allows transforming many depressive and encapsulated areas into ecological and intellectual local donor regions. But in the short term perspective it is not easy to implement these opportunities into viable practices. The regional, national and cross-border demand for the resource component under current conditions will be largely determined not so much by the availability of raw materials for export, but rather by the new quality of infrastructure management. This implies maintaining the existing and newly constructed transport and communication corridors, strategic farsightedness in protecting the nature and turning the economy more green than it is at present and, last but not the least, giving priority to augmenting and protecting human capital. In this context it is important to note that in order to overcome the negative impact of the current universal consumer model it would be necessary to implement a comprehensive transition to more effective regional models of co-development, where opportunities for integration will be strengthened in many different spheres.

The second area of research is related to the actual non-Western specificity of market and non-market parameters of economic life outside the “golden billion” zone. Speaking about the capitalist models operating in the East, one can see their significant differences from the West in the composition of agents and beneficiaries, in the level and vectors of motivation, in cross-border dynamics of capital flows and in habitual forms of economic cooperation. Understanding and proper use of these differences is required both for the efficient practical conduct of business and for theoretical analysis of the latent possibilities available to Eastern markets and economic systems. On this basis the non-traditional and ultramodern areas of Eurasian cooperation can be greatly expanded.

So far, this process is very sluggish, because actively induced neoliberal market criterion has in the long run perspective ceased to be an effective catalyst due to its inherent disregard for rational nature management, and because of

the deeply rooted multistructure where the sphere of narrowed reproduction is again growing and the share of subsistence households that are left outside the framework of commodity-money relations is remains excessively large.

National economic reforms of recent decades have not been able to or did not seek to involve private and small-scale reproduction into a growing sector of small private owners. On the contrary, this business generation as a whole has been superseded from reintegration into the modern reproduction process. Due to objective and subjective circumstances, they found themselves in an "economic knockout", where the losses in the marketable product exchange or in the work on hire are much higher than the expected profits. As a result, the share of non-commodity households and of pre-capitalist fading cottage industries had sharply increased. In such households, farms and economic entities the produced manufactured output becomes a commodity only as a result of non-economic coercion, bypassing the producer's motivation, through the produce extraction by numerous intermediaries. The beneficiary here and a de facto "agents of production" are represented here by a rapidly growing bureaucratic community. As a result, growth at one social pole is accumulated without development, while at the same time on the other pole, free economic activity of a significant mass of the population is being blocked.

Paradoxically, it seems that it is precisely here in the multistructural structure of national economy that a promising human resource of new Eurasian cooperation should be sought. In the e-network age and in conditions of chronic shortage of investments this beginning with be launched a low start. But the return would be exponential. Such could be one of the paths in the rapidly evolving epoch of multidimensional distributed electronic reproduction.

But as long as this understanding does not prevail, the sources of such novel growth are drowned out. On the local level, in the absence of social and legal protection, there is a growing disruption in social processes, and economic life at the grass-roots is characterized in a number of regions by disorganization, ambiguity and instability. This was particularly manifest during the period of social breakdown and early economic transformation, accompanied by a decline in the living standards and a compensatory increase of barter trade, "shuttle imports" and natural exchange. On this depleted economic basis, the marginal multi-subsistence had reappeared in many local territories. Low quality of management, depriving such areas of viable prospects, condones the manifestation of negative social traits in the declassed and deprived parts of the population, which causes polarization of everyday life and pushes out of the East massive migration flows that scare European burgers.

Under these conditions, the basis of poor social strata survival belongs to large family and traditional work organization of labor, that are less affected by the mechanisms of free market economic rationality. The latter is replaced by elements of the system of exchange deliveries and distribution. The forms of livelihood supply inherent to redistributory economy sectors are capable to upkeep considerable segments of population at a basic, survival level. They exist

in a number of countries on Eurasian subcontinent, but remain a “white spot”, outside the sphere of vision of many economists and institutional developers of state programs for those regions. It is necessary to pay attention to these and similar subjects in the discussion on the Eurasian economic prospects.

Hence, it is from this negative social point of reference that we have to search for an outlet into the Eurasian economic integration. It would be appropriate to start here with promoting simple grass root initiatives, because without this undergrowth major international transport projects and mega-initiatives will neither reach the intended destination, nor provide the multiplier impact. They would eventually sag, turning into enclaves that do not relate to the social fabric of recipient society. One of the important substantive aspects of the prospective cross-border economic integration should include a multifaceted focus on pouched-in related projects. Orientalists-economists seriously engaged in the theory of social development, know how deeply rooted are the grass-root forms manifesting Asian mode of production, caste traditions, non-commodity practices in the modern life of the APR and how much is done there today for pinpoint support of the lowest economic segments.

I want to draw attention to a largely forgotten side of potential social integration. It deals with the charitarian way of life which, in the fourth mode of consumer society – for instance in Japan – turns into a solidary, subsidiary interaction that promotes the culture of sharing and increases self-esteem of various strata of the population. It is important to note that the integratory starting point here is no longer production, but rather a redistributive chain or to put it accurately it is the personal attitude to life and to other people that forms the process. When a change in the forms of consumption is rooted in, it is followed by alterations in supply from the side of commodity and services production.

In South Asia and other regions, this way of sharing, partly works in the logic of distributary economy, but is focused on the intensification of the non-commodity household efficiency. For example, the philanthropic organization “Bellerive” S. Aga Khan for many years supplied the villagers in rural areas of India and Pakistan with high-tech inexpensive Polish stoves “burzhuiki” with very high efficiency and had educated the villagers how to make hay baskets-thermoses that allow them to keep hot food throughout the whole day. An emphasis on such micro efficiency is not only saving the costs and natural resources but can serve as a catalyst for self-sustaining development at local level. Such are examples of practical measures intended to save the population, and to begin the steps towards economic recovery of the hinterland. Energy-efficient technologies for different sectors of economy are being offered by the participants and the winners of the international “Global energy” prize. Essentially new segments of distributed sectors of economy are being developed in the digital technologies of the “Internet of things”.

All those selective examples are cited as evidence that self-employment, multi-structural activities and non-commercial production segments are preserved not only as rudiments of the past, but have their own perspective dynamics in

shaping the future more equal economy of the 21st century. Setting-up, studying, understanding, and solving these micro-economic issues has humanitarian, and state importance. Senseless attitude, or rather a misunderstanding of vital issues concerning the fate of the masses of people today, should be recognized as an unacceptable arrogance. The danger of the emergence of new failed and insolvent regions is too great and the humanitarian price of economic neglect of serving the people is too high to remain neglected. Such neglect is fraught with escalation of local, regional and international conflicts, with growth of geo-economic instability and with squandering of human potential.

Getting back to the newest themes of political economic research, it is important to note among other studies an alternative economic theory "Eurasian political economy" developed by St. Petersburg economists under the leadership of D. Yu. Mirapolsky in SPbSUE [3]. At the same time one may guess about a symbiotic theory of Chinese economists that is closed for external study and is merely outwardly framed in the form of ready-made constructs of new "silk belt" transport corridors and major strategic paths. In both cases, the category of "product" in its real and virtual forms is proposed as the defining principle of the latest Eastern economy. Mature economists currently shy off the free market Marxian theory of commodity production and lay emphasis on the category of "product" which is equally applicable to both the distributional regulatory mechanisms and to strategically planned market economies. In the first case, regularity prevails in its rent and tax redistributory forms targeted at final consumption, in the second – control is vested in value added marketable products proceeds' that are continuously redirected into new reproduction cycles. Their various combinations and specific interrelations characterize new economic milieu that develops in the electronic age.

Estimating the immediate and medium-term prospects, we see that the sixth and seventh technological structures will not develop in a homogeneous economic space, but rather in a complex and contradictory interface with traditionalist sectors that provide basic needs and survival for large segments of population by maximizing the use of underutilized and non-market way redistributed economic resources. Evaluating the current situation, "as the assessments of the latest Rhodes Forum [2016] showed, getting beyond the global geopolitical disorder and geo-economic disarray is not yet visible, and a whole series of related crises has already dragged most of the countries of the second echelon in a difficult period of prolonged instability", the study by orientalists of the major foundations for sustainable independent existence of diversified regional, national and regional economic segments in the East has become an urgent task [4]. To solve it, it seems that it is essential to continue the conversation begun at our present conference in the form of regularly held monthly consultations and meetings of economists and orientalists.

References:

1. Bessonova O.E. Institutes of the Russian Distribution Economy: a Retrospective Analysis. Novosibirsk, IE and OPP SB RAS Publishing house, 1997, 76 p.
2. Foucault M. The Birth of Biopolitics. SPb.: Science, 2010, 448 p.
3. Eurasian Political Economy: Textbook / eds. I.A. Maksimtsev, D. Yu. Mirapolsky, L.S. Tarasevich. – SPb.: SPbSEU Publishing house, 2016, 767 p.
4. A.V. Malashenko. Islamic Alternative and an Islamist Project. – Moscow: All World, Publishing house, 2006, 221 p.
5. V.M. Nemchinov. Eurasian Economic Integration in Conditions of Growing Geopolitical and Geoeconomic Instability: the Potential for Multi-structure, Self-employment and Non-market Forms of Economy // IV International Economic Forum “Eurasian Economic Perspective”, coll. papers I. Maksimtsev (ed.), Publishing House SPbSEU, St. Petersburg.: 2016, 222 p.
6. Victor Nemchinov “Riding on the Waves: How to Dialogue with the East” // Russia in the Asia-Pacific Region: Challenges, Perspectives, Opportunities. Special edition of the Eastern Economic Forum. Roscongress foundation. M.: 2016, 223 p.
7. V.M. Nemchinov. Human Dimension of the Latest Communication and Information Technologies: on the Way to Dialogical Knowledge of the 21st century. // Sat. Materials of the 21st conference “Science. Philosophy. Religion”: A Person before the Challenge of the Newest Information and Communication Technologies. M., 2014.
8. V.M. Nemchinov. Mixed Economy: Problems of Development Control. M.: Science. 1994. 231 p.
9. V.M. Nemchinov. “The Genome” of the East: Experiences and Interdisciplinary Opportunities // East (Oriens), – 2004, No. 6, p. 159.
10. V.M. Nemchinov. Perception of Duality in World Economic Communication and the Emergence of Modern Technological Thinking “// Countries of the East: Socio-political, Socio-economic, Ethno-confessional and Socio-cultural Problems in the Context of Globalization. In Memory of A.M. Petrov. – Moscow: IOS RAS, Center for Strategic Studies, 2012. – 282 p. (pp. 23–37)

*Pechishcheva L.A.**

India and Germany: Contemporary Economic Cooperation

The beginning of the 21st century was marked by the forming of a new approach to the development of the Indian-German cooperation in the political, social and economic spheres, as well as in science, education and culture.

The today's main direction of German-Indian interaction is economy. So, despite the global financial and economic crisis, Germany and India conduct forums and sign mutually beneficial agreements [2, p. 6].

It should be noted that it is vital trade and economic relations between India and Germany which are fastened by a number of agreements and treaties. Among them are:1. Trade Agreement of 31 March 1955;2. Exchange of Notes on the protection of German investments in India of 15 October 1964;3. Agreement for the Avoidance of Double Taxation, which came into force on 19 December 1996;4. Agreement for the Promotion and Protection of Investments, which came into force in July 1998 [5].

Among the key institutions, aimed at developing Indo-German trade and economic relations, are the Indo-German Chamber of Commerce (IGCC) (1956). The CCI head office is located in Mumbai, and foreign offices are situated in New Delhi, Calcutta, Bangalore and Dusseldorf, as well as the German Corporation for International Cooperation (GIZ – Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (2011).

Germany is India's largest economic partner in Europe, as well as it is one of India's top ten trading partners in the world. In 2015 India ranked 25th in Germany's trading partners.

Table 1

Indo-German Bilateral Trade (USD million) [3, p. 2]

Year (September – April)	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013
Indian Exports	5,121.53	6,388.54	5,412.89	6,751.18	7,942.79	3,489.63
% Growth		**24.74**	**-15.27**	**24.72**	**17.65**	
Indian Imports	9,884.83	12,006.02	10,318.18	11,891.37	16,275.56	7,134.36
% Growth		**21.46**	**-14.06**	**15.25**	**36.87**	
Total Trade	15,006.36	18,394.56	15,731.07	18,642.55	24,218.35	10,623.99
% Growth		**22.58**	**-14.48**	**18.51**	**29.91**	

If it takes into account investments, they increased from 2000–2008 more than by 3 billion euro, thus, making Germany the third largest investor after Great-Britain and the Netherlands in Europe and the seventh in the globe. In general, from January 2000 to March 2016 Germany's direct investment in India was estimated at 8.64 US billion dollars [4].

* Pechishcheva L.A. – PhD in History, Research Fellow, Center for Indian Studies, The Institute of Oriental Studies RAS, e-mail: lusya-85@inbox.ru

India's trading partners consider its growing economic and political influence in Asia and the world. However China leaves behind India in a number of indicators. Since the 1980s China annually demonstrated an economic growth rate about 10 per cent, and India, thanks to its economic reforms of the 1990s, could reach about 8 per cent. In addition, India still has serious problems in the social sphere: a higher level of poverty than in China, foibles in school education, a lower level of literacy, there are also trends disintegrating the society, including religious and caste characteristics. Moreover, the implementation of economic reforms in a multi-faith and multi-ethnic society under the conditions of democracy and multi-party system entails some difficulties [1, c. 843].

At the same time, India in comparison with China has a number of advantages that could provide it with economic success. So, India has a well-developed system of democratic institutions, the bedrock of civil society, legal proceedings that protect private property. India has an actively developing sector of high technologies, based on major achievements in the system of higher education. Besides, India does not face the problem of aging population like in China. The advantage of India, compared to China, is that liberalization and globalization of its economy are not threatened by the undermining or destruction of its political system. There is also a good infrastructure for the privatization of the state-owned enterprises in India.

Thus, the cooperation between India and Germany in the 2000s passed through the period of active transformation and it is currently developing quite rapid. In the context of globalization, India and Germany possess political, economic, cultural, scientific and technical resources for the development of their strategic partnership. According to German Chancellor Angela Merkel, India has sufficient economic and political potential to become for Germany a major partner in Asia, like China.

References:

1. Kusyk B., Shaumyan T. India – Russia: Strategic Partnership in the 21st century. – Moscow, The Institute of Economic Strategies, 2009. (Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий, 2009).
2. India and Germany. Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, 2007, 57 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www.in.kpmg.com/pdf/India_Germany.pdf (04.08.2016)
3. India – Germany bilateral relations. [Электронный ресурс]. URL: http://ficci.in/international/54525/Add_docs/India-Germany-Bilateral-Relations-21-12-12.pdf (15.02.2017)
4. India-Germany Relations. [Электронный ресурс]. URL: https://www.indianembassy.de/relationpages.php?id=37 (18.07.2016)
5. Indo-German Trade. [Электронный ресурс]. URL: http://www.india.diplo.de/Vertretung/indien/en/externe-links/GK__Chennai__Link__extern/link__extern__wi/Business_20with_20India/Indo__German__Trade.html (25.02.2017)

*Fedorchenko A.V.**

The Arab world: is the economic renaissance possible?

The research is focused at proceedings and prospects of economic development of Arab countries.

Even before the "Arab spring" the Middle East was an area of various conflicts and serious socio-economic, political, environmental and other problems that have had a negative impact on the population of the region. At the beginning of the twenty-first century the old model of the development has exhausted itself, clearly showing signs of stagnation. The 2011–2012 protest movement known as the "Arab spring" began as an attempt to change the vector of the social and economic development in several countries in the Middle East in order to bridge the gap between this part of the world and the developed and many developing countries. However, to complete this process immediately is not so easy. Revolutionary changes in the Arab world usually start quite quickly, but their completion is extended for many years.

The challenges facing the Middle East today – not enough high profile of participation in the international division of labor, the weakening of comparative advantage of industries in world markets (for high-tech products in the vast majority of Middle Eastern countries there are practically no comparative advantages), the inflexibility of the economic mechanism, excessive nationalization which does not allow to respond to frequent changes in external demand, the growth of external debt. Due to the baby boom of the 1980s the economy is not in a position to absorb millions of new workers, creating a breeding ground for the strengthening of the social base of international terrorism.

Minimizing of inevitable damage and negative impact of Middle East instability to the other regions of the world should be a realistic goal of all external actors. The "three baskets" format (security, economy and humanitarian cooperation), which became the basis of the Helsinki process in Europe 40 years ago, could be – with the obvious adjustments for regional specifics – a basis for a new system of collective security in the Middle East.

Macroeconomic reforms however have neither gone far enough to address the deep-rooted structural problems nor seriously tackled the governance and institutional reform issues. There is a need for accelerated and broad action on this front, including a fundamental reassessment of the role of the state in the economy and the creation of a rules-based regulatory environment. During the "Arab Spring" the economic situation has only worsened. The best hope for reconciliation in the Arab world comes from a focus on concrete issues such as economic reform. The author presents future scenarios of the transformation and reform process in the Arab world.

* Fedorchenko A.V. – D. of Sc. (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Director of the Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies, MGIMO University,
e-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Stage 1 – short-term goals

Jobs creation

An economic recipe for short-term job creation may be investments in large-scale public works (labor-intensive).

Increase the amount of promised foreign financial assistance. These funds will also help to transfer more national savings into productive private sector investment (Substitution effect).

To launch large-scale infrastructure projects based on public-private partnership and long-term international financing.

Another leverage is the new housing policy also based on public-private partnership. To develop areas currently occupied by urban slums. The loans extended to these projects could be a safe and high-return investment. Turkey has developed a relatively successful model of such reconstraction.

Role of the private sector

Internationally backed loan –guarantee schemes for national private investors.

Promotion of youth entrepreneurship.

Foreign trade

The EU and some other countries need to introduce an initiative for dismantling its agricultural trade barriers, including lowering tariffs, eliminating export subsidies, and gradually doing away with tariff quotas.

Management – more nongovernmental stakeholders (players) in the dialogue between the donor organizations and the Arab side.

Stage 2 – medium- and long – term goals.

Structural reforms are inevitable for a sound job-creation strategy, including training and skill creation, education reform, and product, labor, and service market liberalization.

Middle East countries need complex structural reforms:

- Continuation of economic reforms (privatization, liberalization of capital markets, labor, the system of foreign economic relations, modernization of financial institutions),
- strengthening the state's role in promoting progressive structural changes;
- deepening export-oriented manufacturing and services,
- social reform (reorientation of national education systems to meet demand of hi-tech sectors in labor force, the improvement of health services, the reorientation of grants-oriented welfare system to encourage participation in productive activities, increase women's economic activity).

A change of strategy in the direction of focusing on economic growth will help to achieve the triple objectives – 1) economic growth, aiming at a more equal distribution of national income, 2) a radical shift in job creation, 3) poverty

alleviation. This linkage of economic and social guidelines will not only contribute to the democratization and lowering of the level of conflict in society, but also to accelerate the economic development of the region.

Russia is interested in the restoration and strengthening of economic relations with traditional partners from the group of Arab countries. To do this, there are objective conditions – many years of experience in this part of the world, the high degree of complementarities between the needs of the Arab markets and opportunities of the economic potential of Russia.

A "Launch pad" for upgrading the entire complex of business partnership would not be simple trade exchange, but a clustering based on mutual flow of direct investments, technology and skilled labor. Penetration into the region through the "investment gate" seems more realistic.

Russia is strongly committed to the restoration of previously concluded contracts with our country, especially in the investment field and in the supply of complex industrial equipment and military equipment of Russian origin (I mean defensive systems).

The high competitiveness of Russian energy companies will allow them to participate more actively in the development of the Middle East energy sector, including oil and gas industry, nuclear energy, and electricity networks.

To ensure the national interests of Russia it is necessary to carry out a significant reorientation of trade flows between Europe and Asia on Russian transit routes by improving the competitiveness and attractiveness of the Russian transport corridors. It is advisable to combine the development of the transport corridor "North- South" and the railway network in the Middle East region. Delivery time on the route Helsinki – Dubai will be 8 days (the usual way – 20 days).

Russian export of educational services, which are quite competitive, not only will contribute to the formation of the new economy and the related international specialization, but also create a framework for mitigating the inherent contradictions and democratization in the countries importing these services.

Научное издание

Восточная аналитика

Выпуск 4, 2017

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка И. В. Федулов

Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 10,73. Уч-изд. л. 7,64.
Тираж 500 экз. Подписано в печать 13.11.2017 Заказ № 327

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел. Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо